

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Алтайский государственный университет

**ЧАСТНОЕ ПРАВО:
СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Сборник научных статей

Барнаул 2023

Об издании – [1](#), [2](#)

УДК 347(063)

ББК 67.404я43

Ч-253

Ответственный редактор: **И. В. Кирюшина**, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

Ч-253 Частное право: современные вызовы и тенденции развития: сборник научных статей / под ред. И. В. Кирюшиной; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. – Барнаул: АлтГУ, 2023. – 1 CD-R (1,4 Мб). – Систем. требования: Intel Pentium 1,6 GHz и более ; 512 Мб (RAM) ; Microsoft Windows 7 и выше ; Adobe Reader. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

Научное электронное издание

В сборник включены работы молодых ученых (студентов и магистрантов) Юридического института Алтайского государственного университета, подготовленные в соавторстве с преподавателями кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета.

производственно-технические сведения

Публикуется в авторской редакции

Верстка: Хмелинина М. В.

Дата подписания к использованию: 04.09.2023

Объем издания: 1,4 Мб

Комплектация издания: 1 CD-R

Тираж 30 дисков

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

656049, Барнаул, пр. Ленина, 61

Оглавление

Акимова Д.А., Холоденко Ю.В. Концепция освобождения от долгов в процедуре внесудебного банкротства.....	6
Альпимова А.М., Шаханина С.В. Таунхаусы: проблемы правового регулирования.....	18
Балакирева Д.Е., Блинова Ю.В. Правосубъектность сямских близнецов...24	
Барило А.Е., Блинова Ю.В. CULPA IN CONTRAHENDO в немецком праве.....	31
Барсукова А.П., Шаханина С.В. Актуальные проблемы защиты жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Алтайском крае.....	36
Беляков М.В., Коваленко Е.Ю. Принцип наиболее тесной связи в международном частном праве.....	45
Веретельник Е.И., Коваленко Е.Ю. Принцип автономии воли сторон: понятие, эволюция развития и особенности применения.....	53
Веретельник Е.И., Шаханина С.В. Правовой режим апартаментов по законодательству Российской Федерации: перспективы развития.....	62
Воробьев И. А., Кирюшина И.В. Проблема привлечения владельца агрегатора такси к ответственности за причинение вреда жизни или здоровью пассажира.....	67
Голегузова У.В., Холоденко Ю.В. Соотношение реституции виндикации...73	
Гостева Ю.В., Блинова Ю.В. Животные как источник повышенной опасности в российском и зарубежном законодательстве.....	81
Гулькина Е.А., Холоденко Ю.В. Сделка, совершенная под влиянием обмана, и мошеничество: цивилистический аспект разграничения.....	87
Деуля С.Ф., Филиппова Т.А. Недобросовестное осуществление гражданских прав потребителями как форма злоупотребления правом.....	95
Знобина А.Ю., Холоденко Ю.В. Особенности банкротства субъектов естественных монополий.....	108

Иванова О.В., Блинова Ю.В. Понятие источника повышенной опасности в российской доктрине и судебной практике.....	119
Иванто А.С., Кирюшина И.В. Потребительское кредитование в условиях экономических санкций.....	126
Карпова А.Д., Кирюшина И.В. Актуальные вопросы защиты прав потребителей в условиях распространения коронавирусной инфекции (COVID-19).....	131
Клочко З.С., Кирюшина И.В. Правовой статус владельца агрегатора информации о товарах и услугах по действующему российскому законодательству.....	136
Кожушко Д.С., Кирюшина И.В. Особенности возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ, услуг.....	143
Крапивкина Т.Ю., Холоденко Ю.В. Соотношение условий действительности и условий заключенности сделок.....	148
Лицкас М.В., Филиппова Т.А. Наследование корпоративных прав: некоторые проблемы теории и практики.....	161
Матвеев Д.Д., Филиппова Т.А. Понятие и правовой режим Пушкинской карты.....	171
Мельникова М.И., Холоденко Ю.В. Последствия недействительности сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта: анализ реформы гражданского законодательства.....	177
Милованов Н.Е., Блинова Ю.В. Защита произведений литературы в сети Интернет.....	187
Савина А.А., Холоденко Ю.В. Современные проблемы защиты прав потребителей в условиях пандемии.....	194
Черкашин Н.О., Блинова Ю.В. К вопросу об определении размера компенсации морального вреда.....	207
Шувалов А.М., Платунова Т.Л. Сальдирование, как альтернатива зачету в процессе несостоятельности (банкротстве).....	213

Акимова Диана Алексеевна, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Холоденко Юрий Витальевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

КОНЦЕПЦИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ДОЛГОВ В ПРОЦЕДУРЕ ВНЕСУДЕБНОГО БАНКРОТСТВА

Статья посвящена исследованию одной из новелл отечественного законодательства, а именно внесудебному банкротству граждан. Проведен сравнительный анализ внесудебной процедуры банкротства в Российской Федерации и процедуры discharge в зарубежных юрисдикциях. Рассмотрены основания освобождения от долгов и роль МФЦ в рамках данной процедуры. В заключении делается вывод о необходимости дальнейшего реформирования положений о внесудебном банкротстве.

Ключевые слова: процедура, внесудебное банкротство, освобождение от долгов, должник, кредитор.

С 1 сентября 2020 г. вступили в силу новые положения Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее по тексту – Закон о банкротстве): в главу X был введен отдельный § 5 «внесудебное банкротство гражданина» [2].

Как отмечает Р. Т. Мифтахудинов, вопрос упрощенной процедуры банкротства был поднят еще в 2016 г., когда уже через год применения положений § 1.1 главы X Закона о банкротстве стало понятно, что введенной с 1 октября 2015 г. процедурой смогут воспользоваться только «небедные банкроты» – как показала практика, у гражданина для этого должно было быть не менее 100 тыс. руб. И половина из них приходилась на минимальное вознаграждение арбитражного управляющего [3].

Согласно статистическим данным Федресурса [4] всего за период с 1 сентября 2020 года по 31 декабря 2021 многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг (далее по тексту – МФЦ) опубликовали 6475 сообщений о возбуждении процедур внесудебного банкротства граждан. При этом МФЦ вернули гражданам 9009 заявлений, соответственно, доля начатых процедур составила 42%. В 2021 году МФЦ опубликовали сообщения о завершении 3863 процедур внесудебного банкротства, в 2020 году завершений еще не было.

Приведенные показатели, в том числе обусловлены высоким уровнем закредитованности населения. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) выяснил, что более половины россиян (51%) имеют непогашенные кредиты [5], объем кредитов и прочих размещенных средств, предоставленных физическим лицам, по данным Статистического бюллетеня Банка России (2020 г.), составил около 17 568 169 млн руб. [6]. В такой ситуации государство обязано было уделить повышенное внимание защите имущественных прав наиболее уязвимых слоев населения, как замечает профессор С.А. Карелина [3]. Понимая необходимость реформирования института несостоятельности, законодателем была введена новая внесудебная процедура банкротства гражданина, в основе которой лежит концепция освобождения от долгов.

Данная концепция нашла свое отражение в ст. 223.6 Закона о банкротстве, посвященной внесудебной процедуре банкротства, а именно: «по истечении шести месяцев со дня включения сведений о возбуждении процедуры внесудебного банкротства гражданина в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве завершается процедура внесудебного банкротства гражданина и такой гражданин освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов...».

Институт освобождения от долгов (discharge) как элемент доктрины fresh start известен и в зарубежных юрисдикциях. Концепция «нового старта», предполагающая списание части долгов, в той или иной мере существует

практически во всех правопорядках и, имея сугубо социальную направленность, применяется физическими лицами как удобный и легальный выход из долговой кабалы [7, с. 19].

В связи с этим представляется интересным провести сравнительный анализ внесудебной процедуры банкротства и процедуры discharge в зарубежных юрисдикциях. Для проведения исследования нами был выбран ряд классифицирующих критериев, которые легли в основу анализа. Так, во-первых, мы проанализируем правовые основания для предоставления discharge должнику, во-вторых, обратим внимание на длительность процедур в различных юрисдикциях. Третьим и наиболее интересным для нас станет следующий критерий – какой именно орган должен вводить в отношении должника процедуру, результатом которой станет освобождение от долгов.

Критерий первый. Как было отмечено ранее, странам континентальной правовой системы доктрина fresh start известна, она эффективно применяется на практике. В частности, рассмотрим опыт Германии. Положения о праве на освобождение нашли свое отражение не только в отдельной главе Закона о несостоятельности Германии [8], но и в разделе, посвященном общим положениям. Так, уже в ст. 1 Закона, устанавливающей цели банкротного законодательства, указано, что добросовестному должнику должна быть предоставлена возможность освобождения от остаточной задолженности (discharge of residual debts). Обратим внимание на то, что освобождение происходит лишь от остаточной части задолженности, что соответствует основной идее fresh start, о чем и было сказано ранее. В ст. 1 Закона о несостоятельности Германии наше внимание привлекло также и требование о том, что discharge предоставляется именно добросовестному несостоятельному гражданину. В нормах же Закона о банкротстве в отношении внесудебного банкротства отдельно не выделяется требование добросовестности. Имеет место предположение, что в очередной раз отечественным законодателем не было упомянуто требование о добросовестности как конститутивное (к примеру, как это сделал немецкий законодатель), так как «сомнения в

добросовестности неприемлемы для института банкротства гражданина» [7, с. 23].

Более подробно институт discharge регламентирован в отдельной части Закона о несостоятельности Германии. Как таковые немецкий законодатель не устанавливает требования, которым должен соответствовать должник, в отношении которого возможно применение процедуры освобождения от долгов. Однако сразу обратим внимание, что в ст. 290 Закона установлены негативные критерии допустимости использования discharge, а именно, законодательно установлены случаи, в которых освобождение от долгов не предоставляется. Так, не предусмотрено право на освобождение для следующих категорий: к таким должникам в первую очередь относятся те лица, которые по неосторожности или грубой небрежности представили ложную или неполную письменную информацию о своем экономическом положении; должники, которые своими умышленными действиями нарушили процесс удовлетворения требований кредиторов по делу о банкротстве; должники, которые не представили информацию арбитражному управляющему или неохотно с ним сотрудничали. Таким образом, должник, который не соответствует вышеуказанным критериям, имеет право на discharge. Концепция освобождения от долгов, тем не менее, не распространяется на ряд обязательств, что, по всей видимости, объясняется их публичной значимостью. Так, discharge не распространяется на алиментные или налоговые обязательства.

Более стройная система критериев разработана американским законодателем, однако, как и в Законе о несостоятельности Германии, мы вынуждены вести речь о негативных критериях. Так, ст. 727 главы 7 Банкротного кодекса США [9] устанавливает, что освобождение от долгов не предусмотрено, к примеру, для должников, намеренно искаживших информацию, которая позволила бы установить финансовое состояние должника и осуществляемые им хозяйственные операции; для должников, которые сознательно использовали ложную информацию в отношении имеющегося имущества.

Иначе построена система оснований освобождения от долгов в отечественной концепции внесудебного банкротства гражданина. Освобождение от долгов во внесудебном порядке по смыслу Закона о банкротстве применяется при наличии двух критериев. Согласно п. 1 ст. 223.2 Закона о банкротстве с заявлением о признании банкротом во внесудебном порядке может обратиться гражданин, общий размер денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей которого составляет не менее 50 тыс. руб. и не более 500 тыс. руб. Из этого следует, что первым критерием допустимости применения в отношении гражданина процедуры освобождения от долгов во внесудебном порядке является размер денежных обязательств и обязательств по уплате обязательных платежей. Здесь примечательно то, что при определении размера обязательств законодатель включает и алиментные обязательства. О.Р. Зайцев полагает, что 500 тыс. руб. – это весьма низкий верхний порог, который оставит «за бортом» очень многих граждан [3]. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть вариант повышения максимального порога для внесудебного банкротства до 1 – 1,5 млн руб., что снизит нагрузку на арбитражные суды и уменьшит количество бесперспективных банкротных дел, прекращенных в связи с отсутствием у должника средств на финансирование процедуры. Вторым критерием, которому должен соответствовать должник для инициирования процедуры банкротства во внесудебном порядке – это наличие окончательного исполнительного производства в связи с возвращением исполнительного документа взыскателю, а также отсутствие иного возбужденного исполнительного производства после возвращения исполнительного документа взыскателю. По мнению вышеуказанного автора, это сужает круг применения процедуры еще больше, оставляя ее только для совсем нищих или хорошо прячущих активы. Немалое же количество людей, зарабатывающих лишь немногим больше прожиточного минимума (например, продавец в магазине с зарплатой в 30 тыс. руб. или пенсионер с пенсией в 17 тыс. руб.), не смогут воспользоваться ею и останутся пока в пожизненной кабале, поскольку полноценную процедуру банкротства

позволить себе не могут. При этом Закон никак не ограничивает период после окончания исполнительного производства, по истечении которого можно прибегнуть к данной процедуре. Можно ли через пять лет взять кредит и тут же подать заявление о внесудебном банкротстве, чтобы его списать [3]? Представляется, что в этой части внесенные изменения также нуждаются в доработке.

Кроме предусмотренных п. 1 ст. 223.2 условий, для признания гражданина банкротом во внесудебном порядке не требуется его соответствие и (или) подтверждение соответствия иным условиям. Соответствующее разъяснение приведено в п. 2 той же статьи и наводит на мысль о том, что перечень условий является закрытым (т. е. состоящим только из двух критериев), но так ли это на самом деле? В этом случае обратимся все к той же ст. 223.2 Закона о банкротстве. При анализе данной статьи наше внимание привлеч также и п. 4, в котором указано, что при подаче заявления о признании гражданина банкротом во внесудебном порядке гражданин обязан представить список всех известных ему кредиторов.

Данное положение представляется необходимым рассматривать с учетом п. 2 ст. 223.5 Закона о банкротстве, в котором говорится о праве кредитора, не указанного в заявлении должника, обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании такого гражданина банкротом. Из этого следует, что если должник не укажет одного из кредиторов, то последний уполномочен на трансформацию процедуры в судебную. Таким образом, Закон о банкротстве все-таки указывает и на третье условие для реализации механизма освобождения от долгов во внесудебном порядке. Данное условие в некотором роде схоже с условием предоставления discharge, регламентированного нормами зарубежных правовых порядков (США и Германии). В частности, мы имеем в виду негативное условие о недопустимости предоставления права на освобождение от долгов для должников, скрывших имеющую значение для процедур банкротства информацию. Это, несомненно, положительная тенденция, направленная на расширение и детализацию условий реализации права на освобождение.

Критерий второй. Право на освобождение является одним из ключевых элементов доктрины *fresh start* в американской системе правового регулирования банкротства. Банкротство, в соответствии с главой 7 Банкротного кодекса США, проходит под девизом «освободись за три месяца от большей части долгов, сохранив дом, машину и другое необходимое имущество».

В Великобритании норма о праве на освобождение находится в Акте о несостоятельности 1986 г. [10]. Согласно ст. 279 вышеупомянутого акта физическое лицо освобождается от банкротства к концу годового периода с момента начала процедуры банкротства (момент начала процедуры банкротства определяется ст. 278). Период, после которого может быть получено освобождение, согласно положениям отечественного Закона о банкротстве в области внесудебной процедуры банкротства граждан, – менее установленного в Акте о несостоятельности 1986 г. Пункт 1 ст. 223.6 Закона о банкротстве устанавливает, что гражданин освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов по истечении шести месяцев со дня включения сведений о возбуждении процедуры внесудебного банкротства гражданина в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. Исходя из этого, шестимесячный период, после которого должнику предоставляется освобождение от долгов в России, является средним по длительности.

Критерий третий. Какой именно орган должен вводить в отношении должника процедуру, результатом которой станет освобождения от долгов? Так, в США освобождение от долгов может быть осуществлено в соответствии с главами 7, 11, 12 и 13 Банкротного кодекса США. В частности, как следует из содержания ст. 727, именно суд предоставляет должнику освобождение от долгов. На участие суда в процедуре *discharge* указано и в главе 8 Закона о несостоятельности Германии. К примеру, в ст. 300 также указывается на роль суда при освобождении должника от остаточной части долгов. Говоря о роли суда в процедурах банкротства в Германии, нельзя не отметить и тот факт, что, описывая принципы проведения процедур в банкротстве, немецкий

законодатель делает акцент именно на принципах осуществления судом своих полномочий в рамках дела о банкротстве, что, как нам кажется, также подтверждает его значительную роль в деле о банкротстве по праву Германии. Таким образом, в зарубежных юрисдикциях (в частности, в рассмотренных нами США и Германии) освобождение от долгов не может произойти без участия суда. В России судебного органа в процедуре внесудебного банкротства гражданина нет, и освобождение от долгов происходит с участием МФЦ. К сожалению, не совсем понятна логика законодателя в вопросе о том, по какой причине МФЦ стали уполномочены рассматривать и проверять заявления гражданина о признании его банкротом во внесудебном порядке. В соответствии с разъяснениями ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [11] МФЦ – это организация, созданная в организационно-правовой форме государственного или муниципального учреждения (в том числе являющаяся автономным учреждением), отвечающая требованиям, установленным законом, и уполномоченная на организацию предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе в электронной форме, по принципу «одного окна». В ст. 2 также раскрывается понятие государственной и муниципальной услуги, сущность которой сводится к деятельности по реализации функций либо органов исполнительной власти, либо органов местного самоуправления. В связи с этим встает вопрос о допустимости осуществления многофункциональным центром полномочий по освобождению от долгов, если в ст. 35 Конституции РФ [12] установлено, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Таким образом, лишение кредиторов своего имущества должно допускаться только по решению суда, в противном случае происходит нарушение конституционных гарантий.

Нивелирование роли суда в рамках процедуры внесудебного банкротства граждан порождает и проблему неоправданной и нецелесообразной модификации научной парадигмы самого термина «банкротство» (и, к

сожалению, модификация происходит не под влиянием развития научных теорий). Объясним, что именно, на наш взгляд, вызывает опасения. Для этого проанализируем определение термина «банкротство» в его законодательном развитии. Так, обратимся к ст. 2 Закона о банкротстве в редакции от 1 октября 2020 г., где законодатель разъясняет, что банкротство – это «...признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам...». В данной редакции определения вызывает интерес его первая часть – «...признанная судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства...». Напомним, что ранее термин «банкротство» понимался совсем иначе, а именно как «...признанная судом неспособность должника...» (для примера мы привели определение в редакции от 11 августа 2020 г.). Таким образом, мы попытались продемонстрировать, что законодателем было расширено понятие «банкротство», при этом расширение произошло за счет включения в термин неоднородных правовых механизмов: судебный порядок был поставлен в один ряд с некоторой заявительной процедурой, осуществляемой МФЦ. Как замечает Е.Е. Уксусова, содержательное расширение данного понятия вызывает возражения [3].

Интересно поразмышлять и над вопросом: а что же является тем самым юридическим фактом, с которым закон будет связывать наступление конкретных последствий в виде потери кредиторами своего имущества? В связи с этим, как нам видится правильным, следует более тщательно подходить в первую очередь к правовой сущности явления, первоначально определившись с главной проблемой новой процедуры: имеет ли она правоподтверждающий или порождающий эффект? Нам кажется, что с учетом такого условия, как наличие окончательного исполнительного производства в связи с возвращением исполнительного документа взыскателю, а также отсутствие иного возбужденного исполнительного производства после возвращения взыскателю, первый вариант представляется наиболее подходящим, и ведь

действительно, основная функция МФЦ сводится к проверке соответствия должника ряду требований, указанных в п. 1 ст. 223.2 Закона о банкротстве.

Критикуя ряд существенных начал процедуры внесудебного банкротства, видится довольно важным осветить и причины введения новых норм в Закон о банкротстве, возможно, они оправдывают применение дефектных правовых конструкций? Среди аргументов, названных в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в части внесудебного банкротства граждан [13], было указано, что судебное рассмотрение дел о банкротстве граждан является трудоемким, малоэффективным и дорогостоящим, в связи с этим важным аспектом данной процедуры становится ее бесплатность для гражданина. Отмечается также, что данный закон должен способствовать снижению нагрузки на суды. Однако говорить о снижении нагрузки на суды на данный момент затруднительно, так как в случае сокрытия гражданином имущества или незаконной передачи имущества третьим лицам у кредитора возникает необходимость обращения в арбитражный суд. И, как указано в юридической литературе, таких вариантов перехода в судебную сферу множество, а значит, все опять замыкается на судебной процедуре. Правоприменителями также обращается внимание на то, что принятие норм о внесудебном банкротстве повлечет появление и новых категорий дел в судах [3]. В частности, в п. 7 ст. 223.2 Закона о банкротстве предусмотрена возможность обжалования возврата поданного заявления о признании банкротом во внесудебном порядке.

Подведем итог. Проведенный нами сравнительный анализ показал, что нормы Закона о банкротстве в области внесудебной процедуры имеют ряд существенных отличий от положений законов о банкротстве в других странах (в частности, США, Германии и Великобритании). К таким отличиям в первую очередь относится тот факт, что в зарубежной практике реабилитационное право освобождения вводится судом, нелогичен в некотором роде и перечень очень узких в сравнении с другими нормами банкротного регулирования как в

странах англосаксонской, так и континентальной правовой системы оснований освобождения от долгов, выработанный отечественным законодателем.

По мнению Е.Н. Акимова, есть еще один «тренд» развития банкротства граждан, который у нас не отражен, – подход *can pay, should pay* (можешь платить – заплати). Он означает, что если у должника есть определенный уровень доходов, то он должен некоторое время выплачивать часть долгов кредиторам, чтобы подтвердить свою добросовестность. Только после этого человек освобождается от долгов. Такой институт в той или иной форме работает почти во всех развитых европейских банкротных системах. Можно подумать о том, как отразить подход и в нашем законе [14]. Представляется рациональным заимствовать и одну из ключевых идей новозеландского правового механизма для проведения упрощенного банкротства в России, а именно – предоставить гражданам возможность подавать заявление на внесудебное банкротство в электронном виде [15, с. 60], например, с использованием единого портала государственных услуг Российской Федерации. Реализация такой возможности, как нам кажется, позволит сократить временные издержки граждан и повысит удобство осуществления процедур, направленных на включение сведений о внесудебном банкротстве в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве.

Стоит ли дальше расширять применение этого института? Безусловно, стоит. Однако перспективы развития процедуры внесудебного банкротства, на наш взгляд, связаны прежде всего с вопросом о том, не обесценятся ли в восприятии общества плюсы этой процедуры, связанные с ее простотой и экономичностью, по сравнению с судебной. От этого зависит, будет ли ее применение расширяться или наоборот.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 289-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Зайцев, О.Р. Внесудебное банкротство / О.Р. Зайцев, Р.Т. Мифтахутдинов, А.В. Юхнин [и др.] // СПС «КонсультантПлюс».
4. Банкротства в России: итоги 2021 года. Статистический релиз Федресурса [Электронный ресурс]. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Банкротство%20статрелиз%202021.pdf> (дата обращения 17.09.2022).
5. Кредитная история: бум или статус-кво? [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kreditnaya-istoriya-bum-ili-status-kvo> (дата обращения 17.09.2022).
6. Статистический бюллетень Банка России [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/statistics/bbs/> (дата обращения 17.09.2022).
7. Карелина, С.А., Фролов И.В. Механизм освобождения гражданина-должника от обязательств как следствие его банкротства: условия и порядок применения / С.А. Карелина, И.В. Фролов // Право и экономика. – 2015. – № 10.
8. Закон Германии о несостоятельности (Insolvenzordnung) (на англ. Insolvency Statute of 5 October 1994) [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_inso/englisch_inso.html (дата обращения 17.09.2022).
9. Кодекс США о банкротстве (Bankruptcy Code) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11> (дата обращения 17.09.2022).
10. Закон Великобритании о несостоятельности (на англ. Insolvency Act 1986). [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/45/section/278#commentary-M_F_2563c3c3-5ecf-469d-f1c5-71f2d175389f (дата обращения 17.09.2022).
11. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

13. Проект Федерального закона № 792949-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в части внесудебного банкротства гражданина» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 12.09.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

14. Банкротство не так и страшно [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4510992> (дата обращения: 17.09.2022).

15. Смирных, А.Г. Упрощенное банкротство граждан. Почему нужно заимствовать опыт Новой Зеландии / А.Г. Смирных, А.В. Амелин // Арбитражная практика для юристов. – 2018. – № 7.

Сведения об авторах: **Акимова Диана Алексеевна**, студент Юридического института Алтайского государственного университета, diana.akimova.02@inbox.ru, +7(963)575-14-72

Холоденко Юрий Витальевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, holodenko@de-kons.ru, +7(903)910-13-33

Альпимова Айза Махабатовна, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Шаханина Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

ТАУНХАУСЫ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье исследуются особенности правового режима таунхаусов в действующем гражданском и жилищном законодательстве РФ, дается оценка его эффективности. На основе анализа проблем правоприменительной деятельности сделаны предложения по совершенствованию правового регулирования в этой сфере.

Ключевые слова: таунхаус, дом блокированной застройки, многоквартирный дом, жилой дом, жилищное законодательство

Таунхаусы как объекты недвижимости появились на российском рынке недвижимости не так давно, но приобретают всё большую популярность. Вместе с тем, при значительном количестве уже построенных объектов, называемых «таунхаусами», существует тотальное законодательное невежество в их отношении. В свою очередь это влечёт за собой возникновение множества организационных и правовых вопросов, что напрямую влияет на основания возникновения прав собственника строения и проживающих в нем лиц, а также на реализацию таких прав и их защиту.

Анализ российского законодательства позволяет позиционировать таунхаусы как дома блокированной застройки: таунхаусы – гибридная система строений, соединившая в себе черты индивидуального жилого и многоквартирного домов. В этой связи на страницах научной литературы развернулась научная дискуссия. Предпринимались попытки распространить на таунхаусы правовой режим жилого дома, в других случаях - правовой режим многоквартирного дома.[1; 2] С 1 марта 2022 года этой полемике был положен конец: вступили в силу нормы Федерального закона от 30.12.2021 № 476-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], в соответствии с которыми Градостроительный кодекс теперь определяет, что дом блокированной застройки – разновидность жилого дома.

Проанализируем насколько эффективен такой подход законодателя в отношении домов блокированной застройки. Сначала предположим, что на таунхаусы распространяется правовой режим многоквартирного дома. Такая

позиция отражена в частности в апелляционном определении Верховного суда Республики Башкортостан от 2 октября 2017 г. по делу № 33-20772/2017 [4], где он отменил решение Орджоникидзевского районного суда г. Уфы по иску о признании жилого дома домом блокированной застройки. Свои выводы суд обосновал тем, что дом блокированной застройки определяется в Градостроительном кодексе РФ в целях урегулирования отношений, связанных с экспертизой проектной документации и результатов инженерных изысканий, государственной экологической экспертизой проектной документации объектов, строительство, реконструкцию которых предполагается осуществлять в исключительной экономической зоне РФ, на континентальном шельфе, во внутренних морских водах, в территориальном море и т.д. По мнению суда, применение дефиниции дома блокированной застройки к иным правоотношениям является необоснованным. Вместе с тем она не противоречит понятию многоквартирного дома, предложенному в постановлении Правительства РФ №47 от 28.01.2006 г.: многоквартирный дом - совокупность двух и более квартир, имеющих самостоятельные выходы либо на земельный участок, прилегающий к жилому дому, либо в помещения общего пользования в таком доме. При определенных условиях (например, наличие общего имущества) объект, обладающий признаками дома блокированной застройки, может являться многоквартирным домом.

Противоположная позиция представлена в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.04.2016 N 56-КГ16- 1[5], где указывается, что дома блокированной застройки не относятся к многоквартирным. Толкование понятия квартиры дает понять, что основным критерием отнесения жилого дома к многоквартирному является совокупность квартир, имеющих отдельные выходы в помещения общего пользования, а также наличие элементов общего имущества. Поскольку из материалов дела следует, что в жилом доме общие помещения отсутствуют, суд заключает, что здание не является многоквартирным домом.

Представляется, что распространить режим многоквартирного дома на таунхаусы - дома блокированной застройки - действительно, трудноосуществимо. Многоквартирные дома по своей конструкции могут быть как блокированной, так и неблокированной застройки, но, тем не менее, имеется ряд существенных отличий, который не позволяет применить в отношении домов блокированной застройки режим многоквартирного дома. Во-первых, в домах блокированной застройки каждая отдельно взятая секция (блок) предназначена для проживания одной семьи и состоит не из квартир, а из комнат, в блокированных многоквартирных же домах в таких блок-секциях расположены квартиры, предназначенные для проживания нескольких семей, также в блок-секциях наряду с квартирами расположены помещения общего пользования, относящиеся к общему имуществу собственников многоквартирного дома. Примыкающие к дому земельные участки принадлежат собственникам «блоков» на праве индивидуальной, а не общей долевой собственности. Во-вторых, многоквартирные дома отличаются от жилых домов блокированной застройки не только наличием элементов общего имущества собственников помещений в таком доме, но и входением в состав многоквартирного дома нежилых помещений, не включенных в состав общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме. В связи с чем многоквартирный дом необходимо рассматривать в качестве особого специфического единого недвижимого комплекса, состоящего из помещений, предназначенных для жилых и нежилых целей, которые могут находиться в собственности граждан, юридических лиц, РФ, ее субъектов и муниципальных образований, и общего имущества многоквартирного дома, находящегося в общей долевой собственности собственников помещений в таком доме.

Теперь рассмотрим распространение на таунхаусы режима жилого дома, что и осуществил законодатель путём принятия Федерального закона от 30.12.2021 № 476-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3].

Согласно пункту 40 обновленной статьи 1 Градостроительного кодекса РФ, дом блокированной застройки - жилой дом, блокированный с другим жилым домом (другими жилыми домами) в одном ряду общей боковой стеной (общими боковыми стенами) без проёмов и имеющий отдельный выход на земельный участок. Часть 2 статьи 16 Жилищного кодекса РФ дает следующее определение жилого дома: жилым домом признается индивидуально-определенное здание, которое состоит из комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком здании. Таким образом, таунхаусы в нынешнем понимании будут теперь представлять ряд соединенных между собой индивидуально-определенных зданий, включающих в себя комнаты и помещения вспомогательного характера.

Видится, что такой подход законодателя наиболее оптимален и целесообразен, он позволяет сохранить те специфические черты, которые присущи таунхаусу, и одновременно решить ряд проблем.

Так, если на таунхаус распространяется режим многоквартирного дома, то земельный участок как элемент имущества многоквартирного дома в соответствии с пунктом 4 части 1 статьи 36 Жилищного кодекса РФ принадлежит всем собственникам помещений таунхауса на праве общей долевой собственности. Если же таунхаус имеет статус индивидуального жилого дома, то каждый блок должен быть расположен на отдельном земельном участке, который может быть приобретен собственником дома: если земельный участок находится в собственности застройщика, возможен выдел участка под отдельным блоком с передачей прав покупателю как на земельный участок, так и на строение (реализация основополагающего принципа римского частного права «*superficies solo cedit*»); в случае, когда земельный участок арендуется застройщиком, то приобретение земельного участка собственником помещения может быть осуществлено в порядке, установленном главой V.1 Земельного Кодекса РФ (путём выкупа у государства).

Отнесение таунхаусов к жилым помещениям наконец избавит проживающих в нём лиц от платежей за несуществующую общедомовую площадь. «Весьма показателен в этом плане вывод Московского городского суда, сформулированный по одному из споров, о том, что собственник квартиры в доме «Таунхаус», независимо от того, является ли он членом товарищества собственников жилья (ТСЖ), обязан оплачивать расходы на содержание и ремонт общего имущества дома, а также вносить плату за коммунальные услуги, предоставленные управляющей компанией, утвержденной общим собранием членов ТСЖ» [6 с.26]. Такая позиция основана на применении судом к отношениям собственности на квартиру в доме «Таунхаус» норм о соответствующих обязанностях собственника помещения в многоквартирном жилом доме.

Внесенные поправки позволяют поставить таунхаус на кадастровый учёт или зарегистрировать права на него как на здание с назначением «жилое».

Безусловно, нововведения не в полной мере позволили устранить пробелы правового регулирования статуса таунхаусов, поскольку содержат в себе недоработанные, логически противоречивые нормы. Тем не менее, определение понятия домов блокированной застройки (таунхаусов) и их отнесение к жилым домам, а также ряд других норм, направленных на более четкое законодательное регулирование статуса таких объектов, можно расценивать только положительно. Начало правовому регулированию таунхаусов положено. Несомненно, что законодательная регламентация будет в этой части в дальнейшем только совершенствоваться и уточняться. Также необходима проработка и детализация законодательных установлений в подзаконных нормативных правовых актах, так как объёмы такого строительства будут только возрастать.

Библиографический список

1. Городова А. Д. Проблемы правового регулирования таунхаусов // Велес. – 2019. – № 3-1(69).

2. Диковенко, К. В. Таунхаус как объект гражданских прав // Проблемы государственной регистрации недвижимости : Материалы III научно-практической конференции. Иркутск, 08 декабря 2017 года / Ответственный редактор А.А. Пахаруков. - Иркутск:, 2018.
3. Федеральный закон от 30.12.2021 N 476-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 02.10.2017 по делу N 33-20772/2017 // СПС КонсультантПлюс.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.04.2016 N 56-КГ16- 1 [Электронный ресурс], URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-26042016-n-56-kg16-1/>, свободный.
6. Барыкин Е. Подмосковные таунхаусы и проблемы с их покупкой: практика судебных споров // Жилищное право. – 2014. - №1.

Сведения об авторах: **Альпимова Айза Махабатовна**, студент Юридического института Алтайского государственного университета, a.alpimova@mail.ru, 8 (983) 326-73-16.

Шаханина Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, permio lavoro@gmail.com 8-905-984-97-38

Балакирева Дарья Евгеньевна, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Блинова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ СИАМСКИХ БЛИЗНЕЦОВ

Когда речь заходит о сиаемских близнецах, возникает сложный вопрос об их правосубъектности, поскольку последние имеют общее физическое тело; следовательно, ответ не может быть однозначным, ибо зависит от конкретных обстоятельств каждого конкретного случая. С развитием медицины увеличиваются шансы для жизнеспособности сиаемских близнецов, и урегулирование проблемных вопросов их правосубъектности становится все актуальнее. Таким образом, в статье рассматривается вопрос правосубъектности применительно к сиаемским близнецам на основе исторического метода.

Ключевые слова: гражданское право, правовой статус, правосубъектность, сиаемские близнецы, уголовное право

Рождение сиаемских близнецов – достаточно большая редкость. Поэтому однозначного подхода к определению статуса таких людей с точки зрения истории права не наблюдалось.

В гражданском праве каждое лицо признается обладающим собственной правосубъектностью, что означает, что оно способно иметь права и обязанности в соответствии с законом. Концепция правосубъектности тесно связана с идеей индивидуальной автономии, которая подчеркивает важность способности индивида принимать решения и действовать независимо. Однако сиаемские близнецы рождаются с физическим состоянием, которое ограничивает их автономию и делает их зависимыми друг от друга в плане выживания. Это поднимает вопрос о признании их отдельными лицами со своими собственными правами и обязанностями.

Светская и религиозная власть не смогли выработать единого подхода к определению статуса сиаемских близнецов: либо единый человек или же два разных человека в одном теле [1, с. 445]. В Древнем Риме взгляд на рождение соединенных близнецов был несомненно отрицательным: их считали

предвестниками конца света, а потому их следовало уничтожать, как и всех рожденных «монстров». Такой подход обосновывался нормами римского права, согласно которому рожденный ребенок, чтобы обладать правосубъектностью, не должен быть чудовищем [2, с. 76].

Широкому распространению среди населения суеверия о дьявольском происхождении сиамских близнецов даже не препятствовало упоминание о них в религиозных текстах. Как полагают ряд исследователей, на соединенных близнецов смотрели исключительно как на посланников божественного замысла, но не на обычных людей, обладающих некими правами, поэтому ни о каких операциях по их разделению речи быть не могло. Демонстрация таких диковинных детей диктовалась исключительно стремлением донести это божественное послание до каждого члена общества [1, с. 445].

Крещение сиамских близнецов, т. е. признание их правосубъектности согласно праву европейского Средневековья, не имело одинаковых критериев. Документы, относящиеся к эпохе средневековой Германии, подтверждают, что сиамские близнецы нередко получали крещение как один человек. Так, в 1514 году кардинал де Грасси крестил рожденных дипрозопусов (одна голова с двумя лицами) как одного ребенка и назвал его Мери. Такая практика объяснялась господствующей в тот момент точкой зрения в науке, обоснованной еще Аристотелем, что соединенные близнецы должны считаться разными людьми лишь в том случае, если у них два сердца [1, с. 446-447].

Начиная с эпохи Возрождения в Европе сиамских близнецов обычно крестили раздельно, причем так поступали и в отношении близнецов-паразитов. В силу этого каждого из соединенных близнецов рассматривали как отдельного субъекта правоотношений. Так, в 1647 году в Генуе были крещены как два человека граф Лаццаро Колоредо вместе со сращенным с ним паразитом-братом Иоанном. По свидетельству медика, у Иоанна, который продолжал расти вместе со своим братом, пока не достиг роста 90 см, были две трехпалые руки, которыми он шевелил, одна шестипалая нога. Глаза на его голове были всегда закрыты, а рот открыт. Но у него прослушивалось сердцебиение,

имелось дыхание, он шевелил губами и ушами в ответ на физическое воздействие [1, с. 447].

Рассматривая сиамских близнецов как порождение темных сил, общество оправдывало их убийство. Например, самые известные сиамские близнецы Чанг и Энг Банкер, родившиеся в 1811 году в Сиаме (Тайланде), лишь чудом избежали умерщвления: король Сиамы Раме III после известия о рождении близнецов, соединенных друг с другом на уровне груди полоской ткани, приказал убить «отродье дьявола», но их мать не исполнила королевский приказ. Также повезло сиамским близнецам Розе и Жозефе Блаже, рожденным в 1878 году в Богемии: после их появления на свет родители обратились к местной знахарке, посоветовавшей оставить детей без еды и питья на 8 дней; но странным образом близнецы выжили и в дальнейшем принесли своим родителям огромное состояние [1, с. 446].

Юридическая практика в своем историческом развитии нередко воспринимала сиамских близнецов как особого субъекта, совершающего правовые действия исключительно с согласия каждого из соединенных близнецов. Но и здесь единообразия не наблюдается от эпохи к эпохе и от государства к государству. При этом ученые активно разрабатывают проблематику отраслевой правосубъектности сиамских близнецов.

Как представляется, фундаментальные вызовы связаны с реализацией правосубъектности сиамских близнецов в конституционном, уголовном и семейном праве. Например, остро стоит тема права на жизнь: каждый раз, когда в мире в отношении сиамских близнецов прибегают к операциям по разделению, влекущим спасение одного и смерть другого, среди юридического сообщества разгораются дебаты о праве на жизнь, что просматривается на примере сестер Джуди и Мэри [1, с. 458; 3, р. 65, 72].

Не меньшую остроту проблема правосубъектности сиамских близнецов приобретает в сфере уголовного и уголовно-процессуального права. Поскольку постулатом института юридической ответственности выступает принцип вины, постольку вопрос о привлечении к ответственности только одного из сиамских

близнецов не разрешим. Причем, как показывает история, такая ситуация может сложиться и в том случае, если один из близнецов является паразитом. Так, граф Лацарро Колоредо избежал привлечения к ответственности за убийство человека в Париже в кабаке только потому, что судья не осмелился вынести смертный приговор, по которому неминуемо умер бы сращенный с ним близнец-паразит Иоанн. Можно сделать вывод, что осужденному сиамскому близнецу не могут быть назначены наказания, связанные с ограничением и лишением прав [1, с. 454].

Правоохранительные органы для реального применения мер пресечения в случае расследования преступления, фигурантами которого выступают сиамские близнецы, вынуждены рассматривать их обоих в качестве подследственных. Конечно, учитывая физиологические и психологические особенности соединенных близнецов, многие из своих поступков они совершают совместно, но далеко не все, что требует должной уголовно-правовой квалификации. Например, совершение преступлений по неосторожности либо умышленных с внезапно возникшим умыслом вполне возможно и одним из пары соединенных близнецов. Совместное нахождение соединенных близнецов на месте преступления в момент совершения вовсе не означает, что они оба являются соучастниками преступления [1, с. 454; 4, с. 83-84; 5, с. 794].

Чрезвычайно сложны для правового регулирования семейные отношения сиамских близнецов, перетекающие в наследственные: заключение брака, граничащее иногда с многоженством, интимные отношения с риском квалификации их изнасилованием при отсутствии согласия другого близнеца, определение отцовства/ материнства, наследование в случае смерти одного из близнецов только во вторую очередь и пр. [1, с. 450-451; 4, с. 83].

Есть проблемы реализации правосубъектности сиамских близнецов и в других сферах. Обычно в гражданских и трудовых договорах, заключенных с сиамскими близнецами, каждый из них фигурирует в качестве стороны такого соглашения, но иногда оба сиамских близнеца рассматриваются как единый

субъект (при одностороннем волеизъявлении). Вместе с тем, сестрам-дицефалам Эбигейл и Бриттани Хенсел, при поступлении на работу в школу работодателем была предоставлена всего одна ставка учителя младших классов на двоих, хотя каждая из сестер ведет только свои предметы (Эбигейл имеет диплом университета по математике, а Бриттани – по гуманитарным наукам). Думается, что в данном случае имеется нарушение принципа равенства лиц в трудовых отношениях, закрепленного на международном уровне [1, с. 452].

Другой пример из сферы частных правоотношений: путешествуя по миру, те же сестры Хенсел вынуждены покупать два билета, хотя близнецы занимают только одно место, что авиаперевозчик аргументирует весьма экзотично: в случае разгерметизации салона каждому из пассажиров потребуется отдельная кислородная маска [1, с. 452].

На основе приведенных примеров отраслевой правосубъектности сиамских близнецов, полагаем оптимальным в отношении последних говорить в целом о проблеме реализации личных прав данных субъектов, к какой бы отрасли права они ни относились [6, р. 470]. В этой связи имеет смысл, хотя бы доктринально, выделять т. н. сложного (нетипичного) субъекта права [1, с. 462; 4, с. 82]. Имеющиеся примеры судебной практики показывают, что в отсутствие специального международного и национального законодательства (случаев не так много, есть ли смысл вообще его разрабатывать?) правосубъектность сиамских близнецов определяется на основе ситуативного метода [4, с. 83]: вопрос о правосубъектности сиамских близнецов решается судом по существу с учетом уникальных обстоятельств, в которых участвуют сиамские близнецы. Суд взвешивает индивидуальную автономию близнецов в сравнении с их общим физическим состоянием и определяет, следует ли относиться к ним как к одному человеку или как к двоим. Кроме того, суд использует индивидуальный подход и учитывает уникальные обстоятельства каждой пары сиамских близнецов при принятии юридических решений. Все это чрезвычайно напоминает разрешительный порядок, необходимый для жизнеспособности

юридических лиц. Но, в отличие от последних, правосубъектность физических лиц является общей нормой международного права.

Таким образом, целесообразно наделить сиамских близнецов статусом сложного субъекта права, предусматривающим возможность совершения ими ряда сделок только с общего согласия, а также совершения ими некоторых совместных односторонних сделок в отношении общего имущества. Привлечение к ответственности, имеющей личный характер, одного соединенного близнеца при отсутствии вины другого также фактически исключается, что напрямую обусловлено их особым правовым статусом.

Библиографический список

1. Худолей К.М., Худолей Д.М. Правосубъектность соединенных (сиамских) близнецов: история и современность // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № 45.
2. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: учебник / под общ. ред. Д.В. Дождева. – М.: Норма, 2007.
3. Sawday J.N. Separating Conjoined Twins: Legal Reverberations of Jodie and Mary's Predictment // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. – 2002. – Vol. 24. – No. 1.
4. Криворучко Я.А. Некоторые аспекты нетрадиционной правосубъектности. Сиамские близнецы // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2020. – № 7-6 (63).
5. Борисенков Н.В. Особенности уголовно-процессуального статуса лиц, являющихся *civitatum corpus* (сиамские близнецы) // Аллея науки. – 2017. – № 9.
6. Munro V.E. Square Pegs in Round Holes: The Dilemma of Conjoined Twins and Individual Rights // Social and Legal Studies. – 2001. – No. 10.

Сведения об авторах: **Балакирева Дарья Евгеньевна**, студент Юридического института Алтайского государственного университета. E-mail: dashabalakireva02@gmail.com, телефон: 8-962-806-8381

Блинова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета. E-mail: jblinova@yandex.ru, телефон: 8-909-503-5917

Барило Алина Евгеньевна, магистрант кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

Блинова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

CULPA IN CONTRAHENDO В НЕМЕЦКОМ ПРАВЕ

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что сегодня появляется объективная необходимость в регулировании отношений сторон, которые складываются до момента заключения трансграничной сделки. Ответственность по culpa in contrahendo состоит в обязанности недобросовестной стороны возместить потерпевшей стороне понесенные убытки как от юридических характеристик заключенного впоследствии договора, так и от самого факта его заключения.

Ключевые слова: преддоговорная ответственность, трансграничные деликты, внешнеэкономическая сделка, немецкое право

Существенное значение в трансграничном коммерческом обороте имеют преддоговорные отношения, которые создают основу для делового сотрудничества сторон переговоров по поводу заключения международной коммерческой сделки. Однако иногда участнику коммерческого оборота может

быть нанесен вред из-за недобросовестного поведения потенциального контрагента во время переговоров. Сторона, которая своим виновным поведением помешала заключению договора или сделала договор недействительным, должна нести ответственность за вред, причиненный невиновной стороне (*culpa in contrahendo*) [1, с. 88].

Реформа российского законодательства о международном частном праве привела к появлению статьи 1222.1 ГК РФ с новым институтом *culpa in contrahendo* [2]. Примечательно, во-первых, что новый институт располагается среди норм, посвященных внедоговорным обязательствам. Во-вторых, материальные нормы о *culpa in contrahendo* появились в части первой ГК РФ почти двумя годами позже среди договорных норм. Наконец, ГК РФ в качестве коллизионного регулирования закладывает три правила: договорный статут (если договор все-таки был заключен); деликтный статут (если договор не был заключен); автономия воли. Таким образом, очевидно, что российский законодатель ясно не выражает свою позицию по поводу правовой природы нового института, что дает основание доктрине квалифицировать институт в зависимости от фактически сложившихся отношений как договорную, квазидоговорную или деликтную ответственность [3, с. 188]. В этой связи видится целесообразным изучение немецкого опыта.

Доктрина ответственности за *culpa in contrahendo* была разработана в середине XIX века немецким правоведом Р. Иерингом, и развивалась первоначально в рамках германской правовой системы, имея нормативное закрепление в Германском гражданском уложении 1896 года (далее – ГГУ). Согласно немецкой доктрине в переговорах о заключении сделки потенциальные контрагенты должны соблюдать *necessary diligentia*. Сторона, которая своим виновным поведением привела к заключению недействительного договора или воспрепятствовала заключению договора, должна нести ответственность за убытки, причиненные невиновной стороне, полагавшейся на действительность заключаемого договора. Впоследствии данная доктрина разрабатывалась

другими немецкими учеными Ф. Леонгардом, Г. Гауптом, Г. Дёле, К. Баллерштедтом, К. Ларенцом и др. [4, с. 130-140; 3, с. 185].

Согласно абзацу 2 § 241 ГГУ в соответствии с содержанием обязательства каждая из сторон может быть обязана учитывать права, правовые блага и интересы другой стороны. По правилам § 242 ГГУ должник обязан осуществлять исполнение добросовестно, как этого требуют обычаи оборота. Согласно абзацу 3 § 311 ГГУ обязательство, содержащее обязанности, указанные в абзаце 2 § 241 ГГУ, может также возникнуть в отношении лиц, которые сами не должны стать сторонами договора. Такое обязательство возникает, в частности, когда третье лицо пользуется особым доверием и таким образом оказывает значительное влияние на предварительные переговоры или на заключение договора [5].

Р. Иеринг разрабатывал теорию вины по договорам, заключенным по ошибке, и не применял свои тезисы применительно к несостоявшимся переговорам. Кроме того, Р. Иеринг выделил основания преддоговорной ответственности (причинение вреда), условия (вина) и разделил ее на виды: ответственность за неспособность субъекта заключить договор; ответственность ввиду невозможности исполнения договора; ответственность из-за недостоверности воли [3, с. 185].

Говоря о природе отношений, связанных с преддоговорной ответственностью, на текущий момент можно выделить два подхода – договорный и деликтный. Немецкое право связывает институт *culpa in contrahendo* с договором или квазидоговором: Р. Иеринг рассматривает данную ответственность как договорную, основанную на подразумеваемом предварительном договоре, согласно которому договаривающиеся стороны взаимно гарантируют друг другу лояльность и сотрудничество в ходе ведения переговоров, а также несут ответственность друг перед другом за проступки, совершенные в ходе переговоров. Доктрина *culpa in contrahendo*, сформулированная Р. Иерингом, впоследствии была закреплена судебной практикой, а в 2001 году в ходе реформы обязательственного права получила закрепление и в немецком

законодательстве, в результате которой преддоговорные контакты сторон были признаны самостоятельным основанием возникновения обязательств (абзац 2 § 241, абзац 1 § 311 ГГУ) [3, с. 187].

Огромную роль в развитии института *culpa in contrahendo* в Германии сыграла судебная практика. По мнению К.В. Гнищевича, «в Германии к началу 1920-х годов судебной практикой было признано общее понятие преддоговорной ответственности, при этом в случае заключения действительного договора размер ответственности определяется позитивным интересом, в остальных случаях – негативным интересом. В 1926 году Имперский суд признает, что из переговоров возникает обязанность давать разъяснения при заключении договора, а в 1936 году дает широкую трактовку вине в переговорах, связывая ее не только с неисполнением обязанности по даче разъяснений, но и с иными последствиями, например, с причинением вреда личности или имуществу контрагента» [6, с. 90]. В 1961 году Верховный суд ФРГ впервые признал, что «профессиональный продавец несет преддоговорную ответственность перед всяким, кто вступил на территорию магазина с целью заключения договора (решение от 26 сентября 1961 года по делу о шкурке банана, «*Bananenschalen-Fall*») – делу о возмещении убытков покупателю, который имел несчастье поскользнуться на банановой шкурке, брошенной на полу в помещении магазина» [6, с. 63].

В рамках Европейского союза в целях унификации коллизионных норм, определяющих выбор применимого права к внедоговорным обязательствам, включая *culpa in contrahendo*, был принят Регламент Парламента и Совета ЕС от 11 июля 2007 г. № 864/2007 о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II») [7]. Европейский законодатель квалифицирует *culpa in contrahendo* как внедоговорное обязательство, но определяет применимое право к такому внедоговорному обязательству на основе договорных привязок. И только в случае невозможности определения права по правилам, применяемым к договорам, применяются коллизионные нормы, определяющие выбор права к деликтам.

Таким образом, институт преддоговорной ответственности является крайне дискуссионным в доктрине гражданского права различных государств и порождает значительные трудности в вопросах определения природы, содержания, сферы действия, квалификации отношений, вытекающих из нарушения обязанности добросовестного поведения и пр. Ситуация осложняется применительно к отношениям с участием иностранного элемента, так как в дополнение к вышеназванным встает вопрос о выборе применимого права.

Библиографический список

1. Адельшин Р.Н., Стрекалова Н.В. Предпосылки и критерии формирования института преддоговорной ответственности в отечественном и иностранных правовых порядках // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 7.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // СЗ РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
3. Степанищева А.М. Преддоговорная ответственность: проблемы юридической квалификации в международном частном праве // Проблемы экономики и юридической практики. – 2015. – № 3.
4. Гнищевич К.В. Доктрина *culpa in contrahendo* в немецкой цивилистике второй половины XIX века // Закон. – 2007. – № 1.
5. Bürgerliches Gesetzbuch vom 18.08.1896 (zuletzt geändert am 14.03.2023) // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BGB.pdf> (дата обращения: 10.08.2023).
6. Гнищевич К.В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве (*culpa in contrahendo*): дисс. канд. юрид. наук. – СПб., 2009.
7. Регламент 2157/2001 Совета Европейского Союза «О Статуте Европейской компании (SE)» (в ред. от 20.11.2006) // URL: <https://e-ecolog.ru/docs/G65FljzYnnGGvaa8tMg0#617> (дата обращения: 10.08.2023).

Сведения об авторах: **Барило Алина Евгеньевна**, магистрант кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета. E-mail: alinaevg5@gmail.com, телефон: 8-983-180-7523

Блинова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета. E-mail: jblinova@yandex.ru, телефон: 8-909-503-5917

Барсукова Арина Петровна, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Шаханина Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, ЛИЦ ИЗ ЧИСЛА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Статья посвящена проблемам защиты жилищных прав детей-сирот в аспекте введения практики предоставления жилищных сертификатов. В статье проанализированы особенности предоставления жилья детям-сиротам в Алтайском крае с учётом изменений, внесённых в региональное законодательство, а также практика его применения. Приведено сравнение опыта Алтайского края в области предоставления жилищных сертификатов детям-сиротам и опыта других регионов.

Предложены основные пути решения проблем.

Ключевые слова: жилищное законодательство, жилищный сертификат, предоставление жилья детям-сиротам, жилищная проблема детей-сирот в Алтайском крае, практика применения жилищного законодательства

Проблема обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее по тексту - дети-сироты), стоит в Российской Федерации в целом и в Алтайском крае, в частности, довольно остро.

Согласно данным Единой государственной информационной системы социального обеспечения на 10.01.2020 года в России 279 000 детей-сирот, старше 14 лет нуждались в жилье, из них 191 000 человек достигли совершеннолетия, но не получили квартиры. По состоянию на 01.08.2021 года в списках на получение жилья состояло 289 800 человек, из них 199 700 человек не могут реализовать свое право, несмотря на то, что им уже исполнилось 18 лет.

На данный момент в Алтайском крае в очереди на обеспечение жильём стоят 6200 детей-сирот старше 18 лет, ещё 1700 человек — от 14 до 18 лет — попадут в очередь в течение трёх лет. То есть, число граждан данной категории, которым государство обязано предоставить жилые помещения, растёт в геометрической прогрессии.

Известно, что дети-сироты наиболее «уязвимы» в социально-экономическом плане и даже после достижения совершеннолетия они нуждаются в дополнительной поддержке со стороны государства, в том числе, предоставлении им жилых помещений. Указанное право закреплено на уровне федерального закона и продублировано в региональном законодательстве субъектов Российской Федерации.

В указанном контексте можно сформулировать основное пожелание к механизму предоставления жилья детям-сиротам – он должен работать эффективно и быстро. Однако на практике реализация требований законодательства вызывает затруднения.

В ходе исследования была проанализирована система нормативных правовых актов, которые регулируют порядок предоставления жилых помещений детям-

сиротам. Правовое регулирование этой сферы общественных отношений содержится в следующих нормативных актах:

– на федеральном уровне – Жилищный кодекс РФ, Федеральный закон от 21.12.1996 №159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее по тексту – ФЗ №159) [1].

– на региональном уровне – Закон Алтайского края от 12.12.2006 года N 136-ЗС «О предоставлении жилых помещений государственного жилищного фонда Алтайского края» [2]; Закон Алтайского края от 31.12.2004 № 72-ЗС «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Алтайском крае (далее по тексту Закон Алтайского края №72-ЗС) [3].

01.11.2021 года внесены изменения в Закон Алтайского края № 72-ЗС от 31.12.2004 года [4]. Региональный законодатель в нормах названного Закона закрепил право детей-сирот на получение выплаты на жилье или так называемого жилищного сертификата, который можно использовать для приобретения жилого помещения на территории Алтайского края по договору купли-продажи на первичном или вторичном рынке жилья, в том числе частного дома, включая земельный участок, на котором он расположен. К выплате также можно добавить дополнительные собственные или заемные средства и материнский капитал. Размер выплаты на жилье производится исходя из общей площади жилого помещения, равной 33 кв.м. и средней рыночной стоимости 1 кв.м. общей площади жилого помещения по Алтайскому краю, установленной Минстроем РФ на квартал, соответствующий дате подачи заявления.

Следует детально изучить новеллы законодательных конструкций для того, чтобы выявить их основные преимущества или недостатки.

В соответствии с частью 3 статьи 3 Закона Алтайского края от 31.12.2004 года N 72-ЗС лица, включенные в список детей-сирот и лица, которые относились к категории детей-сирот, и достигшие возраста 23 лет, которые подлежат

обеспечению жилыми помещениями на территории Алтайского края, имеют право на получение выплаты на приобретение жилого помещения в собственность, удостоверенной сертификатом.

Пункт 4 названной статьи предусматривает предоставление выплаты на жилье при условии достижения детьми-сиротами возраста 23 лет и удовлетворительной адаптации к самостоятельной жизни. При наличии у данных лиц вступившего в законную силу решение суда или являющихся стороной по делу о предоставлении жилого помещения, они должны предоставить утвержденное судом мировое соглашение о замене обязательства о предоставлении жилого помещения на обязательство о предоставлении выплаты на жилье или определения суда об изменении способа и порядка исполнения судебного решения.

Таким образом, основными условиями предоставления выплаты является достижения лицом 23-летнего возраста и удовлетворительная адаптация к самостоятельной жизни, а также судебное постановление, заменяющее предоставление жилья денежной выплатой.

В данной связи возникают следующие вопросы, требующие дополнительного изучения и разработки.

В частности, вопрос социальной адаптации. Казалось бы, это положение конкретизируется в следующем условии предоставления жилищного сертификата – условии о том, что лицо должно быть удовлетворительно адаптировано к самостоятельной жизни.

В соответствии с пунктом 1.3. Порядка предоставления удостоверенной сертификатом выплаты на приобретение жилого помещения в собственность, утв. Постановлением Правительства Алтайского края от 29 апреля 2021 №149 (в редакции от 01.02.2022) (далее по тексту - Порядок предоставления) об удовлетворительной адаптации лица свидетельствуют отсутствие у заявителя непогашенной или неснятой в установленном Федеральным законом судимости и отсутствие факта заболевания алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией [5].

Представляется, что указанные критерии не могут в полной мере свидетельствовать о достаточной социальной адаптации детей-сирот.

Так, например, Закон Красноярского края от 08.07.2021 №11-5328 предусматривает, что право на получение выплаты на жилье имеют граждане достигшие возраста 23 лет, не менее 6 месяцев до даты обращения за сертификатом осуществляющие трудовую деятельность на основании трудового договора (служебного контракта), у заявителя не должно быть задолженности по налогам и сборам, по алиментным обязательствам, отсутствует неснятая или непогашенная судимость за совершение уголовного преступления, заявитель не состоит на учете в психоневрологическом и наркологическом диспансере (статья 3 Закона) [6].

На федеральном уровне критерии социальной адаптации применительно к рассматриваемой к настоящей работе категории лиц отражены в Законопроекте №810360-7 от 10 октября 2019, внесенном на рассмотрение Государственной Думы предусматривают совокупность следующих обстоятельств: наличие у заявителя ребенка (детей); достижение возраста 23 лет; наличие документально подтвержденного дохода не менее чем за 12 месяцев, предшествующих дате обращения, в размере не ниже прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации, отсутствие задолженности по налогам и сборам, иным обязательным платежам, заявитель не состоит на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств, не имеет или не имел судимости либо уголовное преследование в отношении него прекращено по реабилитирующим основаниям [7].

Представляется правильным, что критерии «удовлетворительной социальной адаптации к самостоятельной жизни» должны быть закреплены на уровне федерального законодательства в целях исключения незаконных сделок, мошеннических действий, влекущих утрату права детей-сирот и лиц из числа

детей-сирот, на жилые помещения и не сводится только к подтверждению отсутствия судимости и наркологических заболеваний.

Особое внимание стоит уделить и вопросу контроля органов исполнительной власти за техническим состоянием приобретаемого за счет денежной выплаты жилого помещения.

Пункт 6.2 Порядка предоставления предусматривает необходимость согласования с уполномоченным органом исполнительной власти Алтайского края планируемого к приобретению жилого помещения, для чего заявитель должен предоставить предварительный договор купли-продажи жилого помещения с указанием его адреса, технических характеристик, цены, а для приобретения индивидуального жилого дома (его части) – фотографии, подтверждающие наличие индивидуального жилого дома и отсутствие обстоятельств, указанных в абзаце втором пункта 6.1 настоящего Порядка.

Пункт 6.1 Порядка предоставления в свою очередь устанавливает, что на средства выплаты на жилье не может приобретаться жилое помещение, признанное непригодным для проживания и (или) признанное аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, а также индивидуальный жилой дом (его часть), находящийся на землях садовых и дачных земельных участков, или имеется нарушение наружных и внутренних стен индивидуального жилого дома (его части), его оконных и дверных блоков, крыши.

Как известно, критерии непригодности жилого помещения для проживания и (или) признания его аварийным установлены Положением о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 28.01.2006 №47 [8]. В этой связи возникает вопрос, каким образом по фотографиям возможно оценить отсутствие обстоятельств, предусмотренных пунктом 6.1 Порядка предоставления. На наш взгляд, такой подход является неправовым.

Представляется логичным подход, предусмотренный Законом Красноярского края, о необходимости предоставления получателем сертификата решения о признании жилого помещения, планируемого к приобретению на средства социальной выплаты, пригодным для проживания, принятого в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 28.01.2006 №47 (пункт 7 статьи 8 Закона) [6].

Еще одним проблемным вопросом в этой связи является возложение на лицо, претендующее на получение жилищной выплаты, обязанности предоставить в уполномоченный орган определение суда об изменении способа или порядка исполнения решения до того момента, как указанным органом будет принято решение относительно возможности предоставления лицу жилищной выплаты (пункт 2.2.3 Порядка предоставления). В связи с этим возникает другая проблема: если суд изменит способ исполнения решения на получение жилищного сертификата, а уполномоченный орган придет к выводу об отказе в выдаче сертификата, то в каком порядке гражданин может реализовать свое право на обеспечение жильем.

Сложившаяся ранее практика показала, что дети-сироты имеют крайне низкий уровень правовой грамотности, в связи с чем довольно часто становятся жертвами мошенников, так называемых «чёрных» риелторов. Представляется, что введение жилищных сертификатов может привести к появлению обманутых детей-сирот, оставшихся и без жилья, и без денежной выплаты. Также по аналогии с материнским капиталом, может возникнуть такое явление как «обналичивание» жилищного сертификата.

В этой связи интересным представляется опыт Приморья, где на уровне регионального законодательства закрепляется положение о правовом сопровождении покупки жилья с помощью сертификатов, что в значительной степени позволит обезопасить сирот от возможных мошеннических действий с жилищными сертификатами.

Таким образом, в рамках данной исследовательской работы были проанализированы основные нововведения законодательства об обеспечении жильём детей-сирот в Алтайском крае в 2021 году.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать несколько предложений по изменению наиболее «проблемных» областей законодательства:

1. Сформулированные региональным законодателем критерии оценки адаптации сирот к самостоятельной жизни – вызывают вопросы. Представляется, что требования к критериям социальной адаптации должны быть расширены и закреплены на федеральном уровне.
2. Сумма выплаты по жилищному сертификату должна позволять приобрести жилое помещение с учётом сложившейся в регионе ситуации на рынке жилья.
3. Процесс приобретения жилья с использованием жилищного сертификата в Алтайском крае недостаточно регламентирован, фактически не контролируется соответствующими органами в части технического состояния приобретаемого жилья и правового сопровождения данного процесса.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 52. – Ст. 5880.
2. Закон Алтайского края от 12 декабря 2006 года N 136-ЗС «О предоставлении жилых помещений государственного жилищного фонда Алтайского края» // Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система / ЗАО «Гарант». – Электр. дан. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/7484953/> – Загл. с экрана.
3. Закон Алтайского края от 31.12.2004 № 72-ЗС «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Алтайском крае»// Гарант [Электронный ресурс]:

справочно-правовая система / ЗАО «Гарант». – Электр. дан. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/7482305/> – Загл. с экрана.

4. Закон Алтайского края от 01.11.2021 № 93-ЗС «О внесении изменений в закон Алтайского края «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Алтайском крае»» // Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система / ЗАО «Гарант». – Электр. дан. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/hotlaw/altai/1502711/> – Загл. с экрана.

5. Порядок предоставления удостоверенной сертификатом выплаты на приобретение жилого помещения в собственность, утв. постановлением Правительства Алтайского края от 29 апреля 2021 №149 (в редакции от 01.02.2022) // Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система / ЗАО «Гарант». – Электр. дан. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/hotlaw/altai/1461997/> – Загл. с экрана.

6. Закон Красноярского края от 08.07.2021 №11-5328 «О мере социальной поддержки граждан, достигших возраста 23 лет и старше, имевших в соответствии с федеральным законодательством статус детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей лиц, из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система / ЗАО «Гарант». – Электр. дан. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/hotlaw/krasnoyarsk/1477415/> – Загл. с экрана.

7. Проект федерального закона N 810360-7 «О внесении изменения в статью 8 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (внесен 10.10.2019 депутатами ГД С.М. Мироновым, Г.П. Хованской, О.Н. Епифановой, М.В. Емельяновым, О.В. Шейным, О.А. Ниловым, Г.З. Омаровым, Д.А. Иониним) // Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система / ЗАО «Гарант». – Электр. дан. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/77514613/> – Загл. с экрана.

8. Положение о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом, утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 28.01.2006 №47 // Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система / ЗАО «Гарант».

Сведения об авторах: **Барсукова Арина Петровна**, студент Юридического института Алтайского государственного университета, barsaaa_23@mail.ru, 89059849485

Шаханина Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, permio lavoro@gmail.com, 89059849738.

Беляков Михаил Вячеславович, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Коваленко Екатерина Юрьевна, кандидат юридический наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

ПРИНЦИП НАИБОЛЕЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Рассмотрена история становления принципа наиболее тесной связи, изучены теоретические концепции относительно содержания данного принципа в науке международного частного права, рассмотрены особенности закрепления данного принципа в российских, зарубежных и международных нормативных актах, а также отдельные аспекты его применения в практике арбитражных судов.

Ключевые слова: принцип наиболее тесной связи, международное частное право, содержание принципа наиболее тесной связи, национальное и международное правовое регулирование, применение принципа наиболее тесной связи, арбитраж.

Предмет международного частного права представляет собой совокупность частных (гражданских, трудовых, семейных и др.) правоотношений, осложненных иностранным элементом. Присутствие иностранного элемента практически всегда влечет за собой коллизию между отдельными правовыми системами. Одной из актуальных проблем современного международного частного права является наличие различий в нормах национальных правовых систем, нередко осложняющих международное сотрудничество. Данная проблема может быть решена с помощью коллизионных норм, составляющих историческую основу и особенность международного частного права.

Применение принципа наиболее тесной связи в настоящее время находит место в правовых системах большинства государств. Зарубежные государства закрепляют данный принцип в национальном законодательстве. При этом, в Болгарии или Швейцарии принцип «тесной связи» закреплен как основное коллизионное начало, тогда как в других государствах он играет роль дополнительной (вспомогательной) коллизионной нормы. В России используется смешанная система закрепления изучаемого принципа. Так, раздел VI Гражданского кодекса РФ, посвященный международному частному праву, фиксирует в ст. 1211 его субсидиарное применение. В ст. 1187 ГК РФ этот же принцип используется уже как основное коллизионное начало [1].

История становления принципа наиболее тесной связи есть, по сути, история становления самого международного частного права. Терминологическое оформление учения о наиболее тесной связи, по общему признанию учёных, приписывается Дж. Уэстлейку, который ввёл в юридический обиход термины «наиболее тесная связь» (the most real connection) и «право, свойственное договору» (the proper law of a contract). Изначально принцип «тесной связи»

был закреплен в XX веке в Англии, в результате неспособности классической коллизионной нормы удовлетворить потребности иностранных хозяйствующих субъектов. Это объясняется достаточно жестким (императивным) характером некоторых коллизионных норм. Прямое провозглашение принципа наиболее тесной связи состоялось в английской судебной практике только во второй половине XX в., начиная с решения Тайного совета по делу *Bonython and Others v. Commonwealth of Australia*, в котором лорд

Саймонде изложил следующую позицию совета: «Содержание обязательства должно определяться правом, свойственным договору (the proper law of the contract), то есть системой права, с отсылкой к которой договор был заключён, или той, с которой договор имеет наиболее близкую и реальную связь (closest and most real connection)» [2].

Первым нормативно-правовым актом, закрепившим принцип наиболее тесной связи, стала Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам 1980 г., которая наиболее показательно разъяснила все характерные черты принципа тесной связи.

Под содержанием принципа тесной связи понимается тесная связь какого-либо договора со страной, в которой сторона договора, исполняющая те или иные требования, имеет основное коммерческое предприятие в этой стране, либо на момент заключения договора проживает в ней. Из этого вытекает, что международные частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом регламентируются национальным законодательством того государства, с которым они наиболее тесно связаны. А данная связь зависит от того, в какой стране находится административный центр корпоративной организации, являющейся стороной договора. При этом, если в договоре предусматривается его исполнение в ином месте, отличном от места нахождения основного «центра» корпоративной организации, тогда договор считается тесно связанным со страной местонахождения иного места.

Однако, многие ученые отмечают, что подобное толкование принципа «тесной связи» является не совсем верной. В отношении содержания принципа

наиболее тесной связи необходимо указать, что, будучи центральной идеей механизма коллизионно-правового регулирования, он не может не эволюционировать сообразно тому, как эволюционируют подходы к решению коллизионного вопроса в целом. Привязка к месту расположения главного органа организации не может быть единственным основанием для применения изучаемого принципа. Будучи в классическом прочтении построенным на строго территориальной локализации правоотношения, принцип наиболее тесной связи сообразно развитию теоретических представлений в области МЧП в целом трансформировался, аккумулировав самые значимые материально-правовые соображения, заслуживающие учета уже на этапе решения коллизионного вопроса [3].

Что касается Российской Федерации, то национальное законодательство также закрепляет принципа «тесной связи». После закрепления в Римской конвенцией положений, касающихся принципа наиболее тесной связи, отечественный законодатель сформулировал несколько специальных статей в ныне не действующих Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. Однако нормы, содержащиеся в этом акте, являлись чересчур жесткими и односторонними. Например, в соответствии с п. 6 ст. 166 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик в отношении приемки исполнения по договору принимается во внимание право места проведения такой приемки. Подобное толкование также нельзя считать объективным, поскольку содержание принципа «тесной связи» не может регламентироваться заранее установленными положениями и презумпциями. Международное частное право сочетает в себе многообразие правопорядков и находится в постоянной динамике, поэтому установки, закрепленные в Основах гражданского законодательства, не отличались гибкостью. Поэтому в действующем ГК РФ помимо принципа автономии появился и принцип наиболее тесной связи. В Российской Федерации принцип наиболее тесной связи получает закрепление в качестве общей резервной коллизионной привязки (п. 2 ст. 1186 ГК РФ) и специальной коллизионной привязки: резервного характера - на случай

невозможности определения правовой системы внутри страны с множественностью таких систем (ст. 1188 ГК РФ), основного - для смешанного договора (п. 10 ст. 1211 ГК РФ) и договора в отношении недвижимого имущества (п. 1 ст. 1213 ГК РФ), а также в качестве корректирующей оговорки для договорных правоотношений, регламентируемых п. 1-8 ст. 1211 ГК РФ (п. 9 ст. 1211 ГК РФ) [4].

Существенное значение для понимания принципа имеет постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» от 9 июля 2019 г. № 24 [5]. При определении наиболее тесной связи суд, во-первых, устанавливает «преобладающую территориальную связь»; во-вторых, «также может принимать во внимание, применение права какой страны позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права и ... его институтов». Вместе с тем важно обратить внимание на два значимых обстоятельства. Во-первых, изложенное разъяснение строго формально распространяется только на применение принципа наиболее тесной связи по смыслу п. 2 ст. 1186 ГК РФ, что оставляет открытым вопрос о содержании данного принципа при реализации в качестве специальной коллизионной привязки или корректирующей оговорки. Во-вторых, практика применения судами России отдельных норм МЧП, требующих непосредственного обращения к принципу наиболее тесной связи, свидетельствует, что во многих случаях содержание указанного принципа получает весьма лаконичное отражение в судебных актах.

Наиболее известной классификацией подходов к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи является классификация А. В. Асоскова, который выделяет три подхода: коллизионный (территориальный), субъективный и материально-правовой. Приведенная классификация имеет под собой существенные основания, однако, с нашей точки зрения, требует корректировки.

Принцип наиболее тесной связи в его узком смысле в том виде, в каком английская судебная практика сформировала объективный тест на основе формулы *Wonython*, - построен исключительно на территориальной локализации правоотношения (что соответствует территориальному подходу в классификации А. В. Асоскова). Однако в ходе своего последующего развития, проникая во многие государства мира, при законодательном закреплении или на уровне правоприменительной практики принцип наиболее тесной связи в той или иной мере обогащался достижениями других доктринальных подходов к решению коллизионного вопроса. Степень такого обогащения, конечно же, зависит от конкретного государства, особенностей его доктрины и практики в области международного частного права. Тем не менее наблюдаемое повсеместно расширение (дополнение) территориального ядра содержания принципа наиболее тесной связи позволяет говорить об исследуемом принципе в широком смысле, в котором территориальный подход дополняется различным набором материально-правовых критериев.

Как следствие, принцип наиболее тесной связи именно в обозначенном широком смысле становится универсальным средством решения коллизионного вопроса, содержательное наполнение которого в каждом конкретном государстве и в каждый конкретный исторический период определяется установками юридической доктрины и практики.

Другая, представляющая интерес проблема - сочетание в международном частном праве принципа наиболее тесной связи с принципом автономии воли. В наши дни уже никто не говорит о неограниченной автономии воли, так или иначе она ограничивается сверхимперативными нормами и оговоркой о публичном порядке, но пределы автономии воли все еще однозначно не определены.

В этом вопросе решающую роль может сыграть принцип наиболее тесной связи. То, что сторонам договора позволено самим избирать компетентный правопорядок, не означает допустимости злоупотребления правом, в том числе в целях обхода закона. Поэтому выбор сторонами применимого права должен

допускаться только при наличии реальной связи избираемого права с регулируемой сделкой. Уже в ряде государств правовая мысль движется в этом направлении и получает нормативное воплощение. Например, в соответствии с § 187 Второго свода о конфликте законов США допускается отказ суда от применения избранного сторонами права, если его применение будет противоречить праву штата, имеющему наиболее тесную связь с договором и подлежащему применению при отсутствии выбора права. § 1 ст. 7 Римской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам 1980 г., содержит норму о том, что при применении права какой-либо страны согласно правилам, установленным в Конвенции (в том числе на основе сделанного сторонами выбора), суд может применить свехимперативные нормы права другой страны, имеющей тесную связь с данным отношением, если и поскольку в соответствии с правом этой страны такие нормы должны регулировать соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права. Если обратиться к российскому праву, то данная идея находит отражение в п. 5 ст. 1210 ГК РФ, которая закрепляет следующее правило: если из совокупности обстоятельств дела, существовавших на момент выбора подлежащего применению права, следует, что договор реально связан только с одной страной, то выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм страны, с которой договор реально связан.

Современная правовая мысль все больше развивается в понимании наиболее тесной связи в качестве общего принципа международного частного права. Об этом пишут такие авторы, как Р.М. Ходыкин, В.В. Кудашкин, В.П. Звеков и другие. Растет количество международных договоров и национальных нормативно-правовых актов, в которых принцип наиболее тесной связи получает нормативное закрепление [6, с. 28-46].

Таким образом, современное международное частное право теперь больше немислимо без принципа наиболее тесной связи, который из обычной формулы прикрепления превратился в основополагающий, фундаментальный отраслевой принцип.

Библиографический список

1. Ломакина Е. Н., Петров А. Д., Глинщикова Т. В. Принцип наиболее тесной связи в международном частном праве // Бюллетень науки и практики. - 2020. - № 2. URL: <https://cyberleninka.ru>.
2. Новикова Т.В. Становление принципа наиболее тесной связи в международном частном праве // Вестник омгу. Серия. Право. - 2021. - № 1. URL: <https://cyberleninka.ru>.
3. Новикова Т.В. Классификация подходов к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи // Вестник ВГУ. Серия: Право. - 2020. - № 4 (43). URL: <https://cyberleninka.ru>
4. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
5. О применении норм международного частного права судами Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 // Российская газета. - 2019. - 17 июля.
6. Кудашкин В.В. Актуальные вопросы международного частного права. М. Волтерс Клувер, 2004.

Сведения об авторах: **Беляков Михаил Вячеславович**, студент Юридического института Алтайского государственного университета, belyackow.mihail5482@mail.ru, 89132506410

Коваленко Екатерина Юрьевна, кандидат юридический наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, ekov_@mail.ru, 89059884962

Веретельник Елена Ивановна, студент Юридического института Алтайского государственного университета,

Коваленко Екатерина Юрьевна, кандидат юридической наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

ПРИНЦИП АВТОНОМИИ ВОЛИ СТОРОН: ПОНЯТИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

Рассмотрены теоретические концепции относительно понятия и природы принципа автономии воли сторон, проведен анализ основных этапов развития данного принципа в науке международного частного права, рассмотрены особенности закрепления данного принципа в международных нормативных актах, а также отдельные аспекты его применения в практике арбитражных судов.

Ключевые слова: принцип автономии воли сторон, международное частное право, понятие и природа автономии воли сторон, международные конвенции и соглашения, применение автономии воли сторон, арбитраж.

Одной из важнейших и характерных черт международного частного права является гибкость правового регулирования, которая проявляется, главным образом, через принцип автономии воли сторон. Принцип автономии воли сторон в самом общем смысле означает закрепленную в законе возможность для сторон выбрать правопорядок, на основе которого будет урегулированы их отношения.

В настоящее время вопрос о природе автономии воли является одним из наиболее дискуссионных, поскольку имеет достаточно большую практическую ценность. Так, следует обратиться к наиболее распространенным в науке точкам зрения.

Например, Д. Ф. Рамазайцев считает, что институт автономии воли нашел свое закрепление в международном обычае. По мнению М. М. Богуславского, институт автономии воли является частным проявлением принципа диспозитивности (свободы договора) в гражданском праве. А. Л. Маковский полагает, что автономия воли преследует цель предотвращения коллизии законов. Некоторые ученые и вовсе отрицают возможность существования данного института. Так, Дж. Бил считает, что автономия воли является посягательством частных лиц на прерогативы законодателя. Однако санкционирование законодателем волеизъявления сторон – явление достаточно частое, и нет оснований для его нераспространения на сферу международного частного права. А. А. Рубанов, в свою очередь, разработал теорию, в соответствии с которой институт автономии воли является проявлением обратного влияния общественных отношений на право. По мнению Л. А. Лунца и П. Майера, институт автономии воли - самостоятельный коллизионный институт, но коллизионная норма формулируется не сторонами, а законодателем. Однако, стоит заметить, что все перечисленные точки зрения отражают взгляды на различные стороны института автономии воли [1, с. 133]. Эволюция данного принципа свидетельствует о его неуклонном развитии как в части предоставляемых сторонам возможностей (например, последующий выбор права), так и в части перечня правоотношений, в которых автономия воли получает свое распространение: от договорных в первый период развития до - в определенных пределах - деликтных, семейных и других правоотношений в современных условиях.

В законодательстве советского периода заслуживает внимания ст. 7 ГПК РСФСР от 10.07.1923 г., которая устанавливает: «При рассмотрении судом договоров и актов, совершенных за границей, принимаются во внимание законы, действующие в месте совершения договора или акта, если самые договоры или акты разрешены на основании законов и соглашений РСФСР с тем государством, в пределах коего они совершены». Изложенная норма фиксирует привязку к закону места совершения сделки (принцип *lex loci*

contractus) и не предусматривает права сторон самостоятельно избрать применимое к их отношениям материальное право.

Что же касается автономии воли сторон обязательственных правоотношений международного характера, то первоначально советская юридическая литература высказывается в этом отношении весьма негативно. Так, И. С. Перетерский отмечает, что «у нас автономии сторон, в буржуазном смысле этого слова, не существует», и далее конкретизирует, что «в новой доктрине за сторонами это право (выбора применимого закона) признается лишь в пределах законодательства места заключения договора», то есть, по сути, в рамках инкорпорации.

Вместе с тем, с течением времени отдельные авторы начинают занимать более сдержанную позицию по отношению к идее об автономии воли. В частности, Л.А. Лунц, освещая основные начала советского коллизионного права в 1946 г., указывает, что используемый буржуазной практикой «принцип договорной автономии» по существу не дает «критерия для разрешения коллизий и на практике приводит к значительной свободе судейского усмотрения», допуская, однако, что советские сделки по внешней торговле могут быть подчинены иностранному праву, если таковое *expressis verbis* предусмотрено конкретной сделкой. При этом он же, уже в 1957 г. подводя некоторые итоги развития советской доктрины международного частного права, прямо заявляет, что «в советской доктрине и практике ... получил признание и применение ряд общих для многих стран начал международного частного права», в числе которых ученый называет и «закон, избранный участниками сделки».

В 1961 г., к концу анализируемого периода развития советского коллизионного права, Д.Ф. Рамзайцев указывает, что в силу отсутствия закрепления автономии воли в советском праве ВТАК основывается на международно-правовом обычае, на основании которого следует признавать право сторон внешнеторговой сделки на выбор применимого материального права. В свою очередь, Д.М. Генкин, являющийся в этот период председателем ВТАК, излагает уже весьма разработанный подход ВТАК к реализации автономии

воли сторонами внешнеторговых сделок, который включает их право «путем соглашения по своему усмотрению ... подчинить свои взаимные обязательства любому правопорядку», вне зависимости от места рассмотрения спора, с учетом действия иных коллизионных статутов и без ущемления норм публичного порядка. Таким образом, несмотря на отсутствие предписаний об автономии воли сторон обязательственных правоотношений в ст. 7 ГПК РСФСР, право на выбор применимого законодательства получало свое развитие в правоприменительной, в первую очередь, арбитражной, практике по сделкам в сфере внешней торговли. Так, автономия воли сторон договорных правоотношений с иностранным элементом (в истоках советского международного частного права - исключительно в области внешней торговли) признавалась правоприменительной практикой даже в тех случаях, когда она не была закреплена законодательно [2].

Принцип автономии воли нашел свое закрепление во многих международных конвенциях: Конвенции о международном частном праве 1928 г. (Кодекс Бустаманте), Межамериканской конвенции о праве, применимом к международным контрактам 1994 г., Гаагской конвенции о праве, применимом к агентским договорам 1978 г., Соглашении СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности 1992 г., Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., а также Гаагской конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров 1986 г., в ст. 7 которой установлено следующее: «Договор купли-продажи регулируется правом, выбираемым сторонами».

В Венской конвенции ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 г. [3] закреплён принцип автономии воли сторон, более того, установлена «презумпция» применения к заключенному договору обычаев, широко применяемых в договорах данного рода в этой области торговли (в случае отсутствия соглашения сторон о применимом праве). Таким образом, Венская конвенция ставит в основу сложившуюся практику взаимоотношений,

которая необязательно основывается на материальных нормах международных соглашений. Это попытка условно легитимного санкционирования обычаев международной торговли, так называемого *lex mercatoria*.

Также стоит отметить закрепление принципа автономии воли в основополагающих Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА 1994г. и новых Гаагских принципах о выборе права, применимого к международным коммерческим контрактам 2014 г. [4].

Автономия воли сторон имеет два общепризнанных способа выражения. Первый способ заключается в фиксировании сторонами в договоре условия относительно применимого права (позитивный выбор), причем такое фиксирование возможно также в отдельном соглашении (*choice of law agreement*). Второй способ выражается в том, что соглашение сторон относительно применимого права должно прямо вытекать из условий договора и обстоятельств дела, рассматриваемых в их совокупности (негативный выбор). При этом выбор сторонами суда, компетентного рассматривать возникший из заключенного договора спор, не означает автоматического выбора подлежащего применению права. На данное обстоятельство было обращено внимание, в частности, Высшим Арбитражным Судом РФ в п. 5 информационного письма от 16 февраля 1998 г. № 29 «Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц» [5]. Однако в зарубежной доктрине находит применение и другое правило: «кто выбирает суд, выбирает право».

В российском законодательстве за основу положен подход, отраженный в Конвенции о праве 1980 г.: стороны сами вправе определить в договоре применимое право к их отношениям, однако если они этого не сделали, то подлежит применению право стороны, с которым договор имеет наиболее тесную связь (п. 2 ст. 1186 ГК РФ) [6].

Сфера действия принципа автономии воли в международном частном праве (согласно п. 5 ст. 1210 ГК РФ) включает все возможные отношения, за исключением тех, в которых все касающиеся их существа обстоятельства

связаны только с одной страной. Последние исключаются из сферы действия принципа автономии воли, и, несмотря на буквальное содержание анализируемого пункта, который гласит, что «выбор ...права ...не может затрагивать действие императивных норм», такой выбор не будет являться выбором права и не составит реализацию автономии воли в международном частном праве [7, с. 206].

Следует заметить, что автономия воли имеет пределы своего применения. Прежде всего, действие принципа автономии воли сторон в правовом регулировании любых договоров, осложненных иностранным элементом, ограничивается сферой действия обязательственного статута, т.е. кругом вопросов, на которые распространяется применимое право. Тем самым сфера действия обязательственного статута международного коммерческого договора является пределом действия права, регулирующего указанный договор, в том числе избранного его сторонами, и в целом может рассматриваться как ограничитель принципа автономии воли сторон, связанный со сферой действия применимого к договору права.

Ограничения принципа автономии воли сторон могут быть связаны также с содержанием категории «применимое право». Подобные ограничения могут включать: 1) невозможность ссылаться на «*lex mercatoria*» в качестве *lex contractus*; 2) невозможность выбора права, не имеющего разумной связи с международным коммерческим договором по праву некоторых государств (например, США), представляющее собой пространственное ограничение принципа автономии воли сторон; 3) ограничение выбора материальным правом какого-либо государства, не включающего его коллизионные нормы; 4) необходимость выбора действующего права существующего государства, т.е. невозможность «заморозить» избранное право; 5) невозможность выбрать в качестве применимого права отдельные нормы какого-либо правопорядка; 6) невозможность исключить действие подлежащих применению международных соглашений, не сделав при этом соответствующую оговорку; 7) необходимость

указания на право конкретного государства; 8) невозможность осуществления «deregage» по праву некоторых государств.

И, наконец, возможность применения иностранного права, в том числе избранного сторонами для регулирования международного коммерческого договора, может быть ограничена органом, рассматривающим спор. В международных соглашениях и национальном праве оговорка о публичном порядке закреплена в основном в негативной форме. Применение судом или арбитражем оговорки о публичном порядке, не допускающей или ограничивающей применение иностранного права, выступает ограничителем принципа автономии воли сторон международного коммерческого договора, связанным с интересами правопорядка страны суда/ арбитража. При этом, как известно, некоторые международные арбитражи склонны применять не нормы публичного порядка страны, в соответствии с правом которой они созданы, либо права страны проведения заседания, а нормы некоего международного публичного порядка.

Помимо оговорки о публичном порядке, исключаяющей или ограничивающей применение иностранного права и ограничивающей применение принципа автономии воли в целом, суд может применить особые императивные нормы, которые также могут устранить или ограничить действие избранного сторонами иностранного права. «Сверхимперативные» нормы или нормы непосредственного применения, не являясь частью публичного порядка, вместе с тем подлежат обязательному применению судом, и могут устранить применение иностранного права.

Помимо этого, автономия воли сторон международных коммерческих договоров подлежит существенному ограничению в тех случаях, когда в момент выбора сторонами права все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной. В силу п. 5 ст. 1210 ГК РФ в подобных случаях выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм права той страны, с которой связаны все

касающиеся существа отношений сторон обязательства. Схожие нормы содержит п.4 ст. 3 Регламента «Рим I».

При определении подобных императивных норм господствующей в отечественной доктрине позицией является то, что упоминаемые, в частности, в п. 5 ст. 1210 ГК РФ императивные нормы касаются императивных норм в целом, а не только сверхимперативных положений. При этом, авторами приводятся примеры «иностранных» элементов, указывающих на связь международного коммерческого договора с правом только одной страны, которые не исчерпывают всего многообразия подобных гражданско-правовых договоров [8]. Так, можно с определенной долей условности рассматривать вводимые ограничения автономии воли как гарантии реализации предоставляемой сторонам свободы и обеспечения защиты их прав и интересов. Можно также предположить, что ограничения автономии воли – это явления, порожденные недобросовестными участниками договорных отношений; необходимость их введения также продиктована изменяющимися реалиями современного права.

Таким образом, несмотря на отсутствие единой точки зрения относительно правовой природы автономии воли, становится очевидно, что это особый, специфичный институт, играющий значимую роль в международном частном праве. Многообразие заключаемых внешнеэкономических сделок, большое количество нюансов, возникающих при их исполнении, необходимость получения гарантий надлежащего выполнения сторонами своих обязанностей по договору и гибкий подход к выбору права, подлежащего применению, являются одними из основных факторов, объясняющих такое быстрое и широкое распространение института автономии воли в настоящее время.

Библиографический список

1. Глинщикова Т. В., Волошина И.В. Автономия воли сторон как инструмент выбора применимого права в международном частном праве // Modern Science. - 2021. - № 1-1. - С. 133-136.

2. Новикова Татьяна Васильевна. Истоки признания в отечественном законодательстве автономии воли как принципа международного частного права // Северо-Кавказский юридический вестник. - 2021. - № 2. URL: <https://cyberleninka.ru>.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980) // СПС КонсультантПлюс.
4. Занибеков М.М. Автономия воли сторон и свобода договора при заключении международного коммерческого договора: действующий правовой механизм или юридическая фикция? // Вестник МФЮА. - 2016. - № 2. URL: <https://cyberleninka.ru>.
5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 16.02.1998 № 29 «Обзор судебной-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц» // СПС КонсультантПлюс.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
7. Новикова Т. В. Автономия воли в международном частном праве как инструмент стимулирования международного экономического оборота // Пермский юридический альманах. - 2020. - № 3. - С. 205-220.
8. Стригунова Дина Павловна Пределы действия принципа автономии воли сторон в правовом регулировании международных коммерческих договоров // Вестник Московского университета МВД России. - 2017. - №1. URL: <https://cyberleninka.ru>.

Сведения об авторах: **Веретельник Елена Ивановна**, студент Юридического института Алтайского государственного университета, everetelnik@mail.ru, 89635083226

Коваленко Екатерина Юрьевна, кандидат юридической наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, ekov_@mail.ru, 89059884962

Веретельник Елена Ивановна, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Шаханина Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ АПАРТАМЕНТОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье представлен анализ имеющихся подходов к определению правовой природы такого явления как апартаменты в Российской Федерации. Рассмотрены основные легальные и доктринальные дефиниции понятия «апартаменты», сделан вывод о необходимости детального правового регулирования отношений по поводу апартаментов, отражающего сущность рассматриваемого явления и его особенности. Предложены варианты решения проблемы неопределённости правового режима апартаментов.

Ключевые слова: апартаменты, жилищное законодательство, нежилое помещение, рынок недвижимости, право собственности на жилое помещение

В России строится до 3 млн. кв. м. апартаментов ежегодно. Положительная динамика продаж апартаментов способствует постепенному увеличению их предложения и доли на рынке недвижимости. По оценкам экспертов, в г. Москве каждая десятая сделка по купле-продаже помещений приходится на апартаменты. Однако, несмотря на значительную распространённость на практике, в Российской Федерации правовой режим апартаментов не урегулирован законодательно. Это создаёт определённые сложности в защите собственниками своих жилищных прав, так как зачастую апартаменты служат своеобразным способом обхода норм гражданского, жилищного, а также гражданского процессуального законодательства. В этой связи всё более

актуальным становится вопрос об определении понятия и правового режима апартаментов.

При написании работы были использованы общенаучные (анализ, синтез, диалектический метод) и частнонаучные (сравнительно-правовой, статистический) методы.

Понятие «апартаменты» распространилось на российском рынке недвижимости в 2008-2009 гг. В это время в связи с кризисом девелоперы начали активно перелицовывать объекты бизнес-класса под жилую недвижимость, при этом статус земельного участка оставался прежним, но цена была ниже, что и привлекало покупателей [1].

В настоящее время правовой статус апартаментов не урегулирован законодательно, хотя обсуждается данный вопрос уже не первый год.

Итак, в настоящее время в законодательстве нет чёткого определения понятия «апартаменты». Вместе с тем, некоторые подзаконные акты, регулирующие гостиничный бизнес, определяют апартаменты как номер в гостинице. Однако стоит сразу заметить, что данное и подобные определения не отражают сущность апартаментов, распространённых на практике и о которых идёт речь в настоящей работе.

В свою очередь, гостиница, согласно положениям ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 ноября 1996 года № 132 является средством размещения [2]. Данное обозначение гостиниц указывает на то, что последние предназначены именно для временного проживания физических лиц. В статье 15 Жилищного кодекса РФ под жилым помещением понимается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан.

Данные выводы подтверждаются и судебной практикой. Так, например, в решении Хостинского районного суда г. Сочи отмечено, что спорное помещение (апартаменты) «...не может рассматриваться судом как жилое ввиду того, что в соответствии с действующим законодательством РФ апартамент есть номер в средстве размещения, состоящий из нескольких

комнат, одна из которых имеет кухонное оборудование» [3]. Однако в описаниях судебных решений нередко присутствуют формулировки, указывающие на отсутствие четко выраженной позиции об отнесении апартаментов к нежилым помещениям (встречаются формулировки «жилые апартаменты» [4], «здания с апартаментами квартирному типу» [5]).

По результатам анализа практических и теоретических аспектов использования апартаментов для постоянного проживания Цукановой Е. Ю. было дано следующее определение понятия «апартаменты»: это структурно обособленное помещение в нежилом здании, состоящее из одной или нескольких комнат, помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения бытовых и иных нужд, связанных с временным или постоянным проживанием в таком помещении [6]. С учетом сложившейся практики данное определение вполне справедливо, однако в настоящее время оно может иметь лишь теоретическое значение.

Итак, действующее жилищное законодательство не относит апартаменты к жилым помещениям. В этой связи представляется логичным рассмотреть основные сходства и различия обозначенных категорий. Анализ показывает, что сходства сводятся к их предназначению. И жилые помещения, и апартаменты используются для проживания граждан. Однако жилые помещения могут использоваться как для постоянного, так и для временного проживания, апартаменты же – только для временного.

Как известно, жилое помещение должно соответствовать установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства. Поскольку апартаменты в соответствии с действующим законодательством формально относятся к нежилым помещениям, то и санитарные и технические правила и нормы, иные требования законодательства на них не распространяются, что, по сути, не позволяет постоянно проживать в таких условиях.

Из-за того, что апартаменты — это нежилые помещения, в них нельзя оформить постоянную регистрацию по месту жительства. Отсутствие же

регистрации может «заблокировать» собственникам доступ к некоторым социальным благам, таким как школы и детские сады для детей [7].

Различие между апартаментами и квартирами можно провести и по размеру налоговой ставки. Так, согласно статье 406 Налогового кодекса РФ налоговая ставка налога на имущество физических лиц в отношении жилых помещений составляет 0,1 процента, в то время как на прочие объекты налогообложения, к которым относятся апартаменты, - 0,5 процента. Значит, несмотря на низкую стоимость такого жилья (на 15-20 процентов ниже стоимости квартир) налог на него выше.

Кроме того, в качестве отрицательного аспекта для владельца апартаментов можно расценить и возможность обращения взыскания по исполнительному документу в соответствии с нормами Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» на нежилое помещение. Учитывая, что апартаменты жилым помещением не являются, правила указанных норм, закрепляющие исполнительский иммунитет, на него не распространяются [8].

Как уже было сказано, вопросу об определении статуса апартаментов свойственен низкий уровень правовой определенности. Учеными предлагаются следующие варианты решения проблемы. Например, К.В. Зайченко обосновывает целесообразность законодательного закрепления в нормах жилищного законодательства положений о присвоении апартаментам статуса жилых помещений. М.М. Монастырев, напротив, предлагает закрепить в Жилищном кодексе Российской Федерации норму о том, что апартаменты не являются жилым помещением, а представляют собой нежилое помещение, предназначенное для временного проживания, которое по техническим характеристикам соответствует гостиничным номерам, однако юридически таковым не является [9].

Кроме того, могут быть предложены иные пути решения проблемы правового режима апартаментов. Так, возможно без придания апартаментам статуса жилых помещений, определить право собственников указанной недвижимости на регистрацию в них по месту пребывания. Это можно реализовать путем

внесения соответствующих изменений в Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 года № 5242–1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». В целях защиты жилищных прав граждан представляется логичным распространить на апартаменты правовой режим жилых помещений, предусмотрев для таких объектов недвижимости отдельное правовое регулирование [10].

Таким образом, на данном этапе развития рынка недвижимости, существует реальная потребность в правовом регулировании создания апартаментов, возникновения прав на них и их осуществления, поскольку в сложившейся ситуации большинство граждан не могут должным образом реализовать и защитить свои жилищные права.

Библиографический список:

1. Легализация апартаментов // Портал недвижимости Move.ru: сайт. – 2016. [Электронный ресурс]. – URL: https://move.ru/articles/legalizaciya_apartamentov
2. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 N 132-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС КонсультантПлюс.
3. Решение Хостинского районного суда г. Сочи № 2-1113/2011 от 15 июля 2011 г. по делу № 2-1113/2011 // СПС КонсультантПлюс.
4. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 11 октября 2016 года по делу № 33-17810/2016 // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11 ноября 2016 года № Ф06-14937/2016 по делу № А55-18910/2014// СПС КонсультантПлюс.
6. Цуканова Е. Ю., Придатко Е. А. К вопросу правового статуса апартаментов как объектов недвижимости // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 2017. № 117.

7. Варакин М. Апартаменты: законы и судебная практика. – 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/236165/> (дата обращения: 10.04.2022).
8. Жиров А. Правовой статус апартаментов: анализ судебной практики // Журнал «Жилищное право». – 2011. – № 12.
9. Цит. по ст.: Цуканова Е.Ю., Галшоян А.А. Апартаменты как объект недвижимости: правовой статус и степень нормативной определенности // Вопросы развития современной науки и техники. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/apartamenty-kak-obekt-nedvizhimosti-pravovoy-status-i-stepen-normativnoy-opredelennosti> (дата обращения: 15.04.2022).
10. Проблемы определения правового статуса апартаментов как объекта недвижимости // Совет Федерации Федерального собрания РФ: официальный сайт. 2020. – URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/121625/> (дата обращения: 10.04.2022).

Сведения об авторах: **Веретельник Елена Ивановна**, студент Юридического института Алтайского государственного университета, everetelnik@mail.ru, 8-963-508-32-26.

Шаханина Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, permiolavoro@gmail.com, 8-905-984-97-38

Воробьев Иван Андреевич, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Кирюшина Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

ПРОБЛЕМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВЛАДЕЛЬЦА АГРЕГАТОРА ТАКСИ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНЕ ВРЕДА ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЮ ПАССАЖИРА

Статья посвящена анализу особенностей применения норм действующего законодательства об ответственности за вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие конструктивных, производственных, рецептурных или иных недостатков товара (работы, услуги), а также вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе, услуге). Анализируется позиция Верховного Суда РФ о привлечении к ответственности за вред, причиненный пассажиру такси, владельца агрегатора информации.

Ключевые слова: потребитель, деликтная ответственность, владелец агрегатора информации, вред

Представим ситуацию, гражданин А вызвал через популярный агрегатор такси своему отцу. Водитель, неоднократно нарушал правила дорожного движения, что в последствии привело к дорожно-транспортному происшествию. Пассажир такси погиб. Как позже выяснилось, у водителя такси не было права на управление транспортным средством. Автомобиль принадлежал индивидуальному предпринимателю, а управлял им водитель, на основании трудового договора и приказа о приеме на работу. Кому в этой ситуации предъявлять иск, и кто будет нести ответственность за совершенное ДТП и вред, причиненный пассажиру?

Согласно общим правилам гражданского законодательства о деликтной ответственности, ответственность за причиненный вред несет непосредственный причинитель вреда. Нормы § 3 гл. 59 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 14 Закона РФ «О защите прав потребителей» устанавливают специальный вид деликтного обязательства, который можно назвать «потребительский деликт» [1].

Исходя из содержания положений действующего законодательства следует выделить следующие особенности «потребительского деликта»:

1. Вред должен быть причинен жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие конструктивных, производственных, рецептурных или иных недостатков товара (работы, услуги), а также вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе, услуге) (п. 1 ст. 14, п. 3 ст. 12 Закона РФ «О защите прав потребителей», п. 1 ст. 1095 ГК РФ). Выделяются конструктивные (рецептурные), производственные и информационные недостатки.

2. Вред подлежит возмещению в полном объеме. В соответствии с этим, потерпевший вправе требовать возмещения как имущественного вреда, так и компенсации морального вреда [2].

3. Право требовать возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товара (работы, услуги), признается за любым потерпевшим независимо от того, состоял он в договорных отношениях с продавцом (исполнителем) или нет (п. 2 ст. 14 Закона РФ «О защите прав потребителей», п. 1 ст. 1095 ГК РФ). Таким потерпевшим может быть сам покупатель товара (заказчик работы, услуги), лицо, к которому перешел товар (результат работы) от покупателя (заказчика) по какому-либо правовому основанию, члены семьи покупателя (заказчика), посторонние лица, например соседи, имущество которых пострадало от пожара, возникшего из-за самовозгорания телевизора, и т. п. В примере с такси, таким потерпевшим является непосредственно пассажир, хотя бы и заказывал услугу его сын.

4. Вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара, работы или услуги, подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу (исполнителем), независимо от их вины (п. 1 ст. 1095 ГК РФ). Тем самым, деликт является безвиновным.

5. Вред подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу (исполнителем) (п. 3 ст. 14 Закона

РФ «О защите прав потребителей», ст. 1096 ГК РФ). Право выбора, продавцу или изготовителю предъявить соответствующее требование, принадлежит самому потерпевшему. По смыслу закона не исключается возможность одновременного обращения потерпевшего к каждому из них, в том числе привлечение их к делу в качестве соответчиков. Если потерпевших несколько, каждый из них сам решает, от кого – от продавца или изготовителя – потребовать возмещения причиненного вреда. Если вред причинен вследствие недостатков работы или услуги, он должен быть возмещен лицом, выполнившим эту работу или услугу (исполнителем).

Таким образом, логично предположить, что лицом, несущим ответственность за причинение вреда пассажиру в результате ДТП, является владелец такси, с которым водитель состоял в трудовых отношениях, т.е. лицо, оказавшее услугу. Однако Верховный Суд РФ занял в данном вопросе иную позицию. Коллегия Верховного Суда РФ возложила ответственность за причинение вреда жизни пассажира на владельца агрегатора такси [3].

Согласно Закону РФ «О защите прав потребителей», владелец агрегатора информации – это организация независимо от организационно-правовой формы либо индивидуальный предприниматель, которые являются владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов в соответствии с пунктом 3 статьи 16.1 настоящего Закона и Федеральным законом от 27 июня 2011 года N 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

Агрегатор – это информационный посредник между потребителем и продавцом. По действующему законодательству сфера его ответственности ограничивается лишь обязанностью предоставления полной и достоверной информации и ответственностью за ненадлежащую информацию. Почему же Верховный Суд РФ счел возможным возложить на владельца агрегатора информации ответственность за причиненный вред?

Согласно материалам дела, между владельцем такси и агрегатором был заключен договор, в соответствии с которым исполнитель обязан осуществлять поиск пассажиров для их перевозки легковым автомобилем заказчика, оказывать заказчику иные предусмотренные договором услуги, а заказчик обязался уплатить агенту оговоренные договором вознаграждения.

По условиям данного договора заказчик обязан производить страхование жизни и здоровья пассажиров автомобиля, перед выходом на линию проводить контроль технического состояния автомобиля и предрейсовый медицинский осмотр. Заказчик самостоятельно отвечает за ущерб, причиненный третьи лицам при перевозке клиентов.

Агрегатор является диспетчерской службой, которая оказывает заказчику информационные услуги: передает заказ, называет рекомендованную стоимость услуги такси, формируемую по тарифам перевозчиков.

По мнению Верховного Суда РФ, суду следовало учитывать положения пункта 1 статьи 1005 ГК РФ о том, что по сделке, совершенной агентом с третьи лицом от своего имени и за счет принципала, становится обязанным агент, хотя бы принципал и был назван в сделке или вступил с третьим лицом в непосредственные отношения по исполнению сделки. А по сделке, совершенной агентом с третьим лицом от имени и за счет принципала, права и обязанности возникают непосредственно у принципала.

Как следует из материалов дела, оснований что агрегатор действовал от не от своего имени, а от имени принципала, в данном случае от имени владельца такси, судами не установлено.

С учетом изложенного, ответственность за причиненный в процессе перевозки вред должен нести владелец агрегатора информации, если из обстоятельств заключения договора у добросовестного гражданина-потребителя могло сложиться мнение, что договор перевозки заключается непосредственно с этим лицом (агрегатором), а фактический перевозчик является его работником либо третьим лицом, привлеченным к исполнению обязательств по перевозке.

На наш взгляд подобный подход существенно расширяет пределы ответственности владельца агрегатора информации, что должно найти отражение и в действующем гражданском законодательстве России.

Библиографический список

1. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300–1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — N 3. — Ст. 140.
2. Гришаев С.П. Защита прав потребителей (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2016) // URL: <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CMB&n=18148&dst=100125> (дата обращения: 24.11.2022).
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.01.2018 по делу № 5-КГ17-220 // СПС «КонсультантПлюс».

Сведения об авторах: **Воробьев Иван Андреевич**, студент Юридического института Алтайского государственного университета, ivan.4004000@mail.ru.

Кирюшина Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, kirushina_ira@mail.ru, телефон 8-903-990-7552.

Голегузова Ульяна Владимировна, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Холоденко Юрий Витальевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

СООТНОШЕНИЕ РЕСТИТУЦИИ И ВИНДИКАЦИИ

Рассмотрено понятие сделки, а также основные условия и последствия её недействительности. Описаны такие вещно-правовые способы защиты субъективных прав и имущественных интересов участников гражданского оборота как реституция и виндикация. Также в ходе анализа рассмотрены их общие и отличительные черты. В соотношении друг с другом определены их сущность и особенности, основания, условия и обстоятельства применения.

Ключевые слова: виндикация, реституция, последствия недействительности сделок, право собственности, способы защиты имущественных интересов.

Право собственности является основополагающим институтом российской правовой системы. Защита права собственности обладает большой значимостью, а её правовое регулирование проявляется и сохраняется прежде всего, как система норм, закрепляющих и охраняющих данные отношения.

Правовые основы охраны отношений собственности закреплены в большинстве отраслей права: конституционном, которое устанавливает общие принципы регулирования принадлежности и защиты права собственности; уголовном и административном (предусматривают ответственность за противоправное посягательство на чужое имущество, в зависимости от тяжести); трудовом (регулирует материальную ответственность работников за причиненный работодателю имущественный вред); земельном и семейном (охватывают особые отношения принадлежности материальных благ); гражданском

(определяет право собственности и регулирует возникающие отношения, связанные с ним) и других.

Законодательство предусматривает несколько видов исковых требований, направленных на получение имущества в натуре: кондикция, возмещение ущерба, иски из договорных отношений, реституция и виндикация.

Субъект в различных ситуациях может воспользоваться любым из них, это зависит от конкретных обстоятельств.

В статье проанализировано соотношение реституции и виндикации. Изучены и обобщены основные аспекты данных последствий недействительности сделок и их применение.

Исследуемые реституция и виндикация имеют схожие черты, однако ряд особенностей позволяют рассматривать их как самостоятельные категории. Практика неоднократно сталкивалась с существующими противоречиями двух выделенных в работе вещно-правовых способов защиты субъективных прав: применение последствий недействительности сделки и истребование имущества из чужого незаконного владения. В настоящее время вопрос о соотношении реституции и виндикации остаётся актуальным.

Вопросы, связанные с недействительностью сделок, установлением их правовых последствий, являются весьма актуальными в правоприменительной практике ведь одной из главных задач законодателя является защита прав и законных интересов граждан.

Распространенным основанием возникновения гражданских прав и обязанностей являются сделки. Ими, согласно ст. 153 Гражданского Кодекса РФ, признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Выступая основным юридическим фактом, порождающим гражданские правоотношения, они требуют серьезного подхода к правовому регулированию. В случаях, когда один из участников сделки или третье лицо считает, что она нарушает его права, законные интересы речь заходит о недействительности сделки. Недействительными являются сделки, не создающие тех правовых

результатов (прав и обязанностей), к которым стремились их стороны. Следовательно, они не влекут юридических последствий, за исключением тех, что связаны с их недействительностью.

Недействительность сделок может иметь различные основания, установленные законодательством Российской Федерации. Они, как правило, связаны с нарушениями условий действительности сделок.

Законодательство делит недействительные сделки на две основные группы: оспоримые и ничтожные. Оспоримыми являются сделки недействительные по основаниям, установленным законом, в силу признания их таковыми судом. Ко второй группе отнесены сделки недействительные по основаниям, установленным законом, независимо от признания их таковыми судом.

Правовые последствия сделок зависят от того была исполнена сделка или нет. Если сделка исполнена не была, то никаких правовых последствий она не порождает. Такая сделка, согласно ст. 167 Гражданского Кодекса Российской Федерации, не признается законодательством с момента ее совершения. Соответственно юридические последствия не образуются [1 с. 543]. В случаях, когда недействительная сделка была исполнена её участниками, возникает право требовать определённых правовых последствий. В общем случае стороны, участвовавшие в такой сделке, должны вернуть друг другу материальное имущество, полученное в результате совершения сделки или компенсацию стоимости имущества в денежном выражении.

Выделяют общие и специальные правовые последствия недействительности сделок. Общим последствием является двусторонняя реституция. К специальным последствиям недействительности сделки относят одностороннюю реституцию и её недопущение. В действующем российском законодательстве нормы о реституции закреплены в § 2 гл. 9 Гражданского Кодекса Российской Федерации.

В соответствии с п. 2 ст. 167 Гражданского ГК РФ под двусторонней реституцией понимается обязанность каждой из сторон вернуть другой полученное в результате совершения недействительной сделки. Её встречность

соответствует идее справедливости, согласно которой, истец получает данное им ответчику, но и ответчик имеет право получить предоставленное истцу. При этом, существует проблема одновременности исполнения решения суда о применении двусторонней реституции: сторона, которая первая возвращает имущество, должна иметь гарантию того, что вторая сторона также вернет его. В случае односторонней реституции, особенность которой заложена в её названии, в прежнее гражданско-правовое положение возвращается только одна сторона (невиновная), действовавшая добросовестно – она получает исполненное ею обратно, а исполнение, полученное от другой стороны (виновной), последней не возвращается и взыскивается в доход государства. Таким образом, при односторонней реституции виновная сторона подвергается санкции и утрачивает имущество, которое передано ею другой стороне (невиновной) в рамках исполнения недействительной сделки [2 с. 151].

Недопущение же реституции предполагает, что ни одна из сторон недействительной сделки не восстанавливается в прежнем положении. Всё, что получили обе стороны сделки, они передают в доход государства.

Допустимы различные варианты этих последствий в зависимости от того, обе или одна сторона действовали умышленно, а также в зависимости от того, обе из них или одна исполнили сделку [3 с. 80].

Таким образом, реституция предполагает возврат имущества или получение компенсации за утраченную собственность после признания сделки недействительной. Её главной задачей является возвращение участников сделки к состоянию, которое было у них до подписания договора и совершения, соответствующих действия (восстановление гражданских прав собственности). При этом в нормах права «титულიность» владения имуществом сторонами до совершения сделки при реституции не определяется в качестве основания его возвращения.

Под виндикацией понимается способ защиты права собственности, заключающийся в возврате собственнику его имущества из незаконного чужого владения.

Поскольку добросовестное приобретение, в смысле ст. 302 Гражданского Кодекса Российской Федерации, возможно только тогда, когда имущество приобретается не непосредственно у собственника, а у лица, которое не имело права отчуждать это имущество, последствием сделки, совершенной с таким нарушением, является виндикация.

Основаниями предъявления виндикационного иска, исходя из положений этой же ст. 302 Гражданского Кодекса Российской Федерации являются:

1. лицо, передавшее имущество новому владельцу (добросовестному приобретателю), должно быть не вправе его отчуждать;
2. имущество должно быть получено добросовестным приобретателем по возмездной сделке;
3. собственнику необходимо доказать, что истребуемое имущество выбыло из его владения помимо его воли.

Следовательно, если имущество, отчужденное собственником, передано его приобретателями другим лицам, с которыми у собственника нет договорных отношений, и эти лица подпадают под признаки добросовестных приобретателей, собственник не вправе предъявить к конечным владельцам имущества иск о применении реституции. В этом случае предъявляется иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения (ст. 302 ГК РФ) либо требование к первому приобретателю его имущества возврата денежной суммы, равной стоимости утраченного имущества.

Важную роль в споре об истребовании имущества из чужого незаконного владения играет объект виндикации, так как именно принадлежность к тому или иному объекту гражданских прав предопределяет саму возможность удовлетворения иска [4 с. 76]. Объект незаменим. В случае гибели вещи прекращается и право собственности на неё, следовательно, будет отсутствовать и основание для виндикации.

Объекты гражданских прав закреплены в ст. 128 Гражданского Кодекса Российской Федерации. Ими выступают вещи, являющиеся ими не только в силу осязаемости, но и потому, что правопорядок признал их таковыми.

Виндикационный иск является вещно-правовым и может быть предъявлен в отношении вещей, к которым относятся в том числе наличные денежные средства и документарные ценные бумаги.

Таким образом, в рамках спора об истребовании имущества из чужого незаконного владения исследуются следующие обстоятельства:

1. наличие у истца права собственности (иного вещного титула) на истребуемое индивидуализированное имущество. Истец обязательно должен являться её собственником или иметь иные вещные права;
2. наличие спорного имущества в натуре;
3. характер выбытия имущества из владения собственника;
4. недобросовестность ответчика;
5. отсутствие между истцом и ответчиком отношений обязательственного характера по поводу истребуемой вещи.

Профессор К.И. Скловский считает, что реституцию нельзя смешивать с виндикацией и необходимо различать эти два понятия по признаку необходимости доказывания права собственности, так как при реституции имущество возвращается сторонам недействительной сделки "только в силу того, что оно было ранее ими же передано, но никак не потому, что стороны имеют на него какое-либо право» [5 с. 64].

Связь виндикационного иска с требованием о применении последствий недействительности сделки в предшествующие периоды развития отечественного гражданского права носила скорее теоретический характер, чем практический.

Учитывая, что возвращение собственнику имущества из чужого незаконного владения по виндикационному иску и обратное получение имущества стороной в порядке реституции, некоторым образом, схожи, можно предположить и о

сходстве целей при виндикации и реституции. Однако такое совпадение условное [6 с. 96].

При виндикации на основании права собственности, субъект наделяется правом требовать устранения создавшегося разрыва между принадлежащим ему правом на вещь и фактической возможностью обладать ей. Тогда как основанием возвращения имущества при реституции (помимо недействительности сделки) служит факт нахождения имущества у контрагента до совершения сделки.

Так целью виндикационного иска является восстановление нарушенного права владения вещью. Реституция ставит более широкую задачу: восстановить стороны сделки в положении, имевшем место до заключения ими недействительной сделки, возвращение им прав, независимо от того являлись ли они собственниками.

Также виндикация применима, в том случае, когда имущество выбыло из владения собственника без его воли, в то время как реституция возникает на основании сделки, которая имела волевой характер (за исключением случаев, когда сделка совершена в силу насилия).

Очевиден принудительный характер обязанностей по реституции, так как после установления недействительности сделки ее участники против своей воли, подчиняясь требованию закона, обязаны вернуть друг другу все полученное. Обязательственная природа реституции противопоставляется абсолютной природе виндикации.

Таким образом, «реституция», как термин, обозначающий общие положения о последствиях недействительности сделки, не связан с виндикационным иском, который разработан не только для возврата собственнику имущества, переданного им контрагенту по недействительной сделке, следовательно, сопоставлять их неправильно.

Реституция и виндикация являются разными способами защиты имущественных интересов участников гражданского оборота.

В свою очередь реституцию отличают от виндикации взаимность, наличие в ней некоторых черт обязательства, так же посессорный характер, под которым понимают, что осуществление возврата происходит только в силу факта обладания ею до совершения недействительной сделки независимо от законности и добросовестности владения.

При признании сделки недействительной, реституция применяется в отношении контрагента по сделке, а виндикация – в отношении третьего лица, который не связан с собственником какими-либо относительными (чаще всего обязательственными) правоотношениями. Реституция не исключает виндикацию (и наоборот), прежде всего потому, что у них разные субъекты. Даже в тех случаях, когда собственник истребует свою вещь у контрагента по сделке, он выступает не в роли собственника (субъекта абсолютного права), а в роли контрагента.

Виндикационный иск признается производным от права собственности, а реституционный - от недействительности сделки. В этой связи реституционное правоотношение возникает между сторонами сделки, а виндикационное может возникнуть между собственником и любым незаконным владельцем. Обязанность вернуть переданное по недействительной сделке может быть поставлена в зависимость от передачи исполненного другой стороной, что недопустимо при удовлетворении виндикационного иска. Из этого вытекают и процессуальные отличия: так, предмет процессуального доказывания различен – право собственности для виндикационного и недействительность сделки для реституционного иска. Виндикация часто рассматривается как правомочие. Следовательно, предполагая на первый взгляд схожую цель, реституция и виндикация весьма отличаются в своём содержании.

Библиографический список

1. Яшкина О. А. Последствия недействительности сделок // E-Scio. - 2020. - №4 (43);

2. Жуков Е. Н., Киреева Е.В. Некоторые проблемы применения реституции // Право и практика - 2018 - №3.
3. Павлова Е. Н. Правовые последствия недействительности сделок // Проблемы науки. - 2018. - №9 (33).
4. Гусева А. А. Объект виндикации: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2021. №4 (125).
5. Бобина Д. А. Проблема соотношения виндикации и реституции // Вопросы науки и образования. - 2020. - №15 (99).
6. Бондарь Е.Л. К вопросу о правовой природе виндикационного иска // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2021. - №3-1.

Сведения об авторах: **Голегузова Ульяна Владимировна**, студент Юридического института Алтайского государственного университета, goleguzova7@gmail.com. 8-913-229-50-48

Холоденко Юрий Витальевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, holodenko@de-kons.ru

Гостева Юлия Владимировна, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Блинова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

ЖИВОТНЫЕ КАК ИСТОЧНИК ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В настоящей статье анализируется российское и зарубежное законодательство, посвященное источнику повышенной опасности. Авторы приходят к выводу о

необходимости введения в ГК РФ более четких формулировок по поводу животных как источника повышенной опасности.

Ключевые слова: источник повышенной опасности, животные, отечественное законодательство, зарубежное законодательство

Источник повышенной опасности – понятие для отечественного и для зарубежного права и законодательства неоднозначное, но вместе с тем чрезвычайно интересное для исследования. Человек ежедневно сталкивается с различными объектами, которые с позиции законодательства квалифицируются как источник повышенной опасности, даже не подозревая об этом. Одним из таких объектов выступают животные.

Для выяснения специфики рассматриваемого в рамках настоящей статьи понятия необходимо определиться с его квалификацией. Сразу следует оговориться, что в литературе однозначного подхода нет, тем не менее можно говорить о разработке трех концепций источника повышенной опасности [1, с. 34-36; 2, с. 98].

Во-первых, источник повышенной опасности представляет собой некую деятельность, которую невозможно перманентно контролировать человеку, вследствие чего высока вероятность причинения вреда такой деятельностью (В.Г. Вердников, цит. по: [1, с. 53]). Источник повышенной опасности – «всегда действие или система действий, но никак не вещь», и ни в коем случае таковым не может признаваться бездействие. При всем этом характер такой деятельности не имеет значение для признания ее «повышено опасной»; вместе с тем закрепление определение понятия «источник повышенной опасности» в гражданском законодательстве нецелесообразно, поскольку он «сбивчив и неясен» [3, с. 101].

Во-вторых, источник повышенной опасности – это некая сила природы, выражающаяся в свойстве вещей, которая даже при развитости технических механизмов и устройств полностью контролю человека не поддается. При этом такая природная сила создает достаточно большую вероятность причинения

вреда здоровью человека, его жизни и иным благам (Е.А. Флейшиц [цит. по: 1, с. 54]).

Наконец, в-третьих, под источником повышенной опасности следует понимать предметы реального мира, которые обладают специфическими характеристиками в виде особых количественных и качественных состояний, где именно в силу этих характеристик обладание подобными предметами связано с их повышенной опасностью для окружающих людей и иных объектов воздействия (О.А. Красавчиков [4]). Полагаем, что данная концепция весьма убедительна, поскольку нельзя обладать ни свойствами вещей, ни силами природы, и дальнейшие рассуждения будут строиться на ее основе.

Вопрос о понимании животного как источника повышенной опасности в науке неоднократно рассматривался. Однако в отечественном и зарубежном законодательстве не содержится сколь-нибудь общего определения. Полагаем, подобная проблема может быть решена либо путем выяснения критериев животного как источника повышенной опасности, либо определения конкретного перечня животных в соответствии с этими критериями. Но критерии, и перечень животных носят, как показано ниже, все же относительный характер, последнее слово будет за судом, потому избавиться полностью от судейского усмотрения по этому вопросу не представляется возможным.

По пути выработки перечня животных, которых относят к категории источников повышенной опасности, пошло гражданское законодательство некоторых зарубежных стран. Так, среди источников повышенной опасности указываются конкретные породы собак (ч. 1 ст. 1187 ГК Украины). Однако, покуда существует норма ст. 1079 ГК РФ, внедрение такого подхода в российское гражданское законодательство невозможно. Одно дело, если такой перечень разрабатывается, например, для введения административного контроля за владельцами собак этих пород, который предусматривает обязательное наказание за непослушание, повышенные штрафы для собак, оставленных без присмотра, и другие подобные меры. Совсем другое дело, если

такой перечень или ссылка на него содержится в статье 1079 ГК РФ, точно так же, как это сделано в цитируемом ГК. Думается, что при таких вводных данных при рассмотрении гражданских дел о причинении вреда собаками ответственные лица «назначаются» заранее, что не соответствует ни духу справедливости, ни принципам гражданского законодательства [5, с. 35].

Здесь же можно привести примером условное деление животных на диких и домашних, презюмировав, что только дикие представляют опасность. Действительно, поведение диких животных в силу объективных и всем понятных причин не может контролироваться людьми. Детерминируется это тем, что дикие животные – существа особые, их поведение в наибольшей по сравнению с домашними подвергнуто природным инстинктам. В литературе часто встречается пример ситуации с цирковыми тиграми, когда даже при внешне «сильном» подчинении поведения животного воле человека, вероятность возникновения ситуации, когда животное выйдет из-под контроля человека, невысказанно велика, а это напрямую влечет следствие в виде причинения вреда людям, иным живым существам и материальным ценностям [2, с. 98].

В качестве примера признания дикого животного источником повышенной опасности судом можно привести следующий. В 2018 году в одном из зоопарков г. Барнаула несовершеннолетний гражданин просунул руку в клетку к дикому животному – канадскому волку. В решении Индустриального районного суда г. Барнаула волк был признан источником повышенной опасности, на его владельца были возложены соответствующие гражданско-правовые обязанности [6].

Однако с домашними животными также все не так просто. Вполне очевидно, что они подконтрольны человеку только до тех пор, куда такой контроль осуществляется. Причем, имеется в виду непосредственный контроль, когда животное находится рядом, когда человек может на него реально воздействовать (полагаем, степень контроля необходимо условно измерять в степени возможности физического воздействия). В то же время нередки случаи,

когда животное, которое гуляет на каком-то расстоянии от хозяина либо даже убегает от него. Соответственно, человек лишается возможности его контролировать. Тем не менее, признание домашнего животного источником повышенной опасности неизбежно влечет наложение обязанности по выплате штрафа на его хозяина.

Интересен подход в этом вопросе зарубежных государств. Англия и Франция в соответствующем законодательстве имеют положения о том, что ответственность владельцев животных, причинивших вред окружающим, наступает независимо от вины их хозяев. Германский закон в регулировании этого вопроса дуалистичен: владельцы экзотических животных привлекаются к ответственности в любом случае – они всегда несут ответственность за причиненный их животными вред; но в случае с домашними животными их хозяева отвечают только в том случае, если не докажут, что предприняли все необходимые меры для того, чтобы такое поведение предотвратить. В некоторых государствах законодатель пошел еще дальше: лица привлекаются к ответственности только тогда, когда будет доказана их вина в причинении вреда, причиненного опасным поведением своего животного. Однако в то же время отмечается, что на субъектов опасной деятельности в этих странах возлагается серьезное бремя заботливости, что свидетельствует о тренде постепенного приближения их ответственности к безвиновной [7].

Говоря о другом способе решения проблемы – путем выяснения критериев животного как источника повышенной опасности – приведем следующие размышления ученых. Критериями отнесения животных к опасным, в т. ч. домашних животных, можно считать: размеры животного (бык, буйвол); определенные свойства животного (острые клыки, когти); навыки (служебная собака, бойцовская собака); характер животного (животные, обладающие изначально повышенной агрессивностью – бойцовские собаки, хищники) и пр. [2, с. 98-99]. Тем не менее, на практике не каждый бык или ротвейлер будут представлять собой угрозу окружающим, в некоторых исследованиях источником повышенной опасности называют даже пчел [8]. Следовательно,

необходимо еще раз подчеркнуть относительный характер и перечня, и критериев животных как источника повышенной опасности.

Резюмируя сказанное, стоит отметить, что законодательство и доктрина в вопросе определения животного как источника повышенной опасности конкретикой не отличаются. В российском законодательстве установлен открытый перечень видов деятельности, способных представлять повышенную опасность для окружающих. Тем не менее, есть государства, где установлен достаточно четкий и конкретный перечень источников повышенной опасности, включая животных. Представляется необходимым в отношении последних сформулировать более четкие требования для их соответствующей квалификации.

Библиографический список

1. Варлыгин Л.Д. О понятии источника повышенной опасности // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 6.
2. Захаров Д.Е. Животные как источник повышенной опасности // Российское право: образование, практика, наука. – 2009. – № 9 (62).
3. Антимонов Б.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. – М.: Госюриздат, 1952.
4. Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. – М.: Юрид. лит., 1966.
5. Мохов А.А., Копылов Д.Э. Псовые как объекты гражданских прав // Юридический мир. – 2006. – № 12.
6. Решение суда о травмировании ребенка в зоопарке // URL: <https://pravo-zoozahita.ru/reshenie-suda-o-travmirovanii-rebenka-v-zooparke/> (дата обращения: 10.08.2023).
7. Чинчевич Е.В. Потенциально опасные животные как источник повышенной опасности // URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1689906248&tld=ru&lang=ru&name=potencia>

Ino-opasnye-zhivotnye-kak-istochnik-povyshennoj-opasnosti.pdf (дата обращения: 10.08.2023).

8. Анисимов А.П. О возмещении вреда, причиненного пчелами: дискуссионные вопросы // Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17. – № 1.

Сведения об авторах: **Гостева Юлия Владимировна**, студент Юридического института Алтайского государственного университета. E-mail: gostevauli@bk.ru, телефон: 8-929-392-9864

Блинова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета. E-mail: jblinova@yandex.ru, телефон: 8-909-503-5917.

Гулькина Екатерина Александровна, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Холоденко Юрий Витальевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

СДЕЛКА, СОВЕРШЕННАЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ОБМАНА, И МОШЕННИЧЕСТВО: ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Действия граждан и юридических лиц, оформленные в виде сделок, зачастую сопровождаются нарушениями законодательства. Гражданский кодекс РФ содержит нормы, позволяющие аннулировать правовые последствия сделки в целях восстановления нарушенных прав. В то же время Уголовный кодекс РФ признает мошенничество преступлением и предусматривает санкции за его совершение. В статье приводится сравнительный анализ данных явлений,

сформулированы критерии разграничения и приведён международно-правовой пример регулирования данных явлений.

Ключевые слова: недействительность сделок, обман, мошенничество, хищение, злоупотребление доверием.

Проблема разграничения недействительности сделки, совершённой под влиянием обмана, указанной в статье 179 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), входящей в гражданско-правовой институт недействительности сделок, и мошенничества, являющегося преступлением в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (далее УК РФ), сводится к более широкой проблематике соотношения гражданского и уголовного.

Н. С. Таганцев в конце 19 начале 20 века, обозначая данную проблему, отмечал важность вопроса о «взаимных отношениях и границах неправды гражданской и уголовной». Он писал: "Грань, отделяющая даже в современной юридической жизни эти два вида неправд, представляется весьма тонкой и иногда даже едва уловимой; таково, например, различие между обманом гражданским и обманом уголовно наказуемым. В тех случаях, когда одно и то же юридическое событие, кража, поджог, увечье являются производящим фактором и неправды гражданской, и неправды уголовной, каких-либо второстепенных условий, часто даже процессуальных, достаточно, чтобы придать всему событию характер неправды или исключительно гражданской, или исключительно уголовной" [1].

Мы видим, что эта проблема давно интересует исследователей, но в тоже время является актуальной и в настоящее время.

Рассмотрим случай из судебной практики [2].

Прохоров А.А. обратился в Шпаковский районный суд с иском к Горлову И.Г. о взыскании денежных средств по договору займа. К Прохорову А. А. обратился знакомый Горлов И. Г. с просьбой о займе денежных средств в размере 263 000 рублей, о чем Горлов И.Г. дал обязательство, заверенное

нотариусом. Денежные средства он обязался вернуть через месяц. Также при просрочке платежа взимается штраф в размере 1% за каждый день просрочки от основной суммы задолженности. Однако, в указанный срок Горлов И.Г. денежные средства не вернул.

Затем Горлов И.Г. снова обратился к истцу с просьбой о займе денежных средств в размере 161 000 рублей, Горлов И.Г. обещал вернуть ему все денежные средства в полном объеме со всеми штрафами за просрочку, и он поверил ему. Горлов И.Г. составил собственноручную расписку, денежные средства обязался вернуть через один месяц, однако, в указанный срок денежные средства не вернул, пояснив, что деньги находятся в работе.

Тогда истец обратился в Отдел МВД России по Шпаковскому району Ставропольскому краю с заявлением о привлечении к уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ гражданина Горлова И. Г. Однако на основании данного заявления в возбуждении уголовного дела по ч. 2 ст. 159 УК РФ в отношении Горлова И.Г. было отказано на основании «отсутствие в деянии состава преступления».

Можно заметить, что данная проблема вызывает сложности для людей, вовлеченных в данную правовую сферу. Нормы права в этих областях построены таким образом, что правоприменителю самостоятельно приходится разграничивать данные явления. Тем более их невозможно разграничить в зависимости, к примеру, от размера причиненного ущерба и формы вины.

Прежде всего следует уяснить, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Сделка, совершенная под влиянием обмана, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего [3, ст.179]. В этом своем качестве она относится к числу оспоримых.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 определяет обман не только как сообщение информации, не соответствующей действительности, но также и намеренное умолчание об обстоятельствах, о

которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота [4].

Под мошенничеством в УК РФ понимается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием [5, ст.159].

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. №48 "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате" указывается, что обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение [6].

Как видим, уже в разъяснениях имеются отличия. Обман в данном составе является способом совершения хищения или приобретения права на чужое имущество. Также указывается, что мошенничество, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению [6].

Здесь усматривается значительная особенность – мошенничество как состав преступления имеет место быть только после получения во владение либо получения реальной возможности пользоваться и распоряжаться чужим имуществом. А именно понятие мошенничества в отношении предмета в УК РФ ограничено чужой вещью и правом на чужое имущество. В то время как сделку, совершенную под влиянием обмана, могут составлять любые действия, направленные на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей.

Предмет мошенничества, таким образом, значительно уже, чем у сделки, совершенной под влиянием обмана, предметом которой может выступать

любое имущество в широком смысле слова, работы и услуги, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

Изучение также отдельных уголовных дел показало, что установление лишь факта причинения ущерба, от возмещения которого субъект вредоносного деяния не отказывается, является предметом гражданско-правового спора. И.А. Клепицкий пишет, что обманы, совершенные лицом, желающим по возможности исполнить обязательство, составом мошенничества не охватываются. В таком случае лицо, хотя и использует обман, вовсе не желает причинить имущественный ущерб [7].

Помимо этого, чтобы разобраться с разграничением указанных явлений, необходимо проанализировать такой элемент правоотношения как субъект. Субъектом сделки, совершенной под влиянием обмана, могут быть физические лица, юридические лица, а также публично-правовые образования. Что касается физического лица, то деликтоспособность по гражданским правонарушениям наступает с четырнадцати лет. А субъектом преступления могут являться только физические лица, ответственность которых за мошенничество наступает по достижении шестнадцатилетнего возраста.

По этой причине, можно констатировать, что понятие субъекта сделки, совершенной под влиянием обмана, значительно шире.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ, разъясняя сделки, совершённые под влиянием обмана, обращает внимание, что закон не связывает оспаривание сделки на основании п.2 статьи 179 ГК РФ с наличием уголовного производства по фактам применения насилия, угрозы или обмана [4]. Иначе говоря, заключение сделки, под влиянием обмана не исключает факт уголовного производства по данной же сделке.

В связи с этим необходимо сделать крайне важный вывод – сделка, совершённая под влиянием обмана, и мошенничество не являются взаимоисключающими явлениями. Трудно согласиться с категорическим утверждением о том, что уголовно-правовые нормы о мошенничестве и

гражданско-правовые предписания о сделках, совершенных под влиянием обмана, находятся в состоянии конкуренции [8].

В тех ситуациях, когда объекты указанных правонарушений совпадают, как правило, нет проблемы выбора норм. Последние одновременно регулируют и охраняют разные стороны и грани собственнических отношений. Как замечает И.В. Шишко: «из охранительной функции уголовного права и упорядочивания позитивных общественных отношений регулятивными нормами вытекает необходимость не выбора регулятивной или охранительной, а часто одновременного применения этих норм» [9]. В таких случаях одним деянием одновременно нарушаются нормы уголовного и гражданского права.

В итоге речь идет о сочетании в содеянном составов двух различных правонарушений при условии, когда они совершаются одним и тем же лицом, в одно и то же время и одним и тем же действием. Отсюда следует, что рассматриваемые правовые категории находятся в логическом отношении пересечения, что важно принимать во внимание в правоприменительном процессе.

Рассмотрим регулирование данных явлений в германском праве.

Германское гражданское уложение (- далее УК ФРГ) в главе о волеизъявлении указывает: «лицо, принуждённое к волеизъявлению умышленным обманом или противоправной угрозой, может оспорить свое волеизъявление» [10]. То есть данная сделка, также является оспоримой вследствие обмана, как и в гражданском законодательстве РФ.

Анализ ст. 263 УК ФРГ позволяет сформулировать определение общей нормы о мошенничестве. Мошенничество – это причинение вреда чужому имуществу с целью получения имущественной выгоды путем обмана» (сообщение недостоверных фактов или их искажение либо сокрытие подлинных фактов, а также введение в заблуждение потерпевшего и его поддержание), которое наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом [10].

Данное определение позволяет сделать вывод о том, что в основе всех преступлений мошеннического характера лежит обман. В некоторых случаях обман и мошенничество употребляются как синонимичные понятия.

Таким образом, в германском праве данные явление едва различимы. Как отмечают исследователи, отсутствие легального толкования понятий, используемых при определении таких понятий, как «мошенничество», «обман», «причинение имущественного ущерба» способно вызвать трудности при квалификации схожих деяний [9].

Подводя итог, следует отметить, что гражданские правоотношения в сфере сделок, совершённых под влиянием обмана, и преступления мошеннического характера разделяет весьма тонкая грань. При регулировании данной области правоотношений следует исходить из недопущения возможности избежания виновными лицами уголовной ответственности за совершенные преступления под прикрытием гражданско-правовой сделки, но также неприемлемо допускать возможность разрешения гражданско-правовых споров посредством уголовного преследования.

На мой взгляд, с учётом нынешнего законодательства и анализа проблемы для данных целей правовым механизмом или способом, способствующим урегулированию, могло бы стать Постановление Пленума Верховного Суда, подробно разъясняющее разграничение данных явлений.

При этом не стоит забывать – уголовная противоправность мошенничества не исключает противоправности данного посягательства с точки зрения гражданского права. Ведь нередко между мошенничеством и соответствующим гражданским правонарушением складываются отношения идеальной совокупности.

Библиографический список

1. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: учебник. – СПб, 1902.
2. Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края от 29 июля 2021 г. по делу № 2-2226/2021 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт):

интернет-ресурс. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/aH3mgAN5nE1Q/> (дата обращения: 25.03.2022).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - №32. - Ст.3301.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 25.03.2022).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. - №25. – ст.2954.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 29.06.2021) "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате"– URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 25.03.2022).

7. Клепицкий И.А. Мошенничество и правонарушения гражданско-правового характера // Законность. – 1995. - N 7.

8. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ: учебник. – М., 2009.

9. Шишко И. В. Экономические правонарушения вопросы юридической оценки и ответственности: монография. - СПб.: Издательство "Юридический центр Пресс", 2004.

10. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии в редакции от 13 ноября 1998 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15 мая 2003 г.) – URL: http://rawunsch.de/images/Ugolovnyiyi_Kodeks.pdf (дата обращения: 25.03.2022).

Сведения об авторах: **Гулькина Екатерина Александровна**, студент Юридического института Алтайского государственного университета, gulkina.katierina@gmail.com, 89132580905;

Холоденко Юрий Витальевич, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, holodenko@de-kons.ru, 89039101333

Деуля Снежанна Федоровна, студентка Юридического института Алтайского государственного университета

Филиппова Татьяна Аркадьевна, кандидат юридических наук, профессор кафедры, заведующий кафедрой гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЯМИ КАК ФОРМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

В настоящей статье автором рассматриваются понятие и способы злоупотребления потребителями своими правами. Особое внимание уделяется вопросу отказа в защите при злоупотреблении правом потребителями. В статье проводится анализ злоупотребления правом в контексте проблем законодательства и правоприменения, а также вносятся предложения по совершенствованию данного гражданско-правового института.

Ключевые слова: злоупотребление правом, недобросовестное осуществление гражданских прав, злоупотребление потребительскими правами, отказ в защите права, потребитель.

Широкое распространение в России такого явления как злоупотребление правом со стороны потребителей связано с целым рядом факторов – экономических, юридических, технологических, культурных.

Существование мощного механизма правовой защиты потребителей вполне оправданно, ведь нормативные предписания должны не только определять содержание правоотношений, но и обеспечивать баланс интересов их участников, создавая необходимые условия для восстановления нарушенных прав. И Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей» [1] (далее по тексту – Закон о защите прав потребителей) в полной мере справляется с такой задачей, устанавливая для потребителей целый комплекс различных преференций: презумпции неосведомленности и надлежащей эксплуатации товара в период гарантийного срока (п. 4 ст. 12, п. 6 ст. 18); специальные виды неустоек (п. 1 ст. 23, п. 3 ст. 23.1, п. 5 ст. 28); штраф за неисполнение в добровольном порядке требований потребителя (п. 6 ст. 13); освобождение от уплаты государственной пошлины при обращении в суд (п. 3 ст. 17); альтернативную подсудность (п. 2 ст. 17) и т.д. С другой стороны, как ни парадоксально, но именно наличие эффективного законодательства в данной сфере правового регулирования является основной предпосылкой для возникновения злоупотреблений правом со стороны потребителей [2].

Также весьма проблематично реализовать результаты описания злоупотребления потребителем правом в рамках действующей социально-политической системы общества, поскольку в настоящее время ни общество, ни государство, к сожалению, не воспринимают недобросовестное поведение потребителей как угрозу для современного правопорядка. Сегодня, как и тридцать лет назад, когда законодательство о защите прав потребителей только создавалось, потребительские отношения рассматриваются лишь как средство «решения задач в области формирования национальной политики государства в области защиты прав потребителей, недопущения нарушения их прав ..., создания дополнительных гарантий» [3].

По смыслу положений ст. 10 Гражданского Кодекса Российской Федерации [4] (далее по тексту – ГК РФ), можно сделать вывод о том, что под злоупотреблением потребительскими правами следует понимать действия потребителей, осуществляемые исключительно с намерением причинить «имущественный ущерб (предпринимателю) путем обмана или злоупотребления доверием». Стоит отметить, что крайне сложно доказать наличие у потребителя цели нанести вред продавцу. Кроме того, желанию причинить вред продавцу чаще всего предшествует желание получить выгоду от подобного поведения.

По мнению В.В. Богдан и В.Н. Сусликова, возникновению злоупотреблений правом со стороны потребителей способствует «отсутствие в Законе о защите прав потребителей положений об обязанностях и ответственности потребителя». Отсюда в качестве основной меры борьбы с такими действиями предлагается модернизация закона [3].

ГК РФ в ст. 10 перечисляет следующие формы злоупотребления правом: а) шикана (осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу); б) обход закона с противоправной целью; в) использование лицом своих гражданских прав в целях ограничения конкуренции; г) злоупотребление доминирующим положением на рынке. При этом данный перечень является открытым. Как видим, формы злоупотребления правом в основном выделяются по субъективному критерию, т.е. в зависимости от того, к чему стремится участник правоотношений, злоупотребляющий правом: причинить другому лицу вред, ограничить конкуренцию или достичь иную противоправную цель (при помощи обхода закона).

В основе добросовестности потребителя лежит целеполагание, соответствующее содержанию осуществляемого им субъективного права, поэтому если потребитель, вступая в правоотношения или обращаясь в суд, преследует целью получение дохода или иной выгоды, а не удовлетворение личных (семейных, бытовых) нужд или защиту своего нарушенного права, то в таком случае с уверенностью можно говорить о злоупотреблении правом.

Добросовестный же потребитель не будет предъявлять явно завышенных требований, выходящих за пределы разумности и справедливости.

Закон содержит целый ряд норм, создающих предпосылки для использования их в качестве базиса для реализации злонамеренных действий потребителей.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что при рассмотрении дел о защите прав потребителей законоположения о злоупотреблении правом применяются гораздо реже, чем по делам других категорий. И в тех случаях, когда суды все же признают поведение участника потребительских отношений недобросовестным, речь чаще всего идет о предпринимателях (продавцах, исполнителях, производителях). Поэтому наибольший исследовательский интерес вызывают споры, по которым суды все же усматривают в действиях потребителя признаки злоупотребления правом ввиду их немногочисленности.

Основным и наиболее часто встречаемым средством недобросовестных потребителей являются нормы, предъявляющие требования к информации об изготовителе, исполнителе, продавце, а также о товаре или услуге [5]. Так, отсутствие информации у потребителя, дает ему право требовать возмещение ущерба.

Кроме того, ст. 18 Закона о защите прав потребителей гласит, что права потребителей при обнаружении в товаре недостатков включают требования замены, уменьшения цены, безвозмездного устранения недостатков, либо вообще отказаться от товара, однако, на практике часто встречаются случаи, когда потребитель самостоятельно портит товар, чтобы впоследствии предъявить указанные требования продавцу.

Аналогичные действия встречаются в ст. 28 (последствия нарушения исполнителем сроков выполнения работ (оказания услуг)), ст. 19 (сроки предъявления потребителем требований в отношении недостатков товара), ст. 29 (права потребителя при обнаружении недостатков выполненной работы (оказанной услуги)) Закона [6].

Согласно нормам ст. 25 Закона о защите прав потребителей потребитель в течение 14 дней, не считая дня покупки, вправе обменять непродовольственный

товар надлежащего качества на аналогичный товар у продавца, у которого этот товар был приобретен, если указанный товар не подошел по форме, габаритам, фасону, расцветке, размеру или комплектации. Причем на практике этот перечень часто расширяется. Фактически потребитель, приобретая товар, который не входит в Перечень товаров, не подлежащих обмену по основаниям, указанным в ст. 25, имеет возможность 2 недели им пользоваться (хоть и осторожно), а затем вернуть.

Одним из самых распространенных случаев злоупотребления правом в сфере розничной торговли является уклонение потребителя от передачи товара на проверку качества. В Определении N 8-КГ21-1-К2 от 6 апреля 2021 г. [7] Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в результате расширительного толкования ст. 18 Закона о защите прав потребителей указала, что обоснованность заявленных к импортеру требований относительно ненадлежащего качества товара может быть проверена последним лишь в случае исполнения потребителем обязанности по представлению данного товара, а потому предъявлению к импортеру требования о возврате уплаченной за товар денежной суммы должен предшествовать возврат ему товара. В случае же неисполнения потребителем указанной обязанности его поведение подлежит оценке на предмет соответствия требованиям добросовестности. При выявлении факта злоупотребления правом судам надлежит отказывать во взыскании неустойки и штрафа, предусмотренных Законом о защите прав потребителей, поскольку применение таких мер ответственности возможно лишь в случае виновного поведения импортера и уклонения от добровольного исполнения требований потребителя. И поскольку при рассмотрении дела по существу было установлено, что на неоднократные предложения ответчика вернуть товар истец не реагировал, что, в свою очередь, не было учтено судами апелляционной и кассационной инстанций, Судебная коллегия Верховного Суда РФ отменила их решения с направлением дела на новое рассмотрение [7]. Таким образом, основанием для отмены судебных актов послужило неприменение судами положений ст. 10 ГК РФ. При этом очевидно,

что причина столь разного видения одной и той же правовой ситуации кроется в несовершенстве действующего законодательства.

Согласно абз. 2 п. 5 ст. 18 Закона о защите прав потребителей, продавец (изготовитель), уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер обязаны принять товар ненадлежащего качества у потребителя и в случае необходимости провести проверку качества товара. Как видно из приведенной нормы, законодатель наделил продавца обязанностью, а не правом проведения проверки качества товара, следовательно, потребитель не обязан передавать продавцу товар на проверку, ведь формально обязанности одной стороны договора корреспондирует право, а не обязанность другой стороны, что и создает в данном случае правовую неопределенность и благоприятные условия для злоупотреблений со стороны потребителя. Отсюда, если продавца наделить правом проведения проверки качества, указанная проблема решится сама собой, поскольку такому праву будет соответствовать обязанность потребителя предоставить товар на проверку качества, что и приведет к единообразию судебной практики.

Не меньший интерес вызывают выводы Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции, изложенные в Определении N 88-17419/2020 от 25 ноября 2020 г. [8], которые в отличие от предыдущего примера полностью согласуются с позицией нижестоящих судов относительно признания поведения потребителя недобросовестным. Согласно факту дела, в приобретенном истцом автомобиле в пределах гарантийного срока неоднократно обнаруживались различные недостатки, которые устранялись в результате проведения гарантийного ремонта в совокупности сроком более 30 дней в течение каждого гарантийного срока. В данном случае, если руководствоваться положениями ст. 18 и 19 Закона о защите прав потребителей, у гражданина-потребителя возникает право на расторжение договора купли-продажи автомобиля, поскольку, во-первых, он был лишен возможности использовать товар в течение каждого года гарантийного срока в

совокупности более чем 30 дней вследствие неоднократного устранения его различных недостатков, и во-вторых, такие недостатки были обнаружены в период гарантии. Вместе с тем при рассмотрении дела было установлено, что истец, воспользовавшись своим правом на безвозмездное устранение недостатков автомобиля, после последнего ремонта в течение почти трех лет пользовался им и не предъявлял ответчику требований о расторжении договора, при этом на момент обращения в суд существенные недостатки в автомобиле отсутствовали, поэтому кассационная инстанция пришла к выводу, что исковое требование о расторжении договора купли-продажи автомобиля не отвечает принципу добросовестности. Таким образом, потребителю может быть отказано в расторжении договора купли-продажи товара, если он злоупотребил своим правом ввиду длительного затягивания с обращением к продавцу или в суд с соответствующим требованием после того, как ему стало известно о нарушенном праве.

Кроме того, в практике встречаются случаи намеренного промедления потребителя с подачей судебного иска в целях увеличения размера неустойки за неудовлетворение продавцом (изготовителем, исполнителем) его требований, предъявленных в досудебном порядке. Такое поведение также необходимо расценивать как злоупотребление правом.

На практике существуют способы злоупотребления потребителем правом.

Одним из таких является инициирование различных проверок деятельности потерпевшего со стороны контрольно-надзорных государственных органов [9].

Обычно данный способ проявления злоупотребления потребителей своими правами является эффективным инструментом давления на продавца или производителя.

Еще один предпочитаемый способ злоупотребителей – инициирование судебных споров, связанных с взысканием денежных средств [9].

Что касается имущественных требований, предъявляемых в судебном порядке, то их характерной чертой обычно является неадекватное соотношение основной суммы иска и расходов, предъявляемых к возмещению.

Например, если потребитель обращается за помощью в общественную организацию, то сумма иска может складываться из стоимости приобретенного потребителем товара, расходов на проведение экспертизы, расходов на юридические услуги, возмещения морального вреда, штраф за добровольное неисполнение требований потребителя [10].

Резюмируя вышесказанное, можно говорить о том, что у недобросовестных потребителей имеется широкий спектр способов для злоупотребления своими правами, который зачастую приводит к судебным разбирательствам. Однако сегодня, судам часто бывает затруднительно определить, где заканчивается защита прав и начинается «потребительский экстремизм».

Как известно, в самом общем плане, злоупотребление гражданским правом является умышленным правонарушением, сопряженным с выходом лица за внутренние пределы имеющегося в его распоряжении того или иного гражданского права [11].

Нарушение специального запрета на недобросовестное правоосуществление влечет определенные гражданско-правовые последствия. Не является исключением в этом плане и ст. 10 ГК РФ, непосредственно пункт 2 которой в качестве такого последствия предусматривает возможность для суда «отказать лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично».

У большинства современных ученых справедливо возникает вопрос о самой возможности применения такой санкции, как отказ лицу в защите принадлежащего ему права. Ведь согласно ч. 1 ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется право на судебную защиту [12]. Также в соответствии с частью 3 ст. 56 Конституции действие этого правила не подлежит ограничению даже в условиях чрезвычайного положения.

В соответствии с частью 2 ст. 55 Конституции в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие указанную норму, за единственным допусаемым исключением (часть 3 ст. 55 Конституции) – право на судебную защиту может быть ограничено федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности,

здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [6].

При разрешении споров отказ на основании ст. 10 ГК РФ в защите права со стороны суда допускается лишь в случаях, когда материалы дела свидетельствуют о совершении гражданином или юридическим лицом действий, которые могут быть квалифицированы как злоупотребление правом, в частности действий, имеющих своей целью причинить вред другим лицам [13]. При этом в Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [14] подчеркивается необходимость указания в мотивировочной части соответствующего судебного решения на основания квалификации действий одной из сторон как злоупотребления правом.

Согласно сложившимся в науке и законодательстве мнениям под «защитой» гражданских прав понимают предусмотренные законом юридические средства, которые используются субъектами в случае нарушения или угрозы нарушения их гражданских прав. При этом защита гражданских прав является одной из мер охраны гражданских прав, поскольку последняя охватывает собой совокупность всех мер, обеспечивающих нормальный ход реализации права.

Из п. 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 № 127 следует, что целью отказа в защите права лицу, злоупотребившему правом, является не наказание данного лица, а защита прав лица, пострадавшего в результате этого злоупотребления [15].

В гражданском праве субъективные права, следуя принципу равенства и состязательности, защищаются в арбитражно-процессуальном либо гражданско-процессуальном производстве. Поскольку в суд за защитой нарушенного права обращается активная сторона – истец – то, на первый взгляд, речь в санкции ст. 10 ГК РФ идет о защите прав, принадлежащих в судебном процессе истцу, т.е. требующей стороне [16].

В большинстве случаев ответчик в судебном разбирательстве против требований истца всегда приводит те или иные возражения. И в этих возражениях ответчик:

- а) обосновывает невозможность исполнения требований истца со ссылкой на ту или иную правовую норму, добиваясь поражения его права;
- б) обосновывает свою позицию ссылкой на нормы объективного права, которые стали источником возникновения его (ответчика) субъективных прав.

Суд, в свою очередь, оценивая доводы и доказательства сторон, взвешивает применительно к обстоятельствам дела как гражданские права и юридические обязанности истца, так и ответчика. Отдавая приоритет действию гражданских прав у одной из сторон, суд тем самым отвергает, т.е. не признает их за другой стороной [17]. В правоприменительной практике суд зачастую становится в оппозицию по отношению к потребителю, чрезмерно злоупотребляющему своими правами.

Даже когда суд не становится на позицию одной из сторон, а имеет собственный взгляд и юридическое обоснование имеющихся правоотношений, в конечном итоге он решает спор по существу, удовлетворяя либо отвергая иск. Делая такой выбор, суд неизбежно чьи-то права защищает, а чьим-то правам отказывает в защите.

Отсюда, происходят следующие логические заключения относительно санкции ст. 10 ГК РФ применительно, в том числе, к потребительским отношениям:

1. отказ в защите – это материально-процессуальный акт (решение) суда как органа государственной власти. По своей сути отказ в защите – это юридическое системное средство лица на охрану своего того или иного субъективного гражданского права от посягательств на него с помощью формализма норм самого гражданского права [18];
2. управомоченным лицом в смысле ст. 10 ГК, которому суд отказывает в защите его прав на стадии судебного разбирательства, может быть равно как истец, так и ответчик [19];

3. отказ в защите права означает отрицание, непризнание судом того субъективного гражданского права (а равно обязанности), на которое в своих доводах опирается управомоченное лицо (истец либо ответчик).

Право на защиту, как известно, является важным элементом в содержании любого субъективного гражданского права. При нестандартном, ненормальном, нежелательном развитии правоотношений по воле одной из сторон в действие вступает охранное правомочие – «право на иск», выраженное в конкретных способах защиты, в основном перечисленных в статье 12 ГК РФ [20].

Однако анализируемая санкция – отказ в защите права – не относится ни к одному из способов защиты, предусмотренных ст. 12 ГК РФ.

Соответственно указанной специфике гражданско-правовые последствия «злоупотребительных» действий не есть возмещение причиненного вреда или взыскание неустойки, а лишь «поражение» права самого нарушителя – отказ в его защите. Все иные меры защиты применяются в основном из самого факта причинения вреда, например, факта неосновательного обогащения (кондикция), нарушения исполнения обязательства и т.п. [16]

Резюмируя вышеизложенное, и исходя из смысла ст. 10 ГК РФ, можно дать единое определение такой санкции, как отказ в защите права. Итак, данное понятие можно сформулировать следующим образом: отказ в защите права – это гражданско-правовое защитное средство, включающее в себя судебное ограничение охранного элемента субъективного гражданского права с целью пресечения злоупотребительного (недобросовестного) поведения.

Библиографический список

1. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Нилов, И.Л. Возникновение потребительского экстремизма // Евразийская адвокатура. – 2018. – №5 (36).

3. Богдан, В.В. К вопросу о понимании гражданских правоотношений с участием потребителей // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – №2 (41).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 63-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
5. Шагалиева, В.А. Закон «О защите прав потребителей»: проблемы неверного толкования и злоупотребления. Потребительский экстремизм // Science Time. – 2015. – №1(3).
6. Плетан, К.В. О некоторых злоупотреблениях правами потребителя // Экономика. Право. Менеджмент. Сборник трудов молодых исследователей БГУ. – 2014. – № 1.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским дела Верховного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. N 8-КГ21-1-К2 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 ноября 2020 г. N 88-17419/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Лушникова, В.А. Злоупотребление гражданским правом [Электронный ресурс]. URL <https://moluch.ru/archive/116/31616/> (дата обращения: 15.05.2023).
10. Русинова, К.М. Противодействие потребительскому экстремизму. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruzpp.ru/o-uriste/10-stati/128-protivodejstvie-potrebitelskomu-ekstremizmu> (дата обращения 16.05.2023).
11. Маликов, Е.Ю. Правовая природа злоупотреблений субъективным гражданским правом: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2020 – N 31 – ст. 4398.

13. Васько, Ю.Л. Проблема потребительского экстремизма в современном обществе // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. – 2014. – №8.
14. Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 9.
15. Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 2.
16. Малиновский, А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование); 2-е, перераб. М., 2014.
17. Нилов, М.Л. Потребительский экстремизм как одна из новых форм злоупотребления гражданскими правами. // Экономика, социология и право. – 2017. – №3.
18. Волков, А.В. Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики. – М.: Волтерс Клувер, 2009.
19. Попов, К.О. Потребительский экстремизм как разновидность злоупотребления правом. // Проблемы формирования правового социального государства в современной России. – 2016.
20. Мальсагова, Л.Р. Потребительский экстремизм. // Вестник барнаульского юридического института МВД России. – 2014. – № 1 (26).

Сведения об авторах: **Деуля Снежанна Федоровна**, студентка юридического института Алтайского государственного университета, snezhanna.deulya@yandex.ru, +7(962)818-83-20

Филиппова Татьяна Аркадьевна, кандидат юридических наук, профессор кафедры, заведующий кафедрой гражданского права юридического института Алтайского государственного университета, philippovata@mail.ru, +7(903)990-58-77

Знобина Анна Юрьевна, магистрант кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

Холоденко Юрий Витальевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ БАНКРОТСТВА СУБЪЕКТОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ

Дана характеристика понятия «субъекты естественных монополий», выделены основания для возбуждения дела о банкротстве субъектов естественных монополий и представлен особый участник дела о банкротстве, обозначена специфика рассмотрения дела о банкротстве субъектов естественных монополий, отмечена особенность привлечения руководителя субъекта естественной монополии к субсидиарной ответственности.

Ключевые слова: субъект естественной монополии, банкротство, уполномоченный орган, конкурсный кредитор, субсидиарная ответственность

Отрасли, относящиеся к естественным монополиям, являются неотъемлемым элементом российской экономики, они формируют значительную долю общей капитализации российских компаний и вносят серьезный вклад в формирование бюджета страны.

Субъекты естественных монополий функционируют в тех сферах рынка, где отсутствует конкуренция, поэтому можно сказать, что они являются незаменимыми в части производства и реализации особой категории товаров, работ и услуг. Именно по этой причине в нашей стране организован специальный механизм регулирования отношений несостоятельности (банкротства) субъектов естественных монополий, исследование которого представляет интерес – детальный анализ и правильное понимание процедуры банкротства таких должников обеспечит надлежащую экономическую защиту

не только кредиторов, как предполагается в случае организации «классической» процедуры несостоятельности, но и самого должника, а также общества в целом.

Как верно отметил в одной из научных работ В.В. Витрянский, «применение к субъектам естественных монополий общей мерки банкротства, как и к другим участникам имущественного оборота, в том числе в части критериев и признаков банкротства, может привести к катастрофическим последствиям в целом для российской экономики» [1].

Стоит заметить, что ранее до 01.07.2009 на территории Российской Федерации действовал ФЗ от 24.06.1999 № 122-ФЗ «Об особенностях несостоятельности (банкротства) субъектов естественных монополий топливно-энергетического комплекса» (утратил силу). В настоящий период времени соответствующие отношения подлежат регулированию параграфом 6 главы IX ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

При этом ст. 168 Закона о банкротстве закрепляет, что к отношениям, связанным с банкротством субъектов естественных монополий, применяются положения настоящего Федерального закона, регулирующие банкротство должников – юридических лиц, если иное не предусмотрено настоящей главой.

Понятие субъектов естественных монополий

Считаем верным до перехода к исследованию содержания представленных положений в части реализации процедуры банкротства заявленной категории должников обратить внимание непосредственно на понятие субъектов естественных монополий.

Согласно п. 1 ст. 197 Закона о банкротстве под субъектом естественной монополии понимается организация, осуществляющая производство и (или) реализацию товаров (работ, услуг) в условиях естественной монополии.

Естественная монополия – состояние товарного рынка, при котором удовлетворение спроса на этом рынке эффективнее в отсутствие конкуренции в силу технологических особенностей производства (в связи с существенным понижением издержек производства на единицу товара по мере увеличения

объема производства), а товары, производимые субъектами естественной монополии, не могут быть заменены в потреблении другими товарами, в связи с чем спрос на данном товарном рынке на товары, производимые субъектами естественных монополий, в меньшей степени зависит от изменения цены на этот товар, чем спрос на другие виды товаров (ст. 3 ФЗ от 17.08.1995 № 147-«О естественных монополиях» (далее – Закон о естественных монополиях)).

Сферами деятельности субъектов естественной монополии являются: транспортировка нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам; транспортировка газа по трубопроводам; железнодорожные перевозки; услуги в транспортных терминалах, портах и аэропортах; услуги общедоступной электросвязи и общедоступной почтовой связи; услуги по передаче электрической энергии и другие.

Данный перечень сфер естественных монополий обозначен в ст. 4 Закона о естественных монополиях и носит исчерпывающий характер, а хозяйствующие субъекты, осуществляющие деятельность в указанных сферах, включаются в соответствующие реестры. Однако, наличие или отсутствие должника в реестре субъектов естественных монополий не имеет определяющего значения, на что имеется указание в правоприменительной практике Верховного Суда РФ: «исходя из положений Закона № 147-ФЗ, основополагающим признаком субъекта естественной монополии следует считать осуществление данным субъектом деятельности в условиях естественной монополии в сферах, установленных данным Законом, а не факт его включения в реестр естественных монополий, который формируется на основании информации, полученной от различных органов и организаций, а также на основании заявлений самих организаций, осуществляющих указанную деятельность» [7]. Помимо этого, Верховный Суд РФ приходил к выводу, что «по смыслу Закона № 147-ФЗ, невключение организации в реестр субъектов естественных монополий не свидетельствует об отсутствии у нее статуса субъекта естественных монополий с учетом осуществляемой ею деятельности» [8]. Высший Арбитражный Суд РФ поддерживал указанную позицию

применительно к процедуре банкротства субъектов естественных монополий [6].

Верховный Суд РФ при рассмотрении вопроса об отнесении хозяйствующего субъекта к субъектам естественной монополии принимал во внимание фактическое осуществление деятельности, относящейся к сферам естественной монополии, наличие имущества, необходимого для осуществления такой деятельности, наличие иных хозяйствующих субъектов, которые могут оказать деятельность, относящуюся к сферам естественной монополии. Нижестоящие же суды в большинстве своем проводят лишь терминологические связи между тем, что фактически осуществляет хозяйствующий субъект, и тем, что приводится в перечне сфер естественных монополий, без проведения экономического анализа. Такой формализованный подход нельзя оценить позитивно [10].

Основания для возбуждения дела о банкротстве и его особый участник

При инициировании банкротства субъектов естественных монополий необходимо учитывать особые внешние признаки банкротства и основания для возбуждения дела о банкротстве, закрепленные законодателем в ст. 197 Закона о банкротстве.

Относительно срока неисполнения обязательств и минимального размера задолженности – условий, имеющих и в общей концепции положений Закона о банкротстве, важно обратить внимание на повышенные пороговые значения. Так, содержание нормы гласит, что субъект естественной монополии считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение шести месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены, и требования кредиторов в совокупности составляют не менее чем один миллион рублей. Нестандартные императивные требования к состоянию организации: требования кредиторов

должны быть подтверждены исполнительным документом и не удовлетворены в полном объеме путем обращения взыскания на следующее имущество должника:

- в первую очередь – на движимое имущество, непосредственно не участвующее в производстве товаров, выполнении работ или оказании услуг, в том числе на ценные бумаги (за исключением ценных бумаг, составляющих инвестиционные резервы инвестиционного фонда), предметы дизайна офисов, готовую продукцию (товары), драгоценные металлы и драгоценные камни, изделия из них, а также лом таких изделий;
- во вторую очередь – на имущественные права, непосредственно не используемые в производстве товаров, выполнении работ или оказании услуг;
- в третью очередь – на недвижимое имущество, непосредственно не участвующее в производстве товаров, выполнении работ или оказании услуг.

Последние два критерия представляют серьезную проблему для кредиторов, и довольно часто способны вовсе лишить его возможности обратиться с заявлением о возбуждении процедуры банкротства в отношении должника – суды придерживаются позиции, при которой взыскателем должна быть исчерпана возможность удовлетворения своих требований путем обращения взыскания на имущество, в противном случае требуется предоставление достаточных доказательств того, что должник в принципе не обладает достаточным имуществом и реализация судебным приставом-исполнителем не задействованных в производстве имущества и прав должника не позволит удовлетворить требования кредитора [4]. В таком случае интересно обратить внимание на распределение бремени доказывания: если кредитором представлены доказательства, свидетельствующие о недостаточности имущества у должника-монополиста, последнему нужно будет их предметно опровергнуть, и простой ссылки на непринятие кредитором мер по обращению на него взыскания в ходе исполнительного производства уже будет недостаточно [3].

Еще одна характерная черта в деле о банкротстве субъекта естественной монополии – участие федерального органа исполнительной власти, уполномоченного Правительством Российской Федерации проводить государственную политику в отношении соответствующего субъекта естественной монополии. При этом, необходимость участия отмеченного органа предусматривается исключительно в период конкурсного производства при продаже непосредственно используемого для производства и (или) реализации товаров (работ, услуг) в условиях естественной монополии имущества должника путем проведения конкурса (п. 2 ст. 201 Закона о банкротстве).

Рассмотрение дела о банкротстве

При реализации процедур банкротства субъектов естественных монополий также имеет место определенная специфика, которая выражается в применении положений процессуального законодательства, касающихся оснований приостановления производства по делу, а также в осуществлении внешнего управления и порядке продажи имущества должника.

В силу ч. 2 ст. 143 АПК РФ арбитражный суд обязан приостанавливать производство по делу в предусмотренных федеральным законом случаях – отсылка имеется в том числе на положения ст. 199 Закона о банкротстве, которая закрепляет, что в случае, если должником - субъектом естественной монополии до принятия арбитражным судом заявления о признании банкротом подано исковое заявление в суд о признании недействительными актов органов государственной власти об утверждении цен (тарифов) на товары (работы, услуги), производимые и (или) реализуемые в условиях естественной монополии, производство по делу о банкротстве такого должника приостанавливается до вступления в законную силу решения по делу о признании недействительными соответствующих актов органов государственной власти. Арбитражный суд может принять решение об отказе в признании должника – субъекта естественной монополии банкротом в случае, если признаны недействительными соответствующие акты государственной

власти в части утверждения цен (тарифов) на товары (работы, услуги), производимые и (или) реализуемые в условиях естественной монополии.

Объясняется существование таких условий тем, что в действительности финансово-хозяйственное состояние субъектов естественных монополий находится в большой зависимости от цен (тарифов), установленных уполномоченным органом – необоснованные, заниженные размеры стоимости товаров (работ, услуг) способны повлечь за собой несостоятельность компании.

Процедура внешнего управления, поручаемая внешнему управляющему, предполагает в первую очередь направленность на восстановление платежеспособности должника, иными словами, это трудоемкий реабилитационный механизм, включающий различные средства правового регулирования, которые в стандартной ситуации выражаются в смене профиля, закрытии нерентабельных производств, замещении активов, продаже имущества должника. Такие меры применимы и в рассматриваемой ситуации банкротства субъектов естественных монополий, но за некоторыми исключениями (ст. 200 Закона о банкротстве), обусловленными необходимостью обеспечения бесперебойного снабжения (обеспечения) определенной группы потребителей товарами (работами, услугами), производимыми субъектом естественной монополии. А именно, внешний управляющий не вправе отказаться от исполнения договоров должника перед потребителями, в отношении которых в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами не допускается прекращение обязательств со стороны субъектов соответствующих естественных монополий. Первостепенное значение в данной части имеют потребители, выполняющие функции обеспечения безопасности государства, стратегические предприятия и организации, организации, финансируемые за счет средств федерального бюджета (государственные образовательные, медицинские учреждения, учреждения культуры и пр.).

Кроме того, внешний управляющий не вправе отчуждать имущество должника, представляющее собой единый технологический комплекс субъекта

естественной монополии. К указанному имуществу относится недвижимое и иное имущество, непосредственно используемое для производства и (или) реализации товаров (работ, услуг) в условиях естественной монополии, и запасы расходуемого сырья и материалов, которые используются для исполнения договоров, связанных с деятельностью должника в качестве субъекта естественной монополии.

Помимо изложенного выше, законодателем устанавливается специальный правовой режим имущества должника, непосредственно используемого для производства и (или) реализации товаров (работ, услуг) в условиях естественной монополии:

- имущество должника, непосредственно используемое для производства и (или) реализации товаров (работ, услуг) в условиях естественной монополии, выставляется на торги единым лотом;
- обязательными условиями договора купли-продажи имущества должника субъекта естественной монополии, непосредственно используемого для производства и (или) реализации товаров (работ, услуг) в условиях естественной монополии, являются: а) согласие покупателя принять на себя обязательства должника по договорам поставки товаров, являющимся предметом регулирования законодательства о естественных монополиях; б) принятие на себя покупателем обязательств по обеспечению доступности производимого и (или) реализуемого товара (работ, услуг) для потребителей; в) наличие лицензии на осуществление соответствующего вида деятельности, если деятельность должника подлежит лицензированию. По сути, речь идет о существенных условиях договора купли-продажи имущества;
- помимо договора купли-продажи имущества должника, федеральный орган исполнительной власти в сфере естественных монополий заключает с покупателем соглашение об исполнении условий конкурса [2, с. 303];
- в случае неисполнения покупателем условий, перечисленных ранее, договор расторгается арбитражным судом по заявлению федерального органа исполнительной власти на основании ст. 450 ГК РФ, покупателю за счет

федерального бюджета возмещаются средства, потраченные на покупку имущества должника, а также вложенные в него инвестиции. Имущество должника подлежит передаче в федеральную собственность;

- в связи с социальной и экономической значимостью деятельности субъектов естественных монополий уполномоченные органы, действующие от имени РФ, субъекта РФ и муниципального образования, во-первых, имеют право приостанавливать реализацию имущества в ходе внешнего управления на срок до трех месяцев для выработки предложений по восстановлению платежеспособности субъекта естественной монополии, во-вторых, при продаже такого имущества РФ, субъекты РФ и муниципальные образования имеют право его преимущественного приобретения.

Представленный режим объясняется нацеленностью законодателя на защиту публичных интересов, имеющих приоритет над интересами конкурсных кредиторов свободно распоряжаться имуществом несостоятельного должника [9].

Субсидиарная ответственность руководителя

Специфические характеристики должника, описанные в настоящей работе, влияют также на возможность привлечения его руководителя к субсидиарной ответственности по правилам ст. 61.12 Закона о банкротстве, если он не исполнил обязанность по подаче в суд заявления должника о собственном банкротстве в месячный срок, установленный п. 2 ст. 9 Закона о банкротстве. При рассмотрении такого рода заявлений судом производится учет особого режима деятельности субъектов естественных монополий и того, что финансовые трудности в определенный период могут быть вызваны преодолимыми временными осложнениями, которые не могут рассматриваться в качестве безусловного доказательства возникновения необходимости обращения руководителя с заявлением о банкротстве.

Конкретным примером может служить постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.02.2020 № 13АП-67/2020 по делу № А26-7085/2015, в котором суд обозначил следующее: «особенности вида

деятельности должника свидетельствуют об ограниченных возможностях должника в плане регулирования доходной и расходной составляющей деятельности как теплоснабжающей организации. Принимая во внимание факт принадлежности должника к субъектам естественных монополий, оказывающих услуги по теплоснабжению, суд верно посчитал необоснованным заявление представителя ООО «Биотэк» о необходимости должнику в середине отопительного периода делать выводы о невозможности рассчитываться по своим обязательствам и, как следствие, о прекращении оказания соответствующих услуг. Кроме того, как верно отметил суд первой инстанции, установление экономически необоснованного тарифа при наличии законодательно предусмотренного механизма оспаривания принятого решения не является основанием для принятия решения о прекращении производственной деятельности» [5].

Таким образом, инициирование и реализация процедуры банкротства субъектов естественных монополий невозможны без соблюдения законодательно определенных особенностей, обусловленных существенной социально-экономической значимостью таких организаций, которые с одной стороны способствуют сохранению спокойствия общества и государства, но с другой приводят к созданию ситуаций длительного накопления задолженностей должниками со «специальным» статусом и проблематичностью для кредиторов прибегнуть к осуществлению своих прав на взыскание долга.

Библиографический список

1. Витрянский, В.В. Особенности банкротства отдельных категорий должников / В.В. Витрянский // Вестник ВАС РФ. - 1999. - № 8.
2. Габов А.В. Ликвидация юридических лиц. История развития института в российском праве, современные проблемы и перспективы// М.: Статут. 2011. 303 с.
3. Дрозд В.М. Банкротство субъектов естественных монополий: можно ли ввести процедуру, не обратив взыскание на имущество в исполнительном

производстве?// Сайт Zakon.ru [Электронный ресурс] – Электр.дан. – Заглавие с экрана. URL:

https://zakon.ru/blog/2020/11/18/bankrotstvo_subektov_estestvennyh_monopolij_mozhno_li_vvesti_proceduru_ne_obrativ_vzyskanie_na_imusc

4. Карелина С.А. Институт несостоятельности (банкротства) как правовое средство обеспечения экономической деятельности субъектов естественных монополий//Вестник института экономических исследований. 2020. № 1(17).

5. Лотфуллин Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве// Сайт spblaw.ru [Электронный ресурс] – Электр.дан. – Заглавие с экрана. URL:

https://sbplaw.ru/media/documents/Lotfullin_SBP2021_Subsiary_Liability_Book.pdf

6. Определение ВАС РФ от 3 февраля 2012 г. по делу № А59-5076/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Верховного Суда РФ от 23 ноября 2017 г. по делу № А41-40556/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Определение Верховного Суда РФ от 27 октября 2017 г. по делу № А41-40556/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 4104/11// СПС «КонсультантПлюс».

10. Тюленев И.В. Введение государственного регулирования деятельности субъектов естественных монополий: проблемы и предложения // Юрист. – 2018. – № 9. С. 51 - 57.

Сведения об авторах: **Знобина Анна Юрьевна**, магистрант кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, znobina.98@mail.ru, 8-929-399-40-94

Холоденко Юрий Витальевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, holodenko@de-kons.ru, 8-903-910-13-33.

Иванова Ольга Владимировна, магистрант кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

Блинова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

ПОНЯТИЕ ИСТОЧНИКА ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ДОКТРИНЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

В настоящей статье рассмотрены теоретические и практические вопросы определения сущности и видов источника повышенной опасности в современном российском праве. Установлено, что перечень видов деятельности, создающих повышенную опасность для окружающих не исчерпывающий, потому важно слово судебной практики. Существенным признаком названной деятельности выступает полная или частичная неподконтрольность человеку.

Ключевые слова: источник повышенной опасности, вред, возмещение вреда, причинитель вреда

Современные реалии таковы, что нас окружает огромное множество источников повышенной опасности, которые так или иначе могут угрожать жизни, здоровью и имуществу граждан. И при возникновении таких ситуаций необходимо четко понимать сущность источника повышенной опасности для определения характера обязательств по возмещению вреда, причиненного источником повышенной опасности. И если в вопросе к обязательному возмещению вреда в законодательстве нет существенных изменений, так, данная обязанность была закреплена в статье 404 ГК РСФСР 1922 года и с тех изменялась незначительно, то само понимание источника повышенной опасности до сих пор не имеет четкого определения.

Дискуссии вокруг понятия «источник повышенной опасности» (ныне: деятельность, создающая повышенную опасность – ст. 1079 ГК РФ [1]) не прекращаются с момента введения его в правовой обиход, хотя, вроде бы, законодательно определено существом такого понятия. Однако в законе перечень источников повышенной опасности не является закрытым.

В стремительно развивающемся мире постоянно появляются новые объекты, которые пока не получили какого-либо статуса в российском гражданском законодательстве. Например, беспилотные транспортные средства или объекты, оснащенные системами искусственного интеллекта. Зачастую такие объекты являются полностью или частично независимыми от управления человеком и могут создавать повышенную опасность для жизни и здоровья граждан, государственных объектов, транспортной и энергетической инфраструктуры. Также все больше и больше появляется новых типов транспортных средств, особенно средств индивидуальной мобильности, статус которых тоже необходимо закреплять в законодательстве. Или: работа ученых со штаммами опасных болезней, например, COVID-2019, сибирская язва, бубонная чума и пр. Соответственно, необходимо иметь четкое определение и признаки источника повышенной опасности.

В теории гражданского права нет единства мнений по поводу сущности источника повышенной опасности. В российской доктрине существует несколько теорий: теория объекта, теория деятельности и теория движущихся вещей.

Согласно теории объекта источником повышенной опасности являются предметы материального мира, опасные свойства которых человек не может полностью контролировать. Опасный объект опасен сам по себе, независимо от того, использует его человек, подвергая опасности себя и окружающих, так как не имеет полного контроля над данным предметом или нет. Первичными являются признаки предмета, а не процесс его эксплуатации. Однако сторонники теории объекта не отвергают и значимость использования предметов и считают, что опасные объекты неразрывно связаны с

деятельностью человека, использующего этот объект [2; 3, с. 280-283; 4, с. 290-316; 5, с. 132-133].

Суть теории деятельности заключается в прямой связи опасного объекта и его использования. Сам по себе объект не приносит вреда, пока он не будет задействован, например, автомобиль становится опасным только тогда, когда им управляет человек. Предмет приобретает опасные свойства непосредственно в процессе его эксплуатации, и при этом не имеет значения, в какой сфере деятельности он используется и его назначение [6, с. 396]. Из этой теории можно понять, что источником повышенной опасности является непосредственно опасная деятельность человека, что несколько сужает это понятие. Действие источника повышенной опасности или деятельность человека, использующего источник повышенной опасности, эти два понятия не разграничиваются в теории деятельности, что приводит к их подмене.

Следует отметить, что сторонники теории объектов и теории деятельности не взаимоисключают понятий опасных объектов в этих теориях. И при рассмотрении обеих теорий во взаимосвязи возможно получить наиболее полное понятие сущности источника повышенной опасности [2].

Теория движущихся вещей подразумевает, что источником повышенной опасности предметы становятся исключительно в процессе их использования, непосредственно осуществляющие движение. Такими объектами становятся механизмы, машины, другие сложные предметы, использующие двигатели [7, с. 48-52]. Данная теория существенно сужает понятие источника повышенной опасности, поскольку не включает в себя такие опасные объекты, как, например, взрывчатые или пожароопасные вещества, которые могут детонировать или самовоспламениться при нарушении правил хранения. Из-за этого теория неоднократно подвергалась критике. Таким образом, можно промежуточно заключить, что сторонники этих теорий по-разному видят понятие сущности источника повышенной опасности и такие расхождения могут находить отражения в судебной практике.

В пункте 1 статьи 1079 ГК РФ обязанность возмещать вред, причиненный источником повышенной опасности, возложена на владельца данного источника [1]. Причинителем вреда, по всей видимости, является владелец источника повышенной опасности, тогда логично решить, что таким источником является какой-то материальный предмет или объект. Однако в первом абзаце той же статьи ГК РФ говорится, что возмещать вред обязаны юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих. Исходя из этого становится понятно, что вред, считается причиненным источником повышенной опасности в результате действия или проявления вредоносных свойств опасного объекта, и соответственно, современный отечественный законодатель придерживается теории деятельности. Вместе с тем немалую лепту в толкование статьи 1079 ГК РФ вносит судебная практика, потому видится важным остановиться на некоторых примерах [8].

Принимая во внимание особые свойства предметов, веществ или иных объектов, используемых в процессе деятельности, суды могут признавать таковой иную деятельность, не указанную в п. 1 ст. 1079 ГК РФ. К такому решению пришел Оренбургский областной суд в Определении от 12.01.2016 года по делу № 33-75/2016, признав парашютно-буксировочную систему средством повышенной опасности [9]. В Постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.01.2019 года № АП-21310/2018 по делу № А53-21367/2018 источником повышенной опасности признан лифт [10]. Или в Апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 21.05.2019 года № 33-5515/2019 по делу № 2-57/2018 признан источником повышенной опасности волновой бассейн в аквапарке [11].

Помимо технических объектов и механизмов источником повышенной опасности могут являться и животные. Апелляционным определением от 05.10.2016 № 33-7630/2016 Саратовский областной суд согласился с решением Пугачевского районного суда Саратовской области от 03.08.2016 года и признал свинью опасной, обязав владельца животного возместить моральный и

физический вред потерпевшему, которого укусила эта свинья. По мнению суда, причиной вредоносности и бесконтрольности действий животного, явилось непринятие владельцем необходимых мер, обеспечивающих безопасное для окружающих содержание принадлежащей ему свиньи [12].

А вот, например, в кассационном определении суда Еврейской автономной области от 04.03.2011 года № 33-83/2011 судебная коллегия пришла к выводу, что незакрепленная металлическая конструкция для сушки ковров и белья не является источником повышенной опасности, поскольку ее безопасность является прямым следствием контроля человека [13].

Итак, очевидно, что источником повышенной опасности можно признать средства, механизмы, явления, вещества, использование, которых непосредственно может нанести вред жизни и здоровью, неподдающееся полному контролю человека.

Как уже говорилось ранее, четкое определение источника повышенной опасности крайне необходимо при установлении степени вины и объема ответственности владельца источника повышенной опасности. Так, в решении Бикинского городского суда Хабаровского края от 05.01.2020 года при определении степени вины в ДТП водителя транспортного средства и собственника домашнего животного, суд пришел к выводу, что вина обоюдна и степень вины 30% и 70% соответственно. Суды апелляционной и кассационной инстанции не обнаружили в решении нарушений норм права. Однако Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.08.2021 года № 58-КГ21-8-К9 дело было направлено на новое рассмотрение, так как суды предыдущих инстанций не учли, что автомобиль является средством повышенной опасности (хотя он и упоминается в перечне источников повышенной опасности), и поэтому неверно определили степень вины его владельца [14].

В определении Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 25.08.2020 года № 88-6129/2020, № 2-105/2020, суд согласился с апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Амурского областного

суда от 03.06.2020 года, что владелец автомобиля как источника повышенной опасности должен возместить ущерб, причиненный другому владельцу автомобилю. Автомобиль истца был поврежден металлическим предметом, вылетевшим из-под колес автомобиля ответчика, и при этом данный металлический предмет не был частью этого автомобиля. Но Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в определении от 10.08.2021 года № 59-КГ21-2-К9 пришла к выводу, что ответчик не нарушал правил эксплуатации транспортного средства, не проявлял неосмотрительности или небрежности, поэтому нельзя возлагать на него полное возмещение ущерба [15].

Данное решение показывает, что само по себе владение и использование источника повышенной опасности не является априори признанием вины его владельца при возникновении ущерба другим лицам. Получается, что при соблюдении всех условий техники безопасности, правил использования, не проявляя неосмотрительности и небрежности, владелец источника повышенной опасности может быть освобожден от ответственности за причиненный вред.

Следовательно, принимая во внимание имеющиеся теоретические труды, действующее российское гражданское законодательство и судебную практику в исследуемом вопросе можно сформулировать следующее определение источника повышенной опасности. К источникам повышенной опасности можно отнести отдельные технические объекты, опасные вещества, различные виды энергии, определенные виды животных, которые при определенных условиях могут причинить вред жизни и здоровью окружающих людей, а также определенные виды деятельности, связанные с использованием этих объектов. Данные объекты либо деятельность становятся опасными в силу невозможности их полного контроля человеком.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

2. Соломин С.К. Институт возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности: некоторые аспекты правотворческого и правоприменительного характера // СПС Консультант плюс.
3. Богатых Е.А. Гражданское и торговое право: учебное пособие. – М.: Юристъ, 2004.
4. Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности // Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2023.
5. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и обязательства из неосновательного обогащения. – М.: Госюриздат, 1951.
6. Советское гражданское право: учебник / под ред. В.Г. Вердникова. – М.: ВЮЗИ, 1988.
7. Майданик Л.А., Сергеева Н.Ю. Материальная ответственность за повреждение здоровья. – М.: Госюриздат, 1962.
8. О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 3.
9. Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 12.01.2016 по делу № 33-75/2016 // СПС Консультант плюс.
10. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.01.2019 № АП-21310/2018 по делу № А53-21367/2018 // СПС Консультант плюс.
11. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 21.05.2019 № 33-5515/2019 по делу № 2-57/2018 // СПС Консультант плюс.
12. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 05.10.2016 № 33-7630/2016 // СПС Консультант плюс.
13. Кассационное определение суда Еврейской автономной области от 04.03.2011 № 33-83/2011 // СПС Консультант плюс.

14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.08.2021 № 58-КГ21-8-К9 // СПС Консультант плюс.

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.08.2021 № 59-КГ21-2-К9 // СПС Консультант плюс.

Сведения об авторах: **Иванова Ольга Владимировна**, магистрант кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета. E-mail: mrs.ivanova.olga@mail.ru, телефон: 8-923-719-7097

Блинова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета. E-mail: jblinova@yandex.ru, телефон: 8-909-503-5917

Иванто Анна Сергеевна, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Кирюшина Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ КРЕДИТОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

В статье анализируются ряд актуальных вопросов, связанных с потребительским кредитованием граждан в условиях антироссийских экономических санкций. Исследуется возможность одностороннего изменения процентной ставки по кредиту, возможность изменения или расторжения договора по основаниям ст. 451 ГК РФ, вопросы введения «кредитных каникул».

Ключевые слова: потребительское кредитование, антироссийские экономические санкции, кредитные каникулы, существенное изменение обстоятельств

Введенные в феврале 2022 года антироссийские экономические санкции и ограничения существенно повлияли на банковскую систему Российской Федерации, затронув потребительское кредитование граждан. Резкое повышение Центробанком ключевой ставки привело к росту стоимости потребительского кредита, что на практике привело к ряду вопросов, требующих ответа. Дело в том, что российские банки привлекают финансирование для выдачи кредитов у Центрального Банка России, стоимость которого определяется ключевой ставкой Банка России. Один из наиболее острых вопросов: могут ли банки в одностороннем порядке изменять процентные ставки по уже выданным потребительским кредитам ввиду существенного повышения процентных ставок?

В статье 29 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» содержится запрет на одностороннее изменение процентных ставок по уже заключенному договору. Однако из данного правила есть исключения: такая возможность существует, если по обоюдному согласию с заемщиком это условие включено в кредитный договор (абз. 2 ст. 29 Закона) [1]. На практике потребительские кредитные договоры с возможностью изменения процентной ставки по инициативе банка, - редкость, однако имеются договоры, где указана «плавающая» процентная ставка «привязанная» к курсу доллара или ключевой ставке Центрально банка. В таком случае изменение одного из указанных показателей может вести к изменению и ставки по кредитному договору. При этом у заемщика сохраняется право в судебном порядке доказать, что такое повышение противоречит принципам разумности и добросовестности. А соблюден ли баланс интересов между заемщиком и кредитором — решит суд. Другой вопрос: могут ли банки в одностороннем порядке менять процентную ставку по уже заключенному кредитному договору, ссылаясь на статью 451 ГК РФ [2] ввиду существенных изменений обстоятельств? И может ли финансовый кризис, экономические санкции отнесены к таковым?

Как известно, для того, чтобы изменить процентную ставку в одностороннем порядке по основаниям ст. 451 ГК РФ банку необходимо доказать одновременное соблюдение 4-х условий, которые указаны в п.2 ст. 451 ГК РФ. А именно: 1) в момент заключения договора стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет; 2) изменение обстоятельств вызвано причинами, которые заинтересованная сторона не могла преодолеть после их возникновения при той степени заботливости и осмотрительности, какая от нее требовалась по характеру договора и условиям оборота; 3) исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора; 4) из обычаев или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона.

Сформировавшаяся с 2014 года судебная практика свидетельствует об отрицательном отношении судов к признанию экономических санкций, повышения курса валют и других подобных обстоятельств, категориями, которые привели бы к применению статьи 451 ГК РФ, отказывая банкам в удовлетворении таких исков.

Так суды отказывали в удовлетворении требований об изменении или расторжении договора, указывая, что введение внешнеэкономических санкций, повлекших рост ключевой ставки Банка России, сокращение рынка заимствований, уменьшение чистой прибыли, не могут быть признаны существенными и образующими необходимую совокупность условий для досрочного расторжения договора по основаниям ст. 451 ГК РФ [3]. По другому делу суд указал, что рост курса доллара США по отношению к рублю, финансовый кризис, ухудшение показателей российской экономики, экономические санкции, введенные против РФ отдельными странами, отказ Банка России от регулирования курса рубля РФ по отношению к иностранным валютам не могут служить основанием для изменения кредитного договора в

судебном порядке на основании ст. 451 ГК РФ. Поскольку финансовый кризис распространяется на всех хозяйствующих субъектов, которые вступают в договорные отношения, кризисные явления в экономике страны безотносительно к иным обстоятельствам не могут служить основанием для изменения договора [4].

Для защиты граждан в сфере потребительских кредитов государством были введены так называемые «кредитные каникулы». Закон о кредитных каникулах 2022 года [5] предполагает получение полной отсрочки от выплат по кредиту. Кредитные каникулы, которые граждане России, а также субъекты малого и среднего предпринимательства могут получить в 2022 году, предоставляются на срок до полугода. Их можно получить по всем видам кредитов и займов, выданным до 1 марта 2022 года. Если у заемщика несколько кредитов, по закону о кредитных каникулах, как разъясняет ЦБ, можно запросить отсрочку по каждому из них, но лишь один раз.

Кто может подать заявку на предоставление потребительского кредита? Ключевое требование, дающее повод для предоставления отсрочки, — снижение уровня дохода заявителя. Если сокращение составляет 30% и более, если кредит соответствует указанным в законе требованиям, каникулы будут предоставлены. Для граждан возможность взять каникулы распространяется на кредиты и займы, размер которых не превышает установленного правительством лимита. Сейчас для потребительских кредитов он составляет 250 000 рублей.

Будет ли испорчена кредитная история в связи с получением кредитных каникул? «Кредитные каникулы, предоставленные в 2022 году, будут зафиксированы в кредитной истории, но не испортят ее», - отмечает Банк России [6].

С 11 апреля 2022 года ключевая ставка Банка России была дважды снижена сначала до 17%, позже до 14%, что привело и к снижению стоимости потребительских кредитов. В связи с чем, возникает вопрос: «Может ли потребитель обратиться в банк для снижения ставки?» Банки, защищая свои

интересы стали включать в договор “плавающие” процентные ставки. Что значительно затрудняет положение потребителей.

Как на это отреагирует судебная система, является ли это нарушением статьи 16 Закона РФ «О защите прав потребителей» [7], запрещающей включать в договор с потребителем условия, ухудшающие его правовое положение? Ответ на эти вопросы покажет время и анализ складывающейся судебной практики.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 02 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 6. - ст. 492.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - ст. 3301.
3. Определение Верховного Суда РФ от 23.05.2017 N 301-ЭС16-18586 по делу № А39-5782/2015. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/G5oLHaTJdoN4/>.
4. Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 14.08.2018 N 09АП-26403/18 / // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW.
5. Федеральный закон от 03.04.2020 № 106-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа". URL:<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004030061> (дата обращения 08.05.2022).
6. Центральный Банк Российской Федерации [Электронный ресурс] — URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 08.05.2022).
7. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300–1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — N 3. — Ст. 140.

Сведения об авторах: **Иванто Анна Сергеевна**, студент Юридического института Алтайского государственного университета, annaivanto2025@gmail.com, телефон: +7 (964)265-20-60

Кирюшина Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, kirushina_ira@mail.ru, телефон 8-903-990-7552.

Карпова Анастасия Денисовна, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Кирюшина Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ РАСПРОТСРАНЕНИЯ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19)

Статья посвящена рассмотрению актуальных проблем в области защиты прав потребителей в условиях распространения коронавирусной инфекции (COVID-19). Рассматриваются вопросы защиты прав потребителей в сфере туристических услуги, онлайн-торговли. Анализируются такие актуальные вопросы, как отмена туристических туров и авиасообщения; невозможность проведения платежей при онлайн-продажах из-за отключения от системы платежей СВИФТ, невозможность взыскания неустойки или убытков в связи с признанием COVID-19 форс-мажорным обстоятельством.

Ключевые слова: защита прав потребителей, форс – мажорные обстоятельства, онлайн-торговля, туристические услуги

По данным ежегодных соцопросов более 80% россиян хотя бы раз в год сталкиваются с нарушениями их потребительских прав, причиняющих вред здоровью, материальные убытки, моральный вред. Эффективная защита прав потребителей имеет решающее значение для формирования справедливого, прозрачного и конкурентного рынка Российской Федерации. В условиях экономической нестабильности, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции, проблемы защиты прав потребителей приобрели особую значимость, именно поэтому государство вырабатывает новые механизмы противодействия возникающим рискам.

Обусловленные пандемией события: закрытие границ и приостановка авиасообщения, замедление международной торговли, увеличение сроков поставки товаров и другие, неминуемо повлекли за собой ряд негативных последствий для потребителей, среди которых можно выделить: срыв сроков исполнения заказов или возврата денег при отказе от товаров и услуг; банкротство продавцов, исполнителей услуг и иных контрагентов; невозможность взыскания неустойки или убытков в связи с признанием COVID-19 форс-мажорным обстоятельством.

К числу приоритетных сфер, которые в условиях пандемии оказались наиболее уязвимыми в части нарушений прав потребителей, можно отнести туризм и авиаперевозки, онлайн – торговлю.

Потребители туристических услуг и услуг по авиаперевозке в период пандемии серьезно пострадали: забронированные ими туры были отменены, перелеты в зарубежные страны временно запрещены. Многие авиакомпании согласовали возврат денежных средств или гарантировали перенос бронирования на будущие даты, предоставляли бонусные мили или иные неденежные компенсации. Вместе с тем, вопрос возврата уплаченных потребителями денежных средств за отели, авиаперелеты и туры остается открытым.

Отдельные проблемные моменты защиты прав потребителей сферы туристических услуг и авиаперевозок были разъяснены Роспотребнадзором [1]. Еще больше споров внесло Постановление Правительства РФ № 1073 от

20.07.2020 г. [2], которым, фактически были определены иные правила возврата потребителю денежных средств за туристический продукт, нежели предусмотренные ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей» [3, ст. 32], что представляется достаточно спорным. Как следствие, на практике, суды стали принимать противоречивые решения, в одних случаях удовлетворяя требования потребителей о возврате денежных средств, в других отказывая со ссылкой на указанное постановление Правительства РФ.

Что касается сферы онлайн-торговли, то она активно развивалась и до пандемии, но в период распространения новой коронавирусной инфекции онлайн-продажи товаров повседневного спроса существенно возросли. Многие интернет-платформы зарегистрированы в иностранных государствах. Для защиты прав потребителей, приобретающих товары и услуги на интернет-сайтах, зарегистрированных в иностранных государствах и ориентированных на российских потребителей, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что к соответствующим правоотношениям применяется российское законодательство о защите прав потребителей. Сайтом, ориентированным на российских потребителей, считается тот, на котором одним из его языков является русский, цены приведены в российских рублях, указаны контактные телефоны с российскими кодами или имеются другие аналогичные доказательства [4, п. 45].

Вместе с тем, в условиях нового пакета антироссийских экономических санкций возник ряд других проблем, связанных с дистанционной торговлей товарами: невозможность проведения платежных транзакций в связи с отключением ряда российских банков от системы платежей СВИФТ, нарушение логистических схем доставки товаров до потребителей, отказ ряда иностранных продавцов от деятельности на российском потребительском рынках.

Еще в 2020 году Верховным Судом РФ был подготовлен Обзор по отдельным вопросам применения законодательства и мер по противодействию распространения на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID -

19) [5]. Со ссылкой на указанный обзор суды рассматривали пандемию как чрезвычайное и непреодолимое явление (существенное изменение обстоятельств), влекущее освобождение от ответственности и позволяющие расторгать или изменять договор одной из сторон по основаниям ст. 451 ГК РФ. Хотя позже – 23.12.2021 года Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ заняла прямо противоположную позицию [6]. В этой связи сохраняет свою актуальность вопрос о возможности как применения штрафных санкций с продавцам и исполнителям, ненадлежаще исполнившим свои обязательства перед потребителями, и при этом ссылающиеся на пандемию как чрезвычайное и непредотвратимое обстоятельство, так и возможность расторжения договора ввиду существенного изменения обстоятельств по правилам ст. 451 ГК РФ.

Отмеченные выше проблемы получают неоднозначное разрешение на практике, суды нередко выносят противоречивые решения, что существенно снижает стандарты защиты прав потребителей в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Памятка Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 13 апреля 2020 г. «Коронавирус COVID-19: какие права есть у потребителя и как их защитить? (ответы на типовые вопросы)» // <https://docs.cntd.ru/document/564647721/>
2. Об утверждении Положения об особенностях на 2020 и 2021 годы исполнения и расторжения договора о реализации туристского продукта, заключенного по 31 марта 2020 года включительно, туроператором, осуществляющим деятельность в сфере внутреннего туризма, и (или) въездного туризма, и (или) выездного туризма, либо турагентом, реализующим туристский продукт, сформированный таким туроператором, включая основания, порядок, сроки и условия возврата туристам и (или) иным заказчикам туристского продукта уплаченных ими за туристский продукт

денежных сумм или предоставления в иные сроки равнозначного туристского продукта, в том числе при наличии обстоятельств, указанных в части третьей статьи 14 Федерального закона "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 20.07.2020 № 1073 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020 г. - № 31. - Ст. 5167.

3. О защите прав потребителей: закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 // Собрание законодательства РФ. — 1996. — N 3. — Ст. 140.

4. Постановления Пленума ВС РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/28079/>

5. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ". - N 5, май, 2020.

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 305-ЭС21-12558 // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23122021-n-305-es21-12558-po-delu-n-a40-1006922020/>.

Сведения об авторах: **Карпова Анастасия Денисовна**, студент Юридического института Алтайского государственного университета, dior0301@mail.ru , 89236518656;

Кирюшина Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, kirushina_ira@mail.ru, 89039907552

Клочко Злата Сергеевна, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Кирюшина Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВЛАДЕЛЬЦА АГРЕГАТОРА ИНФОРМАЦИИ О ТОВАРАХ И УСЛУГАХ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Статья посвящена анализу отдельных аспектов правового статуса агрегатора информации о товарах и услугах по действующему российскому законодательству. Анализируются вопросы ответственности владельца агрегатора. Делается вывод о необходимости расширения понятия агрегатора информации и правовом регулировании отдельных их разновидностей. Исследуется опыт Китайской Народной Республики в данной сфере.

Ключевые слова: владелец агрегатора информации, информационный посредник, защита прав потребителей

Интернет-технологии получили огромное развитие за последние несколько десятилетий. За это время они успели проникнуть во все сферы жизни современных людей. Естественно, такие новшества не могли не коснуться и сферы торговых отношений. «Покупка одной кнопкой» является актуальной тенденцией нашего времени. Ведь с созданием интернет-магазинов шоппинг стал гораздо проще: появилась возможность заказать интересующий товар в удобное место из любой точки мира.

Как и в других странах, в Российской Федерации наблюдается устойчивая динамика роста электронной торговли. С каждым годом появляется все больше площадок для совершения покупок в интернете. Среди популярных отечественных площадок можно выделить Ozon, Wildberries, Яндекс.Маркет,

СберМегаМаркет и т.д. Их рост связан с тем, что, с одной стороны, продавцам легче реализовать свой товар в интернете: снижаются затраты на привлечение покупателей, сокращено время заключения сделок. А с другой стороны, потребителю удобнее выбрать и заказать товар дистанционно, чем тратить время на поиск товара в своем населенном пункте. Товар заказывается напрямую у продавца, а потому для покупателя его цена ниже, чем в обычных магазинах, что также является достоинством интернет-площадок.

Интернет-площадки являются агрегаторами информации о товарах и услугах, т.е. информационными посредниками.

В российскую юридическую практику фигура информационного посредника была введена Федеральным законом от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» [1]. А с 1 января 2019 г. в Закон РФ «О защите прав потребителей» введено понятие «владелец агрегатора информации о товарах (услугах) (далее, - владелец агрегатора)».

Согласно преамбуле Закона РФ «О защите прав потребителей» под владельцем агрегатора информации (услуг) понимается организация независимо от организационно-правовой формы либо индивидуальный предприниматель, которые являются владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов в соответствии с

пунктом 3 статьи 16.1 настоящего Закона и Федеральным законом от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

Один из признаков агрегатора - это возможность оплатить товар на его сайте. Агрегатор переводит деньги продавцу, оставляя себе комиссию, зарабатывая не на разнице между закупкой и продажей, а на оказании информационных или логистических услуг.

Изначально интернет-агрегаторы создавались и выступали как информационные посредники, не обремененные никакими обязательствами перед сторонами. В связи с этим возникало большое количество вопросов по поводу их правового статуса. До 2018 года в регионах судебная практика по делам, ответчиками в которых являлись агрегаторы информации, была неоднозначной. Некоторые суды признавали агрегатора надлежащим ответчиком, другие – нет [2].

29 июля 2018 года в Закон РФ «О защите прав потребителей» были внесены поправки, по которым владельцы агрегаторов информации были уже на законодательном уровне обременены обязанностями перед потребителями [3]. Эти изменения вступили в силу с 1 января 2019 года. В Закон было введено уже упомянутое понятие владельца агрегатора информации, согласно которому он обязан иметь регистрацию в статусе организации (вне зависимости от организационно-правовой формы) либо индивидуального предпринимателя, а также иметь права на владение программой ЭВМ, сайтом или страницей сайта. Владельца агрегатора обязали доводить до потребителя сведения о себе и о продавце (исполнителе), в частности, фирменное наименование таковых, место нахождения (адрес), режим работы, фамилию, имя, отчество (если имеется), государственный регистрационный номер записи о государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя или о создании юридического лица. Также владельца агрегатора обязали своевременно обновлять данную информацию исходя из сведений, предоставленных продавцом (исполнителем). При этом перечень предоставляемой информации не является исчерпывающим. В п.1 Обзора

судебной практики по делам о защите прав потребителей от 19.10.2022 указано, что продавец также должен сообщить потребителю об обременении товара правами третьих лиц [4].

Если владелец агрегатора не предоставил достоверную информацию о продавце (исполнителе) или же предоставил ее не в полном объеме, и на основании этой информации потребитель заключил договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), то владелец агрегатора несет ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие предоставления ему такой информации.

После внесения в закон поправок об ответственности агрегатора за предоставление недостоверной информации судебная практика пошла по новому пути. Определением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18.08.2022 № 88-23539/2022 по делу № 2-1049/2021 агрегатор был признан надлежащим ответчиком, поскольку он не предоставил информацию о продавце, а значит заключает и исполняет договор купли-продажи от своего имени [5].

Чтобы признать организацию или индивидуального предпринимателя владельцем агрегатора, необходимо одновременное соблюдение нескольких условий. Агрегатор должен:

1. предоставить возможность ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг);
2. предоставить возможность заключить с продавцом (исполнителем) данный договор;
3. предоставить возможность произвести предварительную оплату указанного товара агрегатору путем перевода средств на его счет либо наличных расчетов.

Последний пункт из перечисленных трех вызывает больше всего вопросов. Получается, чтобы считаться агрегатором, необходимо напрямую участвовать в расчетах. Сегодня многие организации и индивидуальные предприниматели пользуются сторонними сервисами, чтобы исключить себя из процесса оплаты

товара (услуги). К таким сервисам относятся сервисы «безопасной сделки». Их работа заключается в том, что деньги от потребителя переводятся на отдельный счет для обеспечения сделки, а после выполнения продавцом (исполнителем) своих обязанностей, деньги переводятся на счет продавца (исполнителя).

Означает ли это, что такие организация или индивидуальный предприниматель вправе не исполнять обязанности, возложенные на владельца агрегатора, поскольку они не принимают непосредственного участия в расчетах?

В связи с этим все больше проявляется необходимость введения специального правового регулирования такого рода информационных посредников. Высказаны предложения внести в Закон понятия иных видов агрегаторов. Среди таких видов можно выделить «маркетплейс». Маркетплейс представляет собой онлайн-платформу, выступающую в качестве посредника между покупателем и продавцом для заключения договоров купли-продажи товаров. Помимо «маркетплейсов», в литературе выделяют и иные виды агрегаторов (торговые агрегаторы, цифровые технологические платформы и т.д.).

Законодательное закрепление данных понятий могло бы поставить точку в спорах о разграничении предложенных терминов, развить классификацию агрегаторов и решить ряд вопросов об ответственности агрегатора перед потребителями. Также подобные нововведения позволили бы определить большее количество субъектов в качестве агрегаторов в целях единообразного регулирования интернет-торговли. Но, как справедливо отмечает Габов А.В. сущность этих понятий не до конца осмыслена и юридически не сформулирована [6].

Такое положение дел наводит на мысль, что для совершенствования российского законодательства в части понятия, классификации агрегаторов и ответственности их владельцев, необходимо обратиться к опыту иностранных коллег. Например, Китай является лидирующей страной в мире по развитости рынка интернет-торговли, а потому там раньше возникла необходимость в введении специального законодательного регулирования в этой сфере.

В 2019 году в Китае вступил в силу Закон «Об электронной коммерции» [7]. Понятия владельца агрегатора в данном законе нет, но есть понятие «оператор платформы электронной коммерции». Ключевым моментом нововведения является то, что под данным термином понимается намного большее количество субъектов. К площадкам, помимо прочего, были отнесены социальные сети и другие «нетрадиционные» сервисы, включая онлайн-мессенджеры.

Данный закон нацелен на защиту прав потребителей, поскольку устанавливает дополнительную ответственность оператора платформы электронной коммерции. Этот закон обязывает оператора отвечать не только за непредоставление достоверной информации о товаре, но и за действия алгоритмов платформы. Так, например, запрещено использовать информацию о предпочтениях пользователя при формировании результатов его поискового запроса. Оператор обязан предоставлять потребителю такие варианты, которые не будут адаптированы к его личным характеристикам. Также запрещено искусственно продвигать определенные категории товара, мешая потребителю выбрать товар, который он действительно ищет. Если такое продвижение является рекламой, то потребителя необходимо об этом уведомить. Еще одним требованием является запрет на продажу по умолчанию дополнительных товаров вместе с основным по принципу «связанных продаж».

Таким образом вопрос о правовом статусе владельцев агрегатора информации остается актуальным. Переосмысление подходов законодателя к определению и видам агрегаторов позволит решить часть проблем, связанных защитой прав потребителей, а также будет способствовать дальнейшему развитию интернет-торговли.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты

интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // <https://www.consultant.ru/>

2. Решение Судебного участка № 332 Бабушкинского судебного района (Город Москва) по делу № 02–0234/2017 от 26.05.2017 // <https://sudact.ru/>

3. Федеральный закон от 29.07.2018 № 250-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» // <https://www.consultant.ru/>

4. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.10.2022) // <https://www.consultant.ru/>

5. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18.08.2022 № 88-23539/2022 по делу № 2-1049/2021 // <https://www.consultant.ru/>

6. Габов А. В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. - 2021. - №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-platforma-kak-novoe-pravovoe-yavlenie>

7. Алексеенко А. П. Регулирование использования поисковых алгоритмов в соответствии с Законом КНР «Об электронной коммерции» // Территория новых возможностей. - 2020. - №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-ispolzovaniya-poiskovyh-algoritmov-v-sootvetstvii-s-zakonom-knr-ob-elektronnoy-kommertsii>

8. Ермолов, В. В. Правовой статус товарного агрегатора по законодательству Российской Федерации / В. В. Ермолов. // Молодой ученый. - 2022. - № 46 (441). - С. 234-236.

Сведения об авторах: **Клочко Злата Сергеевна**, студент Юридического института Алтайского государственного университета, zlatakl04ko@gmail.com, 8-923-163-0499.

Кирюшина Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, kirushina_ira@mail.ru, телефон 8-903-990-7552.

Кожушко Данил Сергеевич, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Кирюшина Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ВСЛЕДСТВИЕ НЕДОСТАТКОВ ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ

В статье рассматриваются отдельные аспекты возмещения вреда в рамках «потребительского» деликта. Анализируются различные подходы к определению фигуры потребителя в отношениях, связанных с возмещением вреда, причиненного вследствие недостатков товаров (работ, услуг) в Гражданском кодексе РФ, иных федеральных законах и Законе РФ «О защите прав потребителей», а так же особенности ответственности за данный вред в рамках действующего российского законодательства.

Ключевые слова: защита прав потребителя, потребительский деликт, недостатки товара (работы, услуги)

Действующее российское законодательство содержит различные подходы к определению понятия «потребитель». Согласно легальному определению, данному в Законе РФ «О защите прав потребителей», потребителем признается гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [1]. Т.е. по логике Закона потребителем признается только физическое лицо.

В иных нормативных актах содержится более широкое определение категории «потребитель». Так, статья 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» определяет: «потребитель – юридическое лицо или

физическое лицо, приобретающий товар», статья 3 Федерального закона от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях» закрепляет: «потребитель – физическое или юридическое лицо, приобретающее товар, производимый (реализуемый) субъектом естественной монополии».

В иных источниках так же указывается на юридическое лицо как потребителя (Бюджетный кодекс РФ (статья 69.2), Федеральный закон от 02.02.1994 № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» (статья 6), Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (статья 19.1), Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии»).

Аналогичный широкий подход использует и Гражданский кодекс Российской Федерации в ст. 1095 (далее, ГК РФ), указывая в качестве потребителя как юридическое лицо, так и гражданина – потребителя [2]. С чем связан подобный подход законодателя?

В цивилистической науке сложился подход, согласно которому ключевым моментом при определении понятия потребителя именно как физического лица является экономическое неравенство участников гражданско-правового договора с участием лица, приобретающего товары для удовлетворения личных потребностей.

Особенности предпринимательства как формы экономической активности населения требуют от коммерсантов профессиональных навыков, знаний в области процессов производства и реализации производимых товаров, работ и услуг. И набор этих знаний, навыков определяет его экономически более выгодное положение по отношению к потребителю. В этом смысле отношения между коммерсантом и потребителем – это отношения профессионала и дилетанта. При этом потребитель в силу объективных причин не в состоянии обладать полной информацией о приобретаемом товаре (работе, услуге). Поэтому в случае, если недобросовестный коммерсант будет использовать свое

преимущественное положение перед потребителем, последний, обладая специальными правомочиями, сможет эффективно защитить свои права.

Безусловно, данный подход, объясняющий, почему потребителем следует признавать именно физическое лицо с точки зрения экономического неравенства в отношениях «гражданин-потребитель – коммерсант», справедлив, поскольку в данных отношениях гражданин - потребитель нуждается в повышенной правовой защите как менее защищенная сторона. Но не менее справедливо признать юридическое лицо потребителем в его отношениях с другим коммерсантом. В данном случае, юридическое лицо, приобретающее товар (работу, услугу) в «потребительских целях», в силу объективных причин не может обладать профессиональными знаниями и навыками процессов производства в той сфере, где эти блага были произведены, или располагать полной и достоверной информацией о товаре (работе, услуге). Поэтому мы не можем исключать случаи, когда юридическое лицо также является менее защищенной стороной в отношениях юридического лица как потребителя с коммерсантом.

Нормы параграфа 3 главы 59 ГК РФ и ст. 14 Закона РФ «О защите прав потребителей» устанавливают специальный вид деликтного обязательства, который можно назвать «потребительский» деликт. Главное отличие норм ГК РФ, в сравнении с положениями Закона РФ «О защите прав потребителей», это допущение применения этих правил также и к отношениям, где в качестве потребителя выступает юридическое лицо, действующее, однако, в «потребительских» целях.

Ответственность за причинение вреда недостатками товара (работы, услуги) или недостатками информации, имеет ряд существенных особенностей: потребителю предоставлено право выбора субъекта, к которому могут быть предъявлены требования о возмещении вреда, определены продолжительные сроки, в течение которых могут быть предъявлены данные требования, вплоть до случаев, когда вред подлежит возмещению независимо от времени его причинения, обязательства по возмещению вреда, причиненного недостатками

товара (работы, услуги), относятся к случаям «безвиновной» ответственности и ряд иных особенностей [3].

Нормы, регламентирующие «потребительский деликт», содержащиеся в ГК РФ и Законе РФ «О защите прав потребителей» сегодня унифицированы. Вместе с тем, Закон предоставляет потребителю – гражданину (физическому лицу) большие по объему правовые возможности, нежели возможности, предоставляемые потребителю юридическому лицу. Так, в Законе широко используются меры оперативного воздействия; потребителю предоставлено право при нарушении продавцом условий договора о качестве сразу расторгнуть договор и требовать возмещения убытков. Законом установлена несвойственная современному законодательству штрафная неустойка за нарушение сроков удовлетворения требований потребителя; возможность компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав потребителя. Кроме того, законодатель закрепил подходы, «ломающие» конструкцию «договорной ответственности»: право потребителя предъявить требования не только к продавцу, но и к изготовителю, с которым он договорными отношениями не связан, и возможность предъявления деликтного иска из договорных отношений в соответствии со ст. 14 Закона и главой 59 ГК РФ. Законодателем предусмотрена возможность привлечения контрагента потребителя к ответственности за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения обоснованных требований потребителя, в виде взыскания штрафа в размере цены иска (ст.13 Закона), что должно стимулировать его к досудебному разрешению конфликта.

Все отмеченное выше указывает на особый подход законодателя к вопросам защиты прав потребителя – гражданина, в том числе и в рамках «потребительского деликта», вместе с тем в научной среде давно обсуждается проблема необходимости предоставления таких «повышенных» мер защиты и отдельным категориям юридических лиц, действующих в «потребительских» целях, например, товариществам собственников, и иным подобным, что на наш взгляд представляется обоснованным.

Библиографический список

1. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — N 3. — Ст. 140.
2. Письмо Роспотребнадзора «О правовых основаниях возмещения вреда, причиненного потребителям вследствие недостатков товара, работы или услуги» [Электронный ресурс]: документ от 06.06.2005 № 0100/4265-05-32 // КонсультантПлюс: справ.правовая система. – Версия Проф. – Электрон.дан. – М., 2022.
3. Кирилловых А.А. Защита прав потребителей: вопросы правового регулирования («Деловой двор», 2012) // URL: <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CMB&n=16993&dst=101402> (дата обращения: 24.11.2022).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // URL: <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=RZR&n=131885&dst=100056> (дата обращения: 24.11.2022).
5. Обзор Верховного Суда Российской Федерации по отдельным вопросам судебной практики о применении законодательства о защите прав потребителей при рассмотрении гражданских дел (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.02.2012)//URL:<http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=RZR&n=125580&dst=100093> (дата обращения: 24.11.2022).

Сведения об авторах: **Кожушко Данил Сергеевич**, студент Юридического института Алтайского государственного университета, @spiteall@yandex.ru.

Кирюшина Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, kirushina_ira@mail.ru, телефон 8-903-990-7552.

Крапивкина Татьяна Юрьевна, магистрант кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

Холоденко Юрий Витальевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

СООТНОШЕНИЕ УСЛОВИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И УСЛОВИЙ ЗАКЛЮЧЕННОСТИ СДЕЛОК

В статье рассмотрен вопрос о соотношении условий действительности и условий заключенности сделок. Проанализированы такие понятия, как сделка, форма сделки, существенные условия сделки. Отдельно изучены такие институты гражданского права, как условия действительности и условия заключенности сделок. Исследуются нормативно-правовые акты, которые непосредственно регулируют данный вопрос, представлена актуальная судебная практика.

Ключевые слова: сделка, условия действительности сделок, условия заключенности сделок, форма сделки, существенные условия сделки, недействительная сделка, незаключенная сделка

Для соотношения условий действительности и условий заключенности сделок, необходимо отдельно рассмотреть указанные институты гражданского права.

Сделка как правомерное юридическое действие должна соответствовать установленным в законе требованиям. Они называются условиями действительности сделок. Только в этом случае сделка признается действительной и порождает именно тот правовой результат, к достижению которого стремились стороны сделки на момент ее совершения [1, с. 5].

Само понятие "сделка" сочетает в себе четыре элемента: сами лица, участвующие в сделке; субъективная сторона (воля и волеизъявление); форма; содержание [2].

Итак, действительность сделки определяется законодательством посредством следующей системы условий.

Во-первых, сделка должна быть совершена дееспособными сторонами.

Требования к правосубъектности сторон сделки законом определяются в зависимости от видов их участников.

Дееспособными являются физические лица, достигшие 18 лет, при отсутствии иных ограничений. До этого возраста сделкоспособность граждан устанавливается по правилам ст. ст. 26 и 28 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3].

Дееспособность юридических лиц непосредственно связана с их правоспособностью, которая закреплена в ст. 49 ГК РФ.

Относительно юридических лиц эти требования изначально заключаются в необходимости наличия у организации статуса юридического лица. Юридические лица, обладающие общей правоспособностью, могут заключать любые сделки, не запрещенные законом. Юридические лица, обладающие специальной правоспособностью, могут заключать любые сделки, не запрещенные законом, за исключением противоречащих установленным законом целям их деятельности. Определенные виды сделок могут совершаться юридическими лицами только при наличии специального разрешения (лицензии).

Во-вторых, сделка должна быть совершена в надлежащей форме.

Форма сделки - способ фиксации волеизъявления участников данной сделки.

Порок формы сделки - это ее несоблюдение.

Форма сделки обеспечивает соблюдение интересов сторон и используется в целях контроля над законностью совершения сделки и защиты публичных интересов.

Требования к форме сделки устанавливаются ст. ст. 158 - 160 и 163 ГК РФ.

Пункт 1 ст. 158 ГК РФ указывает, что сделки совершаются в устной или письменной форме. Данное положение позволяет сделать вывод о

существовании только двух форм заключения сделок. При этом устная форма сделки имеет три вида:

- словесная (стороны в устной форме заключают между собой соглашение и оговаривают все существенные условия сделки);
- конклюдентные действия (поведение лица явно свидетельствует о его воле совершить сделку);
- молчание (признается формой сделки только в определенных случаях, указанных в законе или в соглашении сторон).

Соблюдение формы сделки является необходимым условием действительности, когда это прямо предусмотрено в законе, а во всех остальных случаях является условием заключенности сделки.

В-третьих, необходимо совпадение воли и волеизъявления лица при заключении сделки. Воля в юридической психологии – это самодетерминация активности человека, которая основана на осознании значимого планируемого результата. Волеизъявление понимается как внешнее выражение воли субъекта. Для сделки воля и волеизъявление имеют значение только в их совокупности. Посредством волеизъявления должна правильно выражаться истинная воля стороны сделки, о чем должны быть осведомлены другие участники договора [4, с. 35].

Одним из элементов психического отношения человека к заключаемой сделке является мотив, т.е. смысл, цель совершения данного действия. В гражданском праве мотив, как правило, не является юридически значимым фактором, но в отдельных случаях он будет иметь правовое значение. Так, например, статьей 169 ГК РФ закреплена возможность признания недействительной сделки, которая была совершена в противоречие нормам морали и нравственности, а также правопорядка.

Несоответствие между волей и волеизъявлением субъекта может быть следствием существенного заблуждения относительно предмета и условий сделки. Внутренняя воля субъекта сделки не должна основываться на порочных обстоятельствах, поэтому процесс формирования воли имеет существенное

значение, поскольку юридические требования к волеизъявлению, по существу, означают требования к порядку формирования воли. Необходимое условие для действительности сделки – это отсутствие каких-либо обстоятельств, которые могли бы исказить представления лица о существовании сделки или ее отдельных элементах (заблуждение, обман) либо создавать видимость внутренней воли при ее отсутствии (угроза, насилие), так как в данном случае имеет место порок воли, где воля может совпадать с волеизъявлением, но содержание воли не отражает истинные желания субъекта.

Соответственно необходимо определить реализованность подлинных намерений субъекта сделки при ее совершении, в противном случае следует говорить об упречности (дефектности) воли. Несоответствие воли и волеизъявления, равно как и упречность (дефектность) воли, являются основанием для признания сделки недействительной в установленных законом случаях. При этом до установления судом данного несоответствия действует презумпция соответствия воли и волеизъявления.

В-четвертых, необходимым условием действительности сделок выступает соблюдение юридических и фактических требований к содержанию сделок. Содержание сделки – это совокупность составляющих сделку условий. Юридические требования к содержанию сделок – требования законности содержания, т.е. соответствие содержания сделок требованиям нормативных актов, ГК РФ, принятым в соответствии с ним федеральным законам, регулирующим гражданско-правовые отношения, а также другим законам, содержащим нормы гражданского права, указам Президента РФ и постановлениям Правительства РФ.

Наличие всех существенных условий и реальная возможность осуществления субъектами сделок взятых на себя обязательств составляют фактические требования к содержанию сделок. Договор не может обладать юридической силой, если субъект принимает на себя явно невыполнимые обязательства.

Сделка должна содержать существенные условия, не противоречащие закону. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые

названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Предмет сделки – это благо как имущественного, так и неимущественного характера (действие, полезный результат). Конкретное содержание предмета договора зависит от вида договора. Предметом могут быть имущество, имущественные права (например, залог, право аренды), работы и их результат (подряд), исключительные права (авторский договор) и т.д. Предмет сделки должен быть законным. При отсутствии данных, позволяющих определенно установить предмет сделки, договор является незаключенным.

Существенными условиями для сделок могут быть цена, срок, место представления предмета сделки или место его нахождения, время совершения сделки и т.д. При этом все указанные условия сделки также не должны противоречить закону [5, с. 26].

Невыполнение всех вышеперечисленных условий влечет недействительность сделки, если иное не предусмотрено законом.

Недействительность сделки означает, что действие, совершенное в виде сделки, не порождает юридических последствий, т.е. не влечет возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей (кроме тех, которые связаны с ее недействительностью) [6].

Что касается условий заключенности сделок, то здесь речь идет именно об условиях заключенности договоров, которые закреплены в ст. 432 ГК РФ.

Договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

Согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ при отсутствии в договоре существенных условий такой договор не будет считаться заключенным.

Условия договора делятся на существенные и несущественные. Существенные условия договора - это те, без которых договор не может быть заключен. В соответствии с п. 1 ст. 432 ГК РФ существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как

существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

В доктрине выделяют объективно-существенные условия то есть условия, которые определяет закон в качестве существенных или необходимых для договора данного вида и субъективно-существенные условия – это те условия, на включении в договор которых настаивает одна из сторон [7, с. 87].

Таким образом, исходя из абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ к существенным условиям договора следует отнести три категории условий.

Первая категория - условие о предмете договора. Следует отметить, что понятие предмета договора носит достаточно размытый характер.

Под согласованием предмета договора разумно понимать конкретизацию в договоре содержания основных обязательств сторон с достаточной степенью детализации, чтобы их воля могла быть воспринята судом. Например, в договоре купли-продажи стороны должны конкретизировать, что конкретно и в каком объеме подлежит отчуждению [8].

Если предмет договора определен сторонами недостаточно четко или совсем не согласован, то договор признается незаключенным.

Вторая категория существенных условий - это те условия, которые названы в законе или ином правовом акте в качестве существенных или необходимых для договоров данного типа. Эти условия касаются поименованных договоров, в отношении которых существует какое-либо специальное нормативное регулирование.

Третья категория существенных условий - условия, по которым согласно заявлению одной из сторон должно быть достигнуто согласие. Имеется ввиду то, что любые условия, которые одна из сторон фиксирует в своей оферте (например, направляемом проекте договора), приравниваются к существенным и должны быть согласованы для того, чтобы договор был признан заключенным.

Существенные условия должны быть согласованы сторонами в самом договоре или в различных дополнениях к нему (дополнительных соглашениях, приложениях, спецификациях и т.п.). В таких ситуациях договор будет считаться заключенным с момента заключения такой дополнительной, конкретизирующей сделки.

Кроме того, на практике встречаются ситуации, когда в тексте договора или дополнениях к нему те или иные существенные условия не указаны, но они определены в подписанной сторонами документации, оформляющей исполнение договора (акты выполненных работ, накладные и т.п.). В такой ситуации договор также следует признавать заключенным и действующим.

Существенные условия договора могут носить не четко определенный, но определимый характер. В последнем случае стороны фиксируют в договоре алгоритм определения существенных условий, который может позволить к моменту исполнения договора определять значение такого условия [9].

Что касается условия о том, что соглашение по существенным условиям должно быть оформлено в требуемой форме. Если договор содержит все существенные условия, но при этом не соблюдены императивные требования к форме сделки, как правило, в силу общих положений о сделках применяется не такое последствие, как констатация незаключенности договора, а иные последствия. Так, если для договора установлена обязательная письменная форма, а договор заключен в устной форме, такой договор будет считаться заключенным и действительным, но сторонам при возникновении спора о факте его заключения или его содержании запрещено в суде ссылаться на свидетельские показания (ст. ст. 161, 162 ГК РФ). Те же последствия будут иметь место и тогда, когда закон устанавливает дополнительные требования к письменной форме сделки (например, составление в виде единого документа) и прямо не оговаривает последствия нарушения таких требований (абз. 3 п. 1 ст. 160 ГК РФ). Если для договора в силу прямого указания закона установлена обязательная письменная форма или установлены дополнительные требования к форме (например, оформление в виде единого документа) и при этом прямо

указано на ничтожность (недействительность) договора в случае нарушения таких предписаний (например, ст. ст. 331, 362, 550 ГК РФ и т.п.), речь также пойдет не о незаключенности, а о ничтожности. Если для договора в силу прямого указания в законе обязательно соблюдение нотариальной формы сделки, несоблюдение данного требования влечет ничтожность договора (п. 3 ст. 163 ГК РФ).

Таким образом, договор признается заключенным, если его существенные условия определены в надлежащей форме.

Если договор подлежит государственной регистрации, он, по общему правилу, считается заключенным для третьих лиц с момента его регистрации (п. 3 ст. 433 ГК РФ).

Для сторон договор, который подлежит регистрации, считается заключенным независимо от нее.

Для заключения некоторых договоров, которые называют реальными, нужно не только согласовать существенные условия, но и передать определенное имущество (п. 2 ст. 433 ГК РФ).

Если стороны не согласовали существенное условие договора, но в дальнейшем исполняли договор и фактически выполнили такое условие, то они не вправе ссылаться на его незаключенность [10].

Фактическое исполнение договора должно быть двусторонним. Односторонние действия не могут свидетельствовать о заключении договора. Например, перечисление денежных средств само по себе не может однозначно свидетельствовать о заключении договора займа, когда нет подлинника этого договора.

Кроме того, в некоторых случаях отсутствие подписанного договора нельзя компенсировать его исполнением.

Также следует учитывать, что сторона, которая приняла от другой стороны полное или частичное исполнение по договору или иначе подтвердила действие договора, по общему правилу не вправе требовать признания этого договора незаключенным в силу принципа "эстоппель" (п. 3 ст. 432 ГК РФ, п. 6

Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49, п. 7 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ N 3 (2020)) [11].

Когда требования к форме договора не соблюдены, это не свидетельствует о том, что договор не заключен, если стороны достигли соглашения по всем его существенным условиям (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49).

Следует отметить, что статичность норм о незаключенном договоре свидетельствует о том, что законодатель не готов отказаться от данного института в принципе. Поэтому попытки авторов законопроектов заставить законодателя принципиально заменить случаи признания договора незаключенным на признание его недействительным являются несостоятельными [12, с. 21].

Несмотря на то, что нормы о незаключенном договоре нуждаются в доработке, из их анализа следует прийти к выводу, что конструкция незаключенного договора существует и необходима для стимулирования субъектов гражданского права к договорной дисциплине уже на момент заключения договора и призвана сделать договорные отношения на этом этапе упорядоченными, а в дальнейшем - в известной степени предсказуемыми.

Касательно последствий признания договора незаключенным законодатель умалчивает в принципе. Что же касается порядка признания договора незаключенным, то большинство норм ГК, упоминающих о незаключенном договоре, построены как нормы-констатации: "...договор считается не заключенным".

После рассмотрения условий действительности и условий заключенности сделок, а также понятий недействительности и незаключенности сделок следует прийти к выводу о смешении указанных понятий.

Смешению понятий "недействительная" и "незаключенная" сделка с момента принятия ГК РФ в 1994 г. не было никогда оснований хотя бы уже потому, что при создании ГК РФ это было подтверждено прежде всего юридико-техническим приемом - недействительные сделки были выделены в ГК РФ в

отдельный раздел, нормы же о незаключенных договорах присутствуют применительно к конкретному случаю "незаключенности".

Категории (понятия) "сделка", "недействительная сделка" и "незаключенная (несостоявшаяся) сделка" являются несовпадающими (нетождественными) правовыми явлениями [13, с. 25].

Следовательно, следует различать случаи, когда заключен недействительный договор, и когда договор не заключен (стороны вообще не смогли достичь соглашения, обладающего формой и содержанием сделки). В последнем случае правила о недействительных сделках применению не подлежат.

Как отмечается в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 165 если между сторонами не достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора, то он не считается заключенным и к нему неприменимы правила об основаниях недействительности сделок [14].

Договор, являющийся незаключенным вследствие несогласования существенных условий, не может быть признан недействительным, так как он не только не порождает последствий, на которые был направлен, но и является отсутствующим фактически ввиду недостижения сторонами какого-либо соглашения, а следовательно, не может породить такие последствия и в будущем.

Решение проблемы разграничения понятий недействительной и незаключенной сделки является актуальной задачей юридической науки и практики.

Основное отличие незаключенного и недействительного договоров состоит в предусмотренных законом последствиях. Последствием недействительности являются возврат сторонами всего полученного по сделке (двусторонняя реституция), односторонняя реституция, и недопущение реституции. К тому же закон предусматривает такие особые правовые последствия недействительности, как ответственность недобросовестной стороны недействительной сделки. Все это не является свойственным незаключенному договору. Исполнение незаключенного договора приравнивается к исполнению

несуществующего обязательства. Для незаключенного договора возврат переданного имущества осуществляется на основании норм о неосновательном обогащении (гл. 60 ГК РФ).

Основания недействительности перечислены в законе, т.е. недействительная сделка (как в силу ничтожности, так и в силу оспоримости) не соответствует требованиям закона. Незаключенный же договор не противоречит закону как сделка, он лишь не содержит всех существенных для данного договора условий.

Согласно господствующему в отечественном праве подходу, недействительная сделка, в отличие от сделки несуществующей, существует юридически. С несуществующей сделкой не может быть связано никаких правовых последствий, даже косвенно, и какие-либо инструменты исцеления или конверсии здесь неприменимы [15].

Следовательно, следует прийти к выводу о том, что недействительность и незаключенность сделки являются взаимоисключаемыми понятиями, из чего следует, что незаключенный договор не может быть признан недействительным.

Учитывая вышеизложенное, очевидны различия между условиями действительности и условиями заключенности сделок и вытекающая отсюда необходимость различного правового регулирования в отношении их правовых последствий. Как мы можем заметить, условий действительности сделки больше, нежели условий заключенности сделки.

Библиографический список

1. Бакаева, И.В. Сделки как основная форма участия в гражданском обороте // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2019. - N 7.
2. Москаленко, И.В. Сделки в гражданском обороте // Нотариус. - N 2. - 2002 / Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс [Электронный ресурс] – Электр.дан. – Заглавие с экрана. URL: <http://www.consultant.ru>.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2021) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
4. Толстова, И.А., Викторов, В.Ю., Матвеев, П.А., Кишко, В.А. Виды и основания недействительности сделок в современном российском гражданском обороте // Нотариус. - 2020. - N 4.
5. Данилов, И.А. Общие условия действительности сделок // Нотариус. - 2009. - N 4.
6. Эрделевский, А. Недействительность сделок // Российская юстиция. - NN 11, 12. – 1999 / Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс [Электронный ресурс] – Электр.дан. – Заглавие с экрана. URL: <http://www.consultant.ru>.
7. Филиппова, С.Ю., Шиткина, И.С. Продажа или приобретение бизнеса: правовое сопровождение сделки: монография. – Москва: Статут. - 2019.
8. Постановления Президиума ВАС РФ от 14 февраля 2012 г. N 12632/11 и от 31 января 2006 г. N 7876/05 / Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс [Электронный ресурс] – Электр.дан. – Заглавие с экрана. URL: <http://www.consultant.ru>.
9. Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. 1120 с. / Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс [Электронный ресурс] – Электр.дан. – Заглавие с экрана. URL: <http://www.consultant.ru>.
10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2020): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020 / Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс [Электронный ресурс] – Электр.дан. – Заглавие с экрана. URL: <http://www.consultant.ru>.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса

Российской Федерации о заключении и толковании договора" / Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс [Электронный ресурс] – Электр.дан. – Заглавие с экрана. URL: <http://www.consultant.ru>.

12. Ларионов, Д.А. Недействительные и несостоявшиеся сделки: проблемы разграничения понятий // Юрист. - 2010. - N 4.

13. Храпунова, Е.А. Проблемы существа незаключенного договора и последствий признания его незаключенным: теория и практика // Налоги. - 2011. - N 19.

14. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 N 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» / Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс [Электронный ресурс] – Электр.дан. – Заглавие с экрана. URL: <http://www.consultant.ru>.

15. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 - 208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. [Электронное издание. Редакция 1.0] 1264 с. / Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс [Электронный ресурс] – Электр.дан. – Заглавие с экрана. URL: <http://www.consultant.ru>.

Сведения об авторах: **Крапивкина Татьяна Юрьевна**, магистрант кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, E-mail: krapivkinatatyana@mail.ru, 89293798044;

Холоденко Юрий Витальевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, E-mail: holodenko@de-kons.ru, 89039101333.

Лицкас Марк Вячеславович, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Филиппова Татьяна Аркадьевна, кандидат юридических наук, профессор кафедры, заведующий кафедрой гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

НАСЛЕДОВАНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье рассмотрены вопросы наследования корпоративных прав, названы их особенности, которые необходимо учитывать при переходе к наследникам этих прав. Отмечаются проблемы теоретического и практического характера, возникающие при правопреемстве в порядке наследования в коммерческих и некоммерческих корпорациях, отмечено особое положение наследственного фонда при его участии в корпоративном управлении. Обосновывается необходимость учета интересов наследников и участников корпорации в наследственных правоотношениях с точки зрения баланса интересов этих лиц.

Ключевые слова: корпоративные права, наследование, наследственный фонд, объекты гражданских прав

Согласно ст. 1176 ГК РФ такие специфические объекты гражданских прав, как акции, доля (пай) хозяйственных товариществ, обществ и производственных кооперативов входят в состав наследства. Первый вопрос, который возникает в этой связи: какие именно корпоративные права вытекают из обладания данными объектами и как они могут наследоваться?

Традиционно в литературе корпоративные права принято классифицировать на две большие группы в зависимости от их содержания: организационно-управленческие (неимущественные) и имущественные. К числу неимущественных авторы относят права, связанные с участием в управлении делами общества; права, связанные с осуществлением контроля над

деятельностью органов управления общества и финансово-экономическим состоянием общества; права на получение информации о деятельности общества. А к числу имущественных - право на участие в распределении прибыли; право на получение части имущества общества - ликвидационной квоты [1].

Представляется неясным и ненужным стремление некоторых авторов отнести корпоративные права исключительно к нематериальным (неимущественным) [2], и, тем самым, подвести теоретическую базу под невозможность их наследования в соответствии с п. 3 ст. 1112 ГК РФ, не допускающей наследование личных неимущественных прав и других нематериальных объектов. Безусловно, значительную часть содержания корпоративных прав составляет неимущественный элемент (касающийся в основном вопросов корпоративного управления), однако одно лишь это не даёт основания относить корпоративные права целиком к неимущественным (Например, в статье ст. 67 ГК РФ перечислены классические корпоративные имущественные права, которые дарованы законодателем в дополнение к общим неимущественным корпоративным правам из статьи 65.2 ГК РФ). Безусловно также, что неимущественные корпоративные права (корпоративные права по управлению юридическим лицом) не переходят по наследству, а как бы заново реализуются наследником в случае его вхождения в корпорацию на основании перешедшего к нему имущества (доли, пая, акции). Поэтому следует согласиться с мнением Е.А. Кирилловой о том, что «было бы правильнее не ограничивать состав наследства имуществом согласно ст. 1112 ГК РФ, а установить, что принадлежавшие наследодателю неимущественные права и иные нематериальные блага переходят по наследству в случаях, прямо предусмотренных законом, а также если это вытекает из самой природы указанных прав и благ» [3].

В этой связи следует отметить, что, строго говоря, статьи 1176, 1177 ГК РФ регулируют именно наследование имущества (объектов гражданских прав) – долей участия в уставном (складочном) капитале хозяйственного товарищества

или общества (акций в акционерном обществе) или пая в производственном (потребительском) кооперативе. Но напрямую корпоративные права не наследуются, так как они возникают из и благодаря участию в корпоративных организациях (Согласно п. 2 ст. 65.1 ГК РФ в связи с участием в корпоративной организации ее участники приобретают корпоративные (членские) права и обязанности в отношении созданного ими юридического лица). Правообразующим фактом здесь является именно имущественное участие в корпоративной коммерческой организации, которое выражается в соответствующем имуществе (объекте гражданских прав) – доле, акции, пае. Соответственно, терминологически более верно будет говорить о наследовании имущества, дающего корпоративные права, а не о наследовании самих корпоративных прав (Данное отнесение форм имущественного участия в корпорации к имуществу используется и законодателем: в п. 1 ст. 1173 ГК РФ говорится о том, что «если в составе наследства имеется имущество, требующее не только охраны, но и управления (предприятие, доля в уставном (складочном) капитале корпоративного юридического лица, пай, ценные бумаги, исключительные права и тому подобное)», то нотариус заключает договор доверительного управления таким имуществом) (далее в работе для удобства будет использоваться традиционный вариант «наследование корпоративных прав»).

Подобное мнение разделяет и С.А. Можиян, отмечая, что «сама ст. 1176 ГК РФ уже закладывает базис для будущего конфликта: наименование ст. 1176 ГК РФ, которое звучит как "Наследование прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах и обществах, производственных кооперативах", не соответствует ее положениям, поскольку говорит не о переходе к наследникам корпоративных прав, а именно о механизме принятия наследства в виде акций, долей этого участника (члена) в складочном (уставном) капитале (имуществе) соответствующего товарищества, общества или кооператива, т.е. об объектах имущества» [4]. Для такого перехода имущества необходимо свидетельство о праве на наследство, которое является единственным законным

инструментом для перехода доли или пая по наследству (п. 66 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 N 9 "О судебной практике по делам о наследовании").

Данный вопрос имеет не только большое теоретическое, но и практическое значение. В соответствии с положениями Гражданского кодекса, право собственности на такие объекты имущества переходит с момента принятия наследства, однако корпоративное законодательство устанавливает либо случаи, когда необходимо одобрение других участников общества с ограниченной ответственностью, либо необходимо внесение приходной записи по счету депо приобретателя (в случае акций), либо в случае учета прав на ценные бумаги в реестре - с момента внесения приходной записи по лицевому счету приобретателя (в случае акций) (п. 3 ст. 1176 ГК РФ) для осуществления именно корпоративных прав.

Судебная практика аналогичным образом исходит из того, что до совершения таких действий наследники акционера не получают статус акционера [9], а до получения свидетельства о праве на наследство – недопустима и постановка вопроса о возможности вхождения нового участника в состав общества с ограниченной ответственностью [13], то есть наследники в любом случае не могут реализовать свои корпоративные права в течение определенного времени, хотя имеет место и противоположная судебная практика [10], [11], [12], когда суды отдают предпочтение нормам наследственного права, а не корпоративного, указывая, что моментом возникновения прав участника общества является момент открытия наследства, а не момент внесения записи о наследнике как участнике корпорации в ЕГРЮЛ или реестр акционеров.

Выходом могло бы стать оспаривание уставов таких обществ, предусматривающих получение согласия на вхождение наследников в его состав, однако наследники, не получившие согласия иных участников общества, не являются лицами, которым ст. 43 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» предоставлено право на обжалование решения общего собрания, поскольку реализовать право

обжалования решения общего собрания может только участник общества, который не принимал участия в голосовании на общем собрании (например, в силу отсутствия на собрании) или голосовал против соответствующего решения. Поэтому суды в таких случаях отмечают, что наследником избран неправильный способ защиты нарушенных прав [4], и отказывают в оспаривании решений собрания.

Вопрос о разграничении наследования имущества и наследования корпоративных прав влияет и ещё на одно важное обстоятельство: подсудность соответствующего спора. Если наследник сразу требует выплаты ему действительной стоимости его доли (пая), не желая входить в состав корпорации, или получив отказ в таком вхождении, такой спор является корпоративным и должен разбираться в арбитражном суде [5] (225.1 АПК РФ). Соответственно, все остальные споры, как вытекающие из наследственных правоотношений, хотя и с участием корпорации и её членов, подведомственны судам общей юрисдикции (Обратный по своей форме вывод прозвучал в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 28.06.2018 N А40-139103/2017).

Следует также разграничить наследование корпоративных прав, связанных с участием в некоммерческих корпоративных организациях. За исключением наследования пая потребительского кооператива, и, соответственно, безусловной возможности наследовать статус участника потребительского кооператива (п. 1 ст. 1177 ГК РФ), наследник не имеет никаких прав на наследование корпоративных прав в некоммерческих корпоративных организациях (Что подтверждается положениями Гражданского кодекса о соответствующих корпоративных образованиях: п. 3 ст. 123.6 ГК РФ, п. 3 ст. 123.11 ГК РФ о неотчуждаемости членства в корпоративных некоммерческих организациях).

Данное законодательное ограничение представляется логичным и оправданным: в некоммерческих корпоративных организациях фактор личности участника играет гораздо большее значение, нежели чем в

коммерческих. Собственникам бизнеса (особенно крупного), по общему правилу, всё равно, кто будет состоять в корпорации, их интересуют лишь вопросы извлечения прибыли из хозяйственной деятельности. В некоммерческих организациях, в связи с их направленностью на преследование этических, моральных, управленческих и иных целей, не связанных главным образом с ведением хозяйственной деятельности, такое личное участие имеет большое значение. Поэтому неимущественные корпоративные права в таких организациях не могут передаваться *apriori* в качестве наследства, а в отношении имущества некоммерческих организаций их участники и так не имеют имущественных прав.

На практике также возникают вопросы, связанные с обеспечением прав и законных интересов наследников и самих корпоративных организаций в процессе наследования. Первая проблема заключается в том, что уставом корпоративной организации может быть вообще заблокирован переход корпоративных прав от наследодателя к наследникам. Согласно п. 8 ст. 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» хотя по общему правилу такой переход и допускается, но он может быть потенциально заблокирован уставом общества, либо этим же уставом может предусматриваться получение обязательного согласия остальных участников общества на переход доли и вхождение новых участников в состав корпорации. Данное законодательное положение представляется, как минимум, достаточно спорным. Ведь многие наследники заинтересованы не только материально, но и этически «продолжить дело» своих родителей или супругов, и не терять контроль над бизнесом, однако законодатель делегировал право участникам корпорации не допускать таких лиц к участию и управлению и, тем самым, провоцировать ненужные корпоративные конфликты. Возможно, данное правило следовало бы ограничить или вовсе исключить исходя из приоритета защиты интересов наследников, изначально находящихся в меньшинстве по отношению к остальным участникам корпорации.

К тому же, даже если устав и не блокирует полностью возможность принятия новых членов в ряды корпорации, то может серьёзно осложнить такой процесс: согласно п. 8 ст. 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» уставом общества может быть предусмотрено получение согласия на вхождение в члены общества. Согласие считается полученным, если всеми участниками общества в течение 30 дней или иного определенного уставом срока со дня получения соответствующего обращения обществом в общество представлены письменные заявления о согласии на переход доли к наследнику (наследникам) либо в течение этого же срока не представлены письменные заявления об отказе от дачи такого согласия.

Однако корпорация как особый субъект гражданского оборота требует управления в течение такого довольно длительного по меркам оборота срока, поэтому до момента такого перехода корпоративных прав в настоящее время предусматривается возможность учреждения доверительного управления наследственным имуществом в сфере бизнеса (предприятием, долей в уставном (складочном) капитале корпоративного юридического лица, паем в соответствии с п. 1 ст. 1173 ГК РФ).

С другой стороны, в практике бывают случаи, когда наследники не пользуются своими корпоративными правами в течение долгого периода времени или пользуются ими недобросовестно, однако их интересы судом ставятся выше интересов корпорации и самих участников. Здесь уже в поисках баланса интересов других участников представляется правильным предложение Т.В. Левуты закрепить обязанность наследников уведомлять общество о получении свидетельства о праве на наследство, в противном случае он должен иметь лишь право на выплату действительной стоимости доли как лицо, не проявившее должной заботы о приобретаемом имуществе, потенциально определяющей способность лица продолжать нормальную хозяйственную деятельность [7].

В литературе также рассматривается интересная ситуация наследования корпоративных прав (например, акций) наследственным фондом – одной из

новелл наследственного и корпоративного права одновременно. Изначально наследственный фонд появился как заимствование конструкции европейского наследственного фонда, который у себя на родине используется только для целей международного наследования (наследования имущества в разных странах на территории ЕС), имеет льготы по налогообложению, контроль государственных органов, высокая степень анонимности выгодоприобретателей и другие отличия [8].

В России наследственный фонд, безусловно, может реализовывать корпоративные права по переданному ему имуществу, однако такой фонд может участвовать в акционерном обществе в качестве акционера (в том числе являться единственным акционером), только если это будет предусмотрено уставом наследственного фонда и соответствовать целям создания фонда, указанным в уставе фонда [6], так как наследственный фонд является некоммерческой организацией и может осуществлять деятельность, приносящую прибыль только в соответствии с целями, ради которых он был создан, и которые отражены в его учредительных документах (п. 4 ст. 50 ГК РФ, ст. 7 Федерального закона «О некоммерческих организациях»).

Поэтому, в отличие от обычного наследника, фонд сильно ограничен не только в возможности потенциального участия в корпоративном управлении, но и в непосредственном осуществлении такого управления, так как он реализует корпоративные права не по своему усмотрению, а в соответствии с условиями управления наследственным фондом и в интересах определенных выгодоприобретателей или отдельных категорий лиц. Таким образом, подготовка устава такого фонда является достаточно кропотливой работой, для которой необходимы особые юридические навыки и анализ развитий событий в ещё не наступившем будущем, так как поменять устав и условия управления таким фондом невозможно по общему правилу после его создания (в соответствии с п. 5 ст. 123.20-1 ГК РФ такие изменения возможны лишь по решению суда в особых случаях, когда управление фондом стало невозможным по обстоятельствам, возникновение которых при его создании нельзя было

предполагать).

Представляется, что наличие данных законодательных пробелов и неясностей в судебной практике должно побудить законодателя и правоприменителя изменить правовое регулирование данной сферы жизни в пользу баланса интересов всех участников наследственных и корпоративных правоотношений.

Библиографический список

1. Корпоративное право: Учебный курс: В 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; Отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2017. Т. 1. // СПС "КонсультантПлюс".
2. Ситдикова Л.Б. Наследование корпоративных прав / Л.Б. Ситдикова, С.Ю. Стародумова // Наследственное право. – 2019. – № 1. // СПС "КонсультантПлюс".
3. Кириллова Е.А. Проблемы правового регулирования наследования акций в нотариальной практике // Российская юстиция. 2015. N 4. // СПС "КонсультантПлюс".
4. Можилян С.А. Непоименованные судебные споры, возникающие при наследовании корпоративных прав // «Нотариус», 2020 г., № 4. // СПС "КонсультантПлюс".
5. Комментарий судебной практики / А.Ф. Ефимов, М.Н. Николаев, М.К. Белобабченко и др.; Отв. ред. К.Б. Ярошенко. Вып. 22. М., 2017. // СПС "КонсультантПлюс".
6. Макарова, О. А Наследование "бизнеса на ходу": как наследственный фонд может управлять акциями? // Законы России: опыт, анализ, практика, 2018 г., № 4. // СПС "КонсультантПлюс".
7. Летута Т.В. Принятие наследства как основание возникновения прав участника хозяйственного общества // Lex russica. 2016. N 9 // СПС "КонсультантПлюс".

8. Карташов М.А. Наследственный фонд: новое российское законодательство и иностранный опыт // "Современное право", 2017 г., N 10 // СПС "КонсультантПлюс".
9. Определение ВС РФ от 6 июня 2016 г. по делу N А40-55373/2015 // СПС "КонсультантПлюс".
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.06.2018 N А40-139103/2017 СПС "КонсультантПлюс".
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 января 2016 г. N 309-ЭС15-10685 по делу N А07-10144/2011 // СПС "КонсультантПлюс".
12. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. N 10107/11 по делу N А12-8057/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Рекомендации Научно-консультативного совета по вопросам применения норм корпоративного законодательства и норм законодательства о несостоятельности (банкротстве): утверждены Президиумом Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 26 апреля 2010 г. (выработаны по итогам совместного заседания Научно-консультативных советов при Федеральном арбитражном суде Поволжского округа и Федеральном арбитражном суде Волго-Вятского округа, состоявшегося 25.03.2010 в г. Казани) // СПС "КонсультантПлюс".

Сведения об авторах: **Лицкас Марк Вячеславович**, студент юридического института Алтайского государственного университета, marklitskas@mail.ru, +8(913)214-75-10

Филиппова Татьяна Аркадьевна, кандидат юридических наук, профессор кафедры, заведующий кафедрой гражданского права юридического института Алтайского государственного университета, philippovata@mail.ru, +8(983)103-70-78

Матвеев Даниил Дмитриевич, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Филиппова Татьяна Аркадьевна, кандидат юридических наук, профессор кафедры, заведующий кафедрой гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ПУШКИНСКОЙ КАРТЫ

Статья посвящена исследованию понятия, признаков и правовой природы Пушкинской карты, получившей закрепление в рамках реализации государственной программы по социальной поддержке молодёжи и обеспечению доступности для нее организаций культуры. Проанализирован состав участников, связанных с выпуском карты и реализацией услуг культуры. Исследование основано на использовании социологического опроса и статистических данных, в том числе по Алтайскому краю. Отмечены проблемы правового режима пушкинской карты вследствие недостаточного правового регулирования данной сферы отношений, сделан вывод о необходимости совершенствования механизмов правового регулирования отношений по реализации пушкинской карты.

Ключевые слова: Пушкинская карта, социальная программа, карта, оператор, организация культуры, гражданин

Одной из основных целей любого государства является поддержание высокого социального уровня жизни граждан. Такая поддержка должна выражаться не только в выдаче социальных выплат и предоставлении льгот, но и в развитии социально – культурного кластера. По количеству социальных программ и их доступности населению Российская Федерация занимает лидирующие позиции. Одной из таких социальных программ является программа внедрения «Пушкинской карты».

Для формирования полной картины исследования обратимся к истории создания и реализации социальной программы «Пушкинской карты». Предпосылки к появлению «Пушкинской карты» были сформированы в 2021 году, тогда же были предприняты первые инициативные шаги к её принятию. Основным инициатором создания социальной программы выступил Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. В целях реализации указанной инициативы 8.09.2021 года было принято Постановление Правительства Российской Федерации «О социальной поддержке молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры» [1].

Целью указанного постановления явилось вовлечение молодёжи от 14 до 22 лет к культурной среде общества, выражающейся в посещении театров, кинотеатров и музеев. Для этого государство предоставляет субсидии лицам указанной выше возрастной группы в размере трёх тысяч рублей, а с 2022 года в размере пяти тысяч рублей.

Исходя из подсчётов произведённых министерством культуры, и представленных данных «Оператора» «Пушкинской карты» АО «Почта Банк», на 09.01.2023 года в Алтайском крае «Пушкинскую карту» получили 213 003 человека исходя из расчётов Министерства культуры Алтайского края, исходя из Информации представленной АО «Почта Банк» количественно субъектов имеющих «Пушкинскую карту» в физическом виде составляет 94 641 человек в возрасте от 14 до 22 лет.

При написании данной работы, был проведён социологический опрос среди студентов и школьников Алтайского края, по подсчётам опроса среди респондентов, было выявлено что из 1025 респондентов принявших участие в опросе, на вопрос «Получали ли Вы Пушкинскую карту» 702 респондента ответили положительно, что составляет 68.5% от общего числа опрошенных. 31.5% ответили, что не получали «Пушкинскую карту», либо возникли трудности в её получении. Основной из причин отказа в получении «Пушкинской карты» является сложность в её оформлении.

Подобные сложности связаны с тем, что в реализации программы «Пушкинской карты» принимает участие значительный круг участников, правовое положение которых различно.

Первоначальным субъектом является гражданин- физическое лицо – гражданин Российской Федерации в возрасте от 14 до 22 лет включительно, принимающий на добровольной основе участие в программе «Пушкинская карта».

Субъектом, предоставляющим услуги по показу представлений, осуществляющий показ кинофильмов, а так же организующие выставки является «Организация культуры» - театры, организации кинопоказа (кинотеатры), концертные организации, музеи, организации культурно-досугового типа, библиотеки и образовательные организации в сфере культуры (федеральные, региональные, муниципальные и частные учреждения и организации культуры независимо от организационно-правовой формы и ведомственной принадлежности).

Связующим звеном между гражданином и организацией культуры является «Оператор» - отбираемое в соответствии с законодательством Российской Федерации юридическое лицо, обеспечивающее организационно-технологическую возможность оплаты билетов на посещение мероприятий с использованием карты.

Именно оператор занимается выпуском карты, которая определена как предоплаченная банковская карта "Пушкинская карта", выпущенная оператором на имя гражданина, с лимитом средств в 2021 году 3 тыс. рублей, с 2022 года - 5 тыс. рублей, включающим с 1 февраля 2022 года лимит на покупку билетов на показы фильмов в размере не более 2 тыс. рублей. Срок начала действия карты отсчитывается со дня достижения гражданином 14 лет и завершается по истечении 12 месяцев со дня достижения гражданином 22 лет [1].

В Постановлении Правительства не содержится четко обозначенной ссылки на то, какое именно юридическое лицо является оператором, однако исходя из

информационной сводки, представленной на Портале Государственных услуг, можно сделать вывод что таковым является АО «Почта Банк», так как именно оно занимается выпуском физических пушкинских карт.

В подтверждение этого вывода можно сослаться на п. 1.5 ст. 1 Положения от 24.12.2004 № 266-П «Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием», в котором указано, что кредитная организация вправе осуществлять эмиссию банковских карт следующих видов: расчетных (дебетовых) карт, кредитных карт и предоплаченных карт, держателями которых являются физические лица, в том числе уполномоченные юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями[2].

Карта, которую получает гражданин в рамках реализации программы «Пушкинская карта», является предоплаченной, как установлено названным выше Постановлением Правительства РФ. Но это положение находится в определенной коллизии с правилами, закрепленными в п.1.7 абз. 2 ст. 1 Положения от 24.12.2004 № 266- П «Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием» в соответствии с которыми при привлечении кредитной организацией - эмитентом банковских платежных агентов для распространения предоплаченных карт не допускается возникновение денежных обязательств кредитной организации по предоплаченным картам перед банковскими платежными агентами, в том числе путем предварительной оплаты предоплаченных карт[2]. Исходя из этого, у держателя карты не возникает материального обязательства ни перед банком, ни перед агрегатором. Однако при выпусках «Пушкинской карты» в физическом виде субъект обязан оплатить плату в размере 500 рублей за выпуск. Соответственно, нарушается один из признаков «предоплаченной карты». Так же стоит обратить внимание на тот факт, что при получении предоплаченной банковской карты между банком, субъектом и агрегатором не возникает устойчивой правовой связи. Однако для получения «Пушкинской карты» у субъекта возникает обязанность в представлении своих персональных данных. В частности, возрастное ограничение в 14 лет, обусловлено тем, что

субъект должен иметь верифицированный аккаунт в информационной системе «Госуслуги» для получения электронной карты.

В случае если пушкинская карта действительно бы являлась предоплаченной, как следует из приведенного выше правового обоснования, то исходя из положений ст. 28 ГК РФ, правом на получение «Пушкинской карты» обладали бы все лица, даже не достигшие возраста 14 лет [3].

Имеющиеся ограничения в получении «Пушкинской карты» могут свидетельствовать о том, что с правовой точки зрения её можно отнести к дебетовой карте. Так как карта является персональной, выпускается на определённый срок.

Но в случае, если расценивать «Пушкинскую карту» как дебетовую, то у субъекта, являющегося держателем карты, должна быть возможность в снятии денежных средств, либо же в пополнении баланса. Как уже было сказано выше при проведении исследования, была проведён социальный опрос, группа респондентов при ответе на вопрос «Что бы вы хотели дополнить в пушкинской карте» в 60% случаях сделали заявление, что требуется возможность в пополнении ее баланса. Однако при существующей модели распространения и использования «Пушкинской картой», у граждан являющихся её держателями, нет такой возможности.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о том, что программа «Пушкинская карта» является одним из видов социальной программы, направленной на привлечение молодёжи к культурной среде, в частности, посещение культурных мероприятий театров, выставок и спектаклей. Однако правовой режим «Пушкинской карты» до настоящего времени однозначно не определен, а само понятие пушкинской карты определено только на уровне подзаконных нормативных актов. В связи с вышеизложенным, требуется более четкое определение правовой природы «Пушкинской карты», что может иметь практическое значение, в том числе при решении вопроса о снижении возраста, с которого гражданин будет иметь право на её получение и расширении возможностей применения «Пушкинской карты», например, за

счет предоставления возможности приобретения литературы как в физическом виде, так и оформление электронных подписок, приобретение экскурсионных путёвок, а также финансирование проезда для школьников и студентов на внутригородских маршрутах к местам посещения культурных мероприятий. Это позволило бы не внедрять дополнительные законодательные инициативы, а реализовывать вышеуказанные модели социальной поддержки в рамках одной программы.

Библиографический список

1. О социальной поддержке молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры : постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2021 г. N 1521 // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 сентября 2021 г.. – 2021. – № N 37 ст. 6541. – Ст. 1521.
2. Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием : Положение Банка России от 24 декабря 2004 г. N 266-П // "Вестник Банка России" от 30 марта 2005 г. – 2004. – № №17.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.94 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Сведения об авторах:

Матвеев Даниил Дмитриевич, студент юридического института Алтайского государственного университета, ddmatveev@yandex.ru

Филиппова Татьяна Аркадьевна кандидат юридических наук, профессор кафедры, заведующий кафедрой гражданского права юридического института Алтайского государственного университета, philippovata@mail.ru, +8(983)103-70-78

Мельникова Мария Игоревна, магистрант кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

Холоденко Юрий Витальевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК, НАРУШАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯ ЗАКОНА ИЛИ ИНОГО ПРАВОВОГО АКТА: АНАЛИЗ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В настоящей статье автором рассматривается механизм современного правового регулирования процедуры признания сделки недействительной ввиду несоответствия ее содержания требованиям закона или иного правового акта. Особое внимание уделяется реформе гражданского законодательства 2013 года, в части изменения конструкции статьи 168 Гражданского кодекса РФ, вследствие чего автором статьи высказываются предложения по ее дальнейшему реформированию.

Ключевые слова: гражданское право, сделка, недействительность, порок содержания, содержание сделки, оспоримость, ничтожность

В юридической науке существует установленное правило, которое гласит, что возникновению, изменению и прекращению правоотношений всегда способствует юридический факт. В соответствии со статьей 153 Гражданского кодекса РФ (далее - ГК РФ): «Сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей». На основании статьи 154 ГК РФ можно выделить двух- или многосторонние, а также односторонние сделки, где первые обычно представлены в виде договоров, выражающих волю нескольких сторон, а для вторых достаточно выражения воли лишь одной стороны. Однако не все сделки, которые заключаются между субъектами гражданского оборота,

могут быть легализованы, поскольку некоторая их часть непременно будет содержать в себе свойства, не допускающие признания такой сделки действительной, а именно – пороки.

Термин «порок» объясняется по-разному. Согласно определению из толкового словаря С.И. Ожегова, порок – «это тяжелый предосудительный недостаток, позорящий свойство». Следовательно, порок – это определенный недочет или даже ошибка в соответствующем составе либо месте.

Содержание любой сделки – это ее внутренняя система, совокупность определенных условий, которые являются основой для последующего исполнения взаимных обязательств субъектами данной сделки. Из определения следует, что содержанию сделки присущ такой признак, как системность, то есть обязательное наличие определенных элементов.

На основании изложенного, верной представляется позиция, согласно которой, «порок содержания» сделки означает полное или частичное несоответствие ее условий действующему законодательству – в них присутствует противоречие требованиям закона или иного правового акта.

Учитывая положения действующего гражданского законодательства, необходимо отметить, что в систему сделок, в которых присутствует порок содержания, входят такие составы, как: сделки, нарушающие требования закона или иного правового акта (статья 168 ГК РФ), сделки, совершенные с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности (статья 169 ГК РФ), сделки, совершенные без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления (статья 173.1 ГК РФ), а также сделки в отношении имущества, распоряжение которым запрещено или ограничено (статья 174.1 ГК РФ). Между тем, в настоящем исследовании будут рассмотрены последствия недействительности сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта в контексте реформы гражданского законодательства 2013 года. Согласно общепринятым положениям юридической науки, недействительность сделки – это форма лишения ее юридической силы. Так, недействительность

сделки порождается фактом ее несоответствия требованиям правовых норм, поэтому главным критерием недействительности сделки выступает несоответствие ее условия (условий) требованиям правового акта. Представляется, что отраслевая принадлежность правовых норм, противоречие которым может влечь за собой недействительность сделки, не имеет никакого правового значения. Гражданское законодательство устанавливает общие требования к сделкам и особенности совершения отдельных видов сделок, но, помимо него существует немало законов, определяющих условия законности либо отдельных видов сделок, либо сделок с отдельными видами имущества, либо всех или некоторых видов сделок, совершаемых определенными категориями лиц либо в определенных сферах деятельности [6, с. 264].

Недействительность сделки – это форма лишения сделки юридической силы, предусмотренная с целью защиты нарушенных прав и интересов общества и его отдельных субъектов. Иными словами, указанная категория является одним из способов защиты гражданских прав, так как в подобных ситуациях «потерпевшая сторона» обращается в уполномоченные органы с просьбой принять определенные меры, направленные на восстановление нарушенных прав или пресечение действий, создающих угрозу их нарушения. Это непосредственно отражено среди оснований, перечисленных в статье 12 ГК РФ: «Защита гражданских прав осуществляется путем признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки».

Основным последствием, применяемым к сделкам, нарушающим требования закона или иного правового акта, является признание их оспоримыми (пункт 1 статьи 168 ГК РФ) или ничтожными (пункт 2 статьи 168 ГК РФ). Согласно положениям статьи 166 ГК РФ сделка, недействительная по основаниям, установленным законом, в силу признания ее таковой судом является оспоримой; сделка, недействительная по основаниям, установленным законом независимо от признания ее недействительной судом является ничтожной. Следовательно, основной признак, разграничивающий оспоримые и ничтожные

сделки – это необходимость судебного решения для признания их недействительными. Однако для более детального изучения этих терминов, можно обратиться к истории развития института недействительности сделок в целом.

Сафронов Д.А. проводил интересное исследование и указывал, что изначально в Римском праве не проводилось никакого деления на ничтожные или оспоримые сделки. Далее автор писал, что «позднее, в Древнем Риме стала развиваться концепция о ничтожных и оспоримых сделках, где из идеи недействительных сделок возникла идея о так называемых «мертворождённых» сделках, которые не порождали никаких правовых последствий» [13, с. 254]. В данном контексте указывается на «ничтожные» сделки, которые, как и в современном законодательстве, не порождают для сторон никаких юридических прав и обязанностей. Однако сначала ничтожными было принято считать сделки, которые не получали внешнего проявления, а позднее – сделки, хоть и заключённые по всем правилам сделки, но имеющие обстоятельства, не соответствовали правопорядку римлян [7, с. 51].

Согласно представлениям Малькова Ф.О., деление недействительных сделок на оспоримые и ничтожные имеет не столько теоретическое, сколько практическое значение. Как пишет автор это проявляется, к примеру, в следующем: «Во-первых, поднять вопрос о действительности оспоримых сделок, как правило, могут потерпевшая сторона, либо сторона, действующая под влиянием заблуждения, и некоторые другие лица. Недействительность ничтожных сделок заранее предрешена законом, поэтому обратиться с требованием, признать ее недействительной может любое заинтересованное лицо, либо суд по собственной инициативе. Во-вторых, это имеет значение, в первую очередь, для определения последствий недействительности оспоримых и ничтожных сделок» [11, с. 49].

Наиболее актуальным аспектом работы является вопрос о целесообразности произведенной реформы гражданского законодательства, в части признания

сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта, недействительными, а именно: оспоримыми или ничтожными.

С 2013 г. в отношении сделок, нарушающих требования закона или иного нормативного акта, действует режим оспоримости (пункт 1 статьи 168 ГК РФ). Анализируя законодательство в дореформенный период, Мальков Ф.О. указывает, что ранее сделка, не соответствующая закону, являлась ничтожной, где признавать ее недействительной в суде не требовалось, и можно было предъявить требование о последствиях сделки (как правило, о возврате всего полученного по ней). И только в случаях, если это специально оговаривалось в законе, недействительная сделка была оспоримой, то есть для установления факта ее недействительности требовалось судебное решение [11, с. 50]. В настоящее же время, по общему правилу сделка является оспоримой, однако, в случае, если закон специально оговаривает ничтожный характер сделки, к ней будут применяться правила о ничтожности. Так, согласно пункту 2 статьи 168 ГК РФ режим ничтожности устанавливается для тех сделок, которые не только нарушают закон, но и посягают на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц [8, с. 179]. Следовательно, в настоящее время необходимо отметить, что «презумпция оспоримости сделки, не соответствующей закону, все же не приводит к исчезновению института ничтожной сделки» [15, с. 35].

По мнению ряда авторов, действующая редакция статьи 168 ГК РФ вызывает немало разногласий в части расширения сферы применения режима оспоримости. Например, В.В. Байбак и Р.С. Бевзенко пишут: «Сделав акцент на оспоримости незаконных сделок, разработчики хотели стабилизировать оборот и снизить количество споров о действительности договоров. Однако ясно, что средство для решения этой задачи выбрано неудачное». Авторы указывают, что оспоримость или ничтожность незаконной сделки зависит от толкования судом подразумеваемых целей нарушенной ими нормы, и она ни в коей мере не добавит стабильности и предсказуемости как договорным отношениям, так и судебной практике.

Анализируя изложенное, представляется, что могут возникнуть некоторые вопросы, например, какой из рассматриваемых режимов можно признать доминирующим на практике, и можно ли вообразить иную формулировку рассматриваемой нормы с учетом полученных сведений?

Опираясь на положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума №25), а также исследования Глоова Д.Х. и Толопаевой Н.В., следует определить ситуации, которые приравниваются к прямому указанию закона на ничтожность:

1. не влекут правовых последствий односторонние сделки, которые совершены в случае, когда правовым актом или соглашением сторон ее совершение не предусмотрено либо не соблюдены требования к ее совершению (пункт 51 Постановления Пленума №25);

2. договор, условия которого противоречат существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, может быть квалифицирован как ничтожный полностью или в соответствующей части, даже если в законе не содержится прямого указания на ничтожность (абзац 2 пункта 74 Постановления Пленума №25). Иными словами, режим ничтожности применим даже в тех случаях, когда императивная норма закона защищает интересы сторон договора, если суд, рассматривающий дело, посчитает это необходимым [10, с. 55];

3. условия договора, противоречащие явно выраженному законодательному запрету, ничтожны, как посягающие на публичные интересы (пункт 75 Постановления Пленума №25). В качестве примеров прямых законодательных запретов, от которых нельзя отступить в соглашении сторон, Верховный Суд РФ приводит, в частности, сделки о страховании противоправных интересов, сделки о залоге или уступке требований, неразрывно связанных с личностью кредитора. Стоит особо подчеркнуть тесную взаимосвязь положений пунктов 74, 75 Постановления Пленума №25, поскольку ничтожным может быть

признан любой договор, независимо от того, нарушается ли установленный законом запрет или нет;

4. условия сделки, заключенной с потребителем, не соответствующие актам, содержащим нормы гражданского права, обязательные для сторон при заключении и исполнении публичных договоров, а также условия сделки, при совершении которой был нарушен явно выраженный законодательный запрет ограничения прав потребителей являются ничтожными (пункт 76 Постановления Пленума №25). По мнению Глоова Д.Х., рассматриваемая позиция является обоснованной в силу действия части 1 статьи 16 Закона о защите прав потребителей, который признает недействительными условия договора, которые ущемляют права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей. Однако Н.В. Тололаева напротив указывает, что «ссылка Верховного Суда РФ на положения статьи 2 статьи 16 Закона о защите прав потребителей означает, что ВС РФ признает ничтожными только сделки, нарушающие конкретный запрет, т.е. запрет, касающийся четко определенных в норме сделок или их условий». Следовательно, можно предположить, что суд «пошел по пути общего правила и применил положение пункта 1 статьи 168 ГК РФ: такие сделки являются оспоримыми» [16, с. 38].

Таким образом, правовые позиции Верховного Суда РФ относительно ситуаций, при которых сделка должна быть признана ничтожной, содержащиеся в Постановлении Пленума №25, являются неоднозначными и противоречивыми, что подтверждается существующими дискуссиями среди ученых.

В дальнейшем Глоов Д.Х. анализирует различные примеры из судебной практики, в которых демонстрирует преимущественное применение судами пункта 2 статьи 168 ГК РФ. Следовательно, можно смело признать тот факт, что в настоящее время достаточно распространенным является применение пункта 2 указанной выше нормы, в силу чего режим ничтожности незаконных

сделок «де-факто вытеснил режим оспоримости, заложенный в пункте 1 статьи 168 ГК РФ» [8, с. 191].

По мнению Э.А. Евстигнеева, несмотря на предложения некоторых авторов о возвращении презумпции ничтожности незаконных сделок, такой подход «еще больше отдалит законодателя и правоприменителя от понимания существа регулирования незаконных сделок и не позволит окончательно избавиться от заблуждений в данной области, формирующих несправедливые решения правоприменителей» [9, с. 17]. Представляется, что с подобной позицией можно не согласиться, поскольку в практике применения указанной нормы встречаются нетипичные случаи ее применения, например:

1. воспринимаются как ничтожные сделки, совершенные органами публично-правового образования от имени данного образования с превышением компетенции (пункт 3 информационного письма Президиума ВАС РФ от 23 октября 2000 г. №57);

2. признаются ничтожными договоры, направленные на отчуждение государственного имущества органом, не имеющим полномочий совершать такие сделки (Постановление Президиума ВАС РФ от 8 октября 2013 г. №5257/13);

3. являются ничтожными по правилам статьи 168 ГК РФ сделки, совершенные унитарными предприятиями и иными юридическими лицами, чья правоспособность ограничена не уставом, а законом (пункт 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2006 г. №21) и другие случаи.

Так, разделяя позицию Карапетова А.Г. и Д.О. Тузова, вместо изменения установленных в гражданском законодательстве презумпций оспоримости и ничтожности следовало уменьшить количество оснований недействительности сделок, а главное – количество императивных норм в регулировании договорных отношений. Примечательно высказывание указанных авторов, которое сложно опровергнуть: «Странным выглядит ведение «борьбы с ничтожными сделками» во имя стабильности гражданского оборота не через устранение причин этой ничтожности, т.е. не путем совершенствования

законодательства, вследствие нарушения которого сделки оказываются ничтожными, и практики его применения, а посредством замены презумпции ничтожности на общее правило об оспоримости и оправдания тем самым наступления тех или иных желаемых сторонами правовых последствий вопреки императивным предписаниям закона» [10, с. 58].

Таким образом, в настоящее время действительно большее значение приобретает применение судами именно режима «ничтожности» недействительных сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта, что также подтверждается и примерами из судебной практики.

Следовательно, представляется, что, несмотря на некоторое ужесточение правил гражданского оборота, как следствие изменения формулировки статьи 168 ГК РФ в части установления презумпции «ничтожности» сделок, недействительных в силу статьи 168 К РФ, такая конструкция позволит более полно урегулировать общественные отношения в обсуждаемой сфере, что предположительно, снизит риск злоупотребления участниками сделок своими правами, а также будет мотивировать их на добросовестное соблюдение предписаний закона.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – С.225.
2. Закон Российской Федерации "О защите прав потребителей" от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 21.12.2004) // Российская газета. - 16.01.1996.
3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2015. – № 8.
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 8.10.2013 г. N 5257/13// Сайт справочно-правовой системы Судебные и нормативные акты РФ [Электронный

ресурс] – электр. дан. - заглавие с экрана. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=107&issid=1072014002000&docid=2>.

5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 23.10.2000 г. №57 «О некоторых вопросах практики применения статьи 183 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Сайт справочно-правовой системы Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] – электр. дан. - заглавие с экрана. URL: <https://ppt.ru/docs/pismo/prezidium-vas/n-57-69350>.

6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / В. А. Егизаров, В. В. Залесский, Н. И. Клейн [и др.] ; отв. ред. О. Н. Садилов. – Москва: Юринформцентр, 1995.

7. Габоев Б.Х. Проблемы классификации недействительных сделок на ничтожные и оспоримые // Бизнес в законе. – 2010. – №3.

8. Глоов Д.Х. Недействительность сделок на основании ст. 168 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2018. - № 8.

9. Евстигнеев Э.А. Проблема дуализма императивных норм в свете применения ст. 168 ГК РФ. Ответ на статью А.Г. Карапетова и Д.О. Тузова // Вестник гражданского права. - 2018. - №3.

10. Карапетов А.Г., Тузов Д.О. Сделки, совершенные в противоречии с императивными нормами закона, в контексте новой редакции ст. 168 ГК РФ // Вестник гражданского права. - 2016. - №5.

11. Мальков Ф.О. Оспоримые и ничтожные сделки в гражданском праве России // Актуальные научные исследования в современном мире. - 2020. - №10.

12. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Институт русского языка РАН; Российский фонд культуры. – Москва: «Азъ», 1992.

13. Сафронов Д.А. Понятие недействительности сделки и разграничение ничтожных и оспоримых сделок // В сборнике: Научные исследования: векторы развития. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Главный редактор О.Н. Широков. 2017.

14. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 - 208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. [Электронное издание. Редакция 1.0].
15. Скворцова Т. А., Мускевич А. В., Джаватханова П. М. Правовая сущность недействительных сделок // Пробелы в российском законодательстве. - 2018. - №7.
16. Тололаева Н. В. Соотношение некоторых оснований недействительности сделки / Н. В. Тололаева // Судья. – 2015. – №10.

Сведения об авторах: **Мельникова Мария Игоревна**, магистрант кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Алтайский край, e-mail: 67678709@mail.ru

Холоденко Юрий Витальевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Алтайский край, holodenko@de-kons.ru, 8-903-910-13-33

Милованов Никита Евгеньевич, магистрант кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

Блинова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

ЗАЩИТА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В данной статье авторы рассматривают актуальные на сегодня вопросы, связанные с защитой авторских прав на произведения литературы, размещенные в сети Интернет. Авторы анализируют понятия «произведения

литературы», «сеть Интернет», юрисдикционные способы защиты авторских прав, оценивают их эффективность, а также задаются вопросом о причинах посягательства на чужой интеллектуальный труд.

Ключевые слова: защита авторских прав, произведения литературы, авторы, правообладатели, Интернет.

Культура и искусство являются неотъемлемой частью разумного человека, при этом во многих людях таится огромный творческий потенциал. Благодаря сети Интернет любой человек может разместить свой литературный труд на всеобщее обозрение, вследствие чего с этим произведением могут ознакомиться миллионы читателей. Но обладая такой огромной «площадкой для размещения творчества», многие авторы сталкиваются с «темной» стороной всемирной сети, а именно пиратством. Только в 2020 году, по информации сайта «Российская газета», россияне прочитали пиратских книг на 8 млрд рублей [1].

Вместе с тем, авторы сталкиваются как с пиратством, так и с плагиатом: главным отличием пиратства от плагиата является «получение денежной выгоды с использованного произведения» [2, с. 251]. Если при плагиате лицо, совершившее данное нарушение, всего лишь выставляет себя автором некоего творческого труда, то пиратство сопровождается еще фактором «незаконной выгоды». Соответственно, пиратство можно расценивать как более серьезное нарушение, чем плагиат.

Сказанное означает, что авторы сталкиваются не только с потенциальной потерей прибыли, но и с посягательством на гарантируемое законом право на авторство, куда включается право на имя и на неприкосновенность произведения (п. 2 ст. 1255 ГК РФ [3]). Таким образом, пиратство представляет незаконное копирование и распространение чужой интеллектуальной собственности, без ведома правообладателя, с целью удовлетворения личной выгоды.

В законодательстве Российской Федерации нет официального определения пиратства с точки зрения посягательства на чужой интеллектуальный труд. Описывая данное явление, отечественный законодатель используют синонимичное понятие «нарушение авторских прав» [2, с. 251].

Равным образом в российском законодательстве не дается четкого определения понятия «произведение литературы», но в статье 1259 ГК РФ указано, что произведения литературы являются объектами авторского права. Следовательно, есть смысл обратиться к подпункту 1 статьи 2 Бернской Конвенции, где литературные произведения «охватывают любую продукцию в области литературы, включая книги, брошюры и другие письменные произведения» [4].

Анализ источников позволяет заключить: вне зависимости от достоинств (качества итогового произведения), назначения (без учета цели создания творческого результата) и способа выражения (не имеет значения в какой форме или жанре автор выпускает свой труд), любое произведение литературы рассматривается и защищается законом.

Наконец, понятие «сеть Интернет» также единообразно не определено на законодательном уровне, но некоторые законы все же им оперируют: так, согласно статье 4 федерального закона от 1 июля 2021 года № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» под осуществлением деятельности в «сети Интернет» понимается владение сайтом в сети «Интернет», и (или) страницей сайта в сети «Интернет», и (или) информационной системой, и (или) программой для электронных вычислительных машин [5]. Сходное определение предлагает А.С. Анисимова, это: «глобальная децентрализованная система информационно-телекоммуникационных сетей, предназначенная для передачи информации посредством вычислительной техники и связи» [6, с. 7].

В законодательстве США определение сети Интернет закреплено в Акте об онлайн-защите частной жизни детей (Children's Online Privacy Protection Act

1998), согласно которому Интернет представляет собой объединение множества компьютеров и телекоммуникационных систем, включая оборудование и программное обеспечение, образующих взаимосвязанную глобальную сеть сетей, основывающуюся на протоколах, предшествующих им или основывающихся на них, и предназначенную для обмена информацией проводным и беспроводным методами [7]. Добавим, что в 2021 году в целях усиления защиты лиц был внесен законопроект, расширяющий сферу действия – Children and Teen’s Online Privacy Protection Act.

В основе противоправного поведения лиц может быть одна или несколько из 5 причин: 1) экономическая (отсутствие средств для приобретения книги платно); 2) культурная (отсутствует понимание платности авторского труда); 3) высокий технический уровень нарушителей авторских прав в сети Интернет; 4) недостаточное удобство и распространенность официальных сайтов (отсутствие информации о легальном приобретении книги); 5) государственная цензура [8, с. 54].

В соответствии с пунктом 1 статьи 1250 ГК РФ интеллектуальные права защищаются способами, предусмотренными законодательством, с учетом характера нарушенного права и последствий его нарушения. Следовательно, природа нарушенного права является определяющим критерием в выборе способа защиты, подлежащего применению.

В статье 1252 ГК РФ перечисляются способы защиты исключительных прав на интеллектуальное право, которые осуществляются путем предъявления требования: о признании права; о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; о возмещении убытков; об изъятии материального носителя; о публикации решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя; иные способы [9, с. 66].

В юридической литературе ведется полемика относительно правовой природы следующих способов защиты: пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, и восстановление положения,

существовавшего до нарушения права. Размещение данных способов в одном абзаце статьи 12 ГК РФ дает основание некоторым авторам рассматривать их в качестве единого способа защиты авторского права [10]. По мнению других, указанные способы могут быть использованы управомоченным субъектом как совместно, так и по отдельности, в зависимости от его потребностей. Кроме того, принцип восстановления положения, существовавшего до нарушения права, может использоваться в качестве критерия для применения других способов защиты.

Так, согласно правовой позиции, изложенной в Постановлении четырнадцатого арбитражного апелляционного суда, размер компенсации за неправомерное использование объекта интеллектуальной собственности должен определяться исходя из необходимости восстановления имущественного положения правообладателя, т. е. в то имущественное положение, в котором находился бы правообладатель, если бы объект интеллектуальной собственности использовался правомерно [11].

Однако единый подход в судебной практике отсутствует: специфика объектов авторского права исключает возможность установления точной величины убытков, тем самым позволяет взыскать в пользу лица, чье право нарушено, компенсацию в размере, превышающем причиненные убытки.

Специальным способом защиты авторского права является требование об изъятии контрафактного материального носителя, в котором выражено произведение. Однако в случае нарушения интеллектуальных прав в информационной среде Интернет изъятие и уничтожение материальных носителей не является эффективной мерой защиты. Это связано с тем, что материальный носитель, содержащий нелегальную копию произведения (как правило, жесткий диск компьютера или же облако) содержит, помимо нелегальной копии, множество информации законного характера [10].

В этой связи нельзя не упомянуть зарубежный опыт. В настоящее время никакие национальные системы права и инфраструктуры открытых информационных сетей не обеспечивают гарантированной защиты информации

пользователей. Информация, получаемая из сети Интернет или отправляемая через сеть Интернет, может быть искажена, сфабрикована, прочитана и распространена без ведома авторов. Бесконтрольное использование шифровальных средств может сделать Интернет идеальной средой обмена криминальной информацией [12, с. 196].

Важным прецедентом в иностранном правовом регулировании в сфере Интернета является немецкий закон т. н. Мультимедийный закон (Gesetz zur Regelung der Rahmenbedingungen für Informations- und Kommunikationsdienste). В отличие от американских, немецкие законодатели возлагают ответственность за содержание, предоставляемое третьей стороной, на провайдеров услуг. Здесь в императивной форме провайдеру предписывается обязанность по блокировке незаконной информации [13].

Ассоциация британских издателей создала свой портал по выявлению нарушений авторского права, чтобы помочь членам ассоциации находить крупные пиратские сайты, сообщать о них и способствовать их закрытию, а также собирать статистику по масштабу интернет-пиратства британских книг. Когда появляется подозрение в нарушении, издатель заходит на портал со своего уникального логина и вводит детали нарушения. Система идентифицирует поставщика интернет-услуг, проверяет, есть ли у сайта история нарушений, автоматически составляет и высылает уведомление о нарушении. Издатели могут проследить за удалением нелегального материала и удостовериться, что он не будет выложен на этом сайте снова. Также есть возможность проверить, нарушал ли этот сайт права других издателей [2, с. 253].

Подводя итог, необходимо акцентировать внимание на том, что следует проводить работу по повышению защиты авторских прав в сети Интернет как минимум в трех направлениях: во-первых, развитие международного взаимодействия для обмена опытом по решению данной проблемы; во-вторых, оптимизация скорости и эффективности реагирования на нарушения авторских

прав в компьютерной сети; в-третьих, совершенствование законодательства в сфере защиты авторских прав.

Библиографический список

1. Россияне прочитали пиратских книг на 8 млрд рублей // URL: <https://rg.ru/2021/04/25/rossiiane-prochitali-piratskih-knig-na-8-mlrd-rublej.html> (дата обращения: 28.05.2023).
2. Хаитова Н.Д., Лебягин К.О. Пиратство: охрана и защита авторских прав // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 5-2 (33).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // СЗ РФ. – 2006. – № 52 (ч. I). – Ст. 5496.
4. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (в ред. от 02.10.1979) // Бюллетень международных договоров. – 2003. – № 9.
5. О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации: федеральный закон от 1 июля 2021 года № 236-ФЗ // СЗ РФ. – 2021. – № 27 (ч. I). – Ст. 5064.
6. Анисимова А.С. К вопросу о понятии сети «Интернет» в теории права и законодательстве // Юридическая наука. – 2015. – № 4.
7. Children's Online Privacy Protection Act 1998 // URL: <https://www.congress.gov/117/bills/s1628/BILLS-117s1628rs.pdf> (дата обращения: 28.05.2023).
8. Деньщикова А.А. Интернет-пиратство в России: будущее и настоящее // Правовая защита, экономика и управление интеллектуальной собственностью: материалы научно-практической конференции, Екатеринбург, 24 апреля 2014 г. – Екатеринбург: УрФУ, 2014.
9. Ленковская Р.Р., Шиловская А.Л. Особенности защиты авторских прав в сети Интернет // Социально-политические науки. – 2017. – № 5.
10. Гончарова Я.А. Способы защиты интеллектуальных прав на аудиовизуальные произведения в сети Интернет, применяемые независимо от

вины нарушителя // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2018. – № 2 // СПС Консультант Плюс.

11. Постановление четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.07.2019 по делу № А05-17421/2018 // СПС Консультант Плюс.

12. Кванталиане И.Э. Проблема сдерживания и предотвращение угроз в международной информационной среде // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 3 (50).

13. Gesetz zur Regelung der Rahmenbedingungen für Informations- und Kommunikationsdienste (Informations- und Kommunikationsdienste-Gesetz-LuKDG) vom 22/07/1997 // Bundesgesetzblatt Teil I vom 28.07.1997. – S. 1870.

Сведения об авторах: **Милованов Никита Евгеньевич**, магистрант кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета. E-mail: enterprise050@gmail.com, телефон: 8-983-187-5001

Блинова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета. E-mail: jblinova@yandex.ru, телефон: 8-909-503-5917

Савина Анастасия Андреевна, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Холоденко Юрий Витальевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Анализируются особенности правового регулирования прав потребителей в условиях пандемии COVID-19. Рассматривается проблема защиты прав

потребителей в сфере туристических услуг в контексте применения судами Закона Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», также Постановления Правительства Российской Федерации № 1073. Поднимается вопрос о соответствии возникших правоограничений международным нормам. Обращается внимание на нормотворческую деятельность государства, направленную на минимизацию возникших в новых условиях рисков.

Ключевые слова: правовое регулирование, защита прав потребителей, ограничение прав, правовые гарантии, потребитель, туристский продукт.

На сегодняшний день трудно отрицать, что пандемия COVID-19 практически парализовала экономику отдельных стран, что привело к самому серьезному глобальному экономическому шоку за последние десятилетия. Каким образом данная ситуация отразилась на сфере защиты потребительских прав? Прежде всего, в условиях падения доходов потребителей во многих странах был зафиксирован рост потребительских цен, дефицит медицинских товаров, появились новые формы обмана потребителей, связанные с темой пандемии. Помимо этого, обострилась проблема цифрового неравенства: взрывное развитие интернет - торговли практически не затронуло регионы со слабым распространением современных каналов связи. Именно поэтому в условиях подобной экономической нестабильности, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции, проблемы защиты прав потребителей приобрели особую значимость.

Следует обратить внимание, что в России гарантии защиты прав потребителей названы в Гражданском кодексе, Законе РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 "О защите прав потребителей" и других федеральных законах. Также применяются нормы международного права – например, Руководящие принципы для защиты интересов потребителей, Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок от 28 мая 1989 года, Соглашение об основных направлениях сотрудничества государств-участников СНГ в области

защиты прав потребителей от 25 января 2000 года и Договор о Евразийском законодательство не предусматривает зависимость уровня гарантий потребителям от внешних условий и не предполагает возможности снижения этого уровня в период пандемии. Напротив, предполагается, что в этот период государство должно стараться обезопасить граждан от потенциальных рисков нарушения их прав и законных интересов. К числу приоритетных сфер, которые в условиях пандемии оказались наиболее уязвимыми в части таких нарушений прав потребителей, можно отнести следующие:

- банковская сфера и страхование;
- сфера туризма и авиаперевозок;
- сфера услуг ЖКХ;
- сфера онлайн-торговли;
- сфера продажи лекарств;
- сфера культуры (зрелищные мероприятия).

На примере одной из сфер - туристических услуг и авиаперевозок, чётко просматриваются некоторые проблемы в области защиты прав потребителей, обусловленные новой коронавирусной инфекцией. Так потребители в период пандемии пострадали не меньше, чем заемщики – забронированные ими туры были отменены, оплаченные средства размещения закрыты, а перелеты в зарубежные страны временно запрещены. Несмотря на наличие проблемных моментов защиты прав потребителей сферы туристических услуг и авиаперевозок, государство обеспечило ряд гарантий для потребителей. Роспотребнадзор, в частности, дал советы на случай ситуаций, связанных с отказом от:

- путешествия (при изменении договора турист и туроператор могут согласовать перенос даты путешествия на более поздний срок, а в случае расторжения договора потребитель вправе вернуть всю стоимость тура до начала путешествия, а после начала путешествия – ее часть в размере, пропорциональном стоимости неокказанных услуг);

- самостоятельно забронированного перелета (по заявлению потребителя о вынужденном отказе от перевозки в связи с отменой или изменением рейса перевозчиком пассажиру должны вернуть уплаченную за перевозку сумму, а при отказе от перевозок по направлениям, где не введены запреты или ограничения на движение, возврат денежных средств можно требовать на основании ст. 451 ГК РФ со ссылкой на существенно изменившиеся обстоятельства);
- бронирования гостиницы на сайтах исполнителей услуг и крупных сервисах бронирования (возможность возврата средств зависит от того, использован возвратный или невозвратный тариф, также можно воспользоваться чарджбэком – процедурой отмены операции по картам платежных систем Visa, MasterCard, МИР) и т. д. [1]

Действительно, многие авиакомпании согласовали возврат денежных средств или гарантировали перенос бронирования на будущие даты, предоставляли бонусные или иные неденежные компенсации. Находясь в стрессовом состоянии, подстраиваясь к новым реалиям жизни, некоторые граждане оказались не готовы к конструктивному разрешению сложившейся ситуации по аннулированию туров и стали защищать нарушенные права в установленном законом порядке, т.е. путем обращения в суд. Именно в судебной практике неоднократно можно встретить случаи, когда туроператоры отказывали в возврате денежных средств. Рассмотрим подробнее проблемы разрешения правовых споров, связанных с возвратом денежных средств, уплаченных за туристический продукт.

Начать следует с особенностей правового регулирования. Так, Правительством РФ было принято Постановление № 1073 от 20.07.2020 г. «Об утверждении Положения об особенностях на 2020 и 2021 годы исполнения и расторжения договора о реализации туристского продукта, заключенного по 31 марта 2020 г. включительно туроператором, осуществляющим деятельность в сфере внутреннего туризма, и (или) въездного туризма, и (или) выездного туризма, либо турагентом, реализующим туристский продукт, сформированный таким

туроператором, включая основания, порядок, сроки и условия возврата туристам и (или) иным заказчикам туристского продукта уплаченных ими за туристский продукт денежных сумм или предоставления в иные сроки равнозначного туристского продукта, в том числе при наличии обстоятельств, указанных в части третьей статьи 14 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», пунктом 5 которого предусмотрен возврат внесенных туристами денежных средств не позднее 31 декабря 2021 г. за исключением случаев, предусмотренных пунктами 6 и 7 Положения от 20.07.2020 г [2, ст.14].

Согласно положениям ст. 32 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», потребитель вправе отказаться от исполнения договора о реализации туристского продукта в любое время при условии оплаты фактически понесенных исполнителем расходов [3, ст.32]. Это же подтверждает и п. 1 ст. 782 Гражданского кодекса РФ [4, ст. 782]. При этом возврат денежной суммы, равной общей цене туристского продукта, а после начала путешествия - ее часть в размере, пропорциональном стоимости не оказанных туристу услуг возможен в случаях, определенных Законом № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [5, ст.10; ст. 11.6; ст. 14; ст. 17.1; 17.4].

Однако в условиях развития коронавирусной инфекции решения и рекомендации органов власти не всегда коррелируют с реальным авиасообщением. Кроме того, действовавшие ещё до принятия Постановления № 1073 правовые нормы не были рассчитаны на возможность одномоментного обращения значительного числа туристов в условиях приостановки деятельности туроператоров и турагентов по независящим от них причинам.

Таким образом, Постановление № 1073 регулирует те же правовые отношения, что и Закон № 2300-1, ограничивая права потребителя в части сроков возврата потребителю внесенных им денежных средств. При этом в Постановлении № 1073 не указано, что в отношении исполнения и расторжения договора о реализации туристского продукта, заключенного по 31 марта 2020 г.

включительно туроператором, осуществляющим деятельность в сфере внутреннего туризма, и (или) въездного туризма, и (или) выездного туризма, либо турагентом, реализующим туристский продукт, сформированный таким туроператором, Закон № 2300-1 применяется лишь в части, не противоречащей Постановлению № 1073. Следовательно, в данном случае может идти речь о коллизии норм права. Отсюда вопрос: а каким же актом должен руководствоваться суд, вынося решение?

В настоящее время можно привести примеры как судебной практики, связанной с удовлетворением требований потребителей, предпочитающих в обоснование своих требований ссылаться на нормы Закона № 2300-1, а не на нормы Постановления № 1073, так и судебной практики, связанной с отказом заявителям.

Таким образом, удовлетворение требований потребителей имело место в тех случаях, когда суды применяли Закон № 2300-1 и, напротив, отказ в удовлетворении требований заявителей был обусловлен применением Постановления № 1073.

В настоящее время практику применения Постановления № 1073 можно условно разделить на четыре группы:

Первая группа: постановление № 1073 не упоминается, несмотря на то, что к моменту рассмотрения заявленных истцом требований оно уже вступило в силу.

Вторая группа: постановление № 1073 упоминается, но не применяется без указания оснований (например, Ленинский районный суд г. Ульяновска, вынося решение от 04 августа 2020 г. по гражданскому делу № 2-2624/2020, посчитал, что доводы туроператора о необходимости применения к договору с истицей особого порядка его расторжения, предусмотренного Постановлением № 1073, «не являются основанием к отказу в удовлетворении иска и возврате истице денежных средств по договору. Более того, этим постановлением Правительства РФ также предусмотрена возможность отказа туриста от

переноса тура и получения уплаченной им за тур денежной суммы обратно») [6].

Третья группа: постановление № 1073 упоминается, но не применяется, поскольку не имеет обратной силы (например, 29 июля 2020 г. Савеловский районный суд г. Москвы, рассмотрев гражданское дело № 2-4135/20, сделал вывод о том, что, так как заявление об отказе от договора с требованием о возврате уплаченных по договору денежных средств было предъявлено истцом 14.03.2020 г., до начала путешествия, а в силу п. 1 ст. 450.1 ГК РФ договор прекращается с момента получения данного уведомления, договор о реализации туристского продукта от 12.01.2020 г., заключенный между сторонами, был расторгнут как до начала путешествия, так и до вступления в законную силу Постановления № 1073. При этом, как указал суд, Постановление № 1073 от 20.07.2020 г., вступившее в законную силу 24.07.2020 г., распространяет свое действие на отношения (договоры), возникшие до 31.03.2020 г., но применяется к правам и обязательствам, возникшим после введения его в действие. Согласно такой логике, на случаи, когда договор о реализации туристского продукта уже расторгнут, действие Постановление № 1073 не распространяется») [7].

Четвёртая группа как раз иллюстрирует применение судами Постановления № 1073 (например, Решением Пушкинского городского суда Московской области по гражданскому делу № 2-2532/2020 от 04 августа 2020 г. отказано в удовлетворении требований о расторжении договора, взыскании суммы оплаты, неустойки, штрафа, компенсации морального вреда, судебных расходов. Как указал суд, учитывая, что стороны пришли к соглашению о расторжении договора на оказание туристских услуг, заключенного до 31 марта 2020 г., у туроператора возникла обязанность по возвращению денежных средств в испрашиваемой истцом сумме. Вместе с тем, поскольку установленные Постановлением № 1073 сроки для возврата денежных средств не истекли, суд пришел к выводу о том, что требования истца являются

преждевременными, основания для удовлетворения иска в данной части отсутствуют) [8].

Исходя из вышесказанного очевиден факт отсутствия единообразия судебной практики. Можно сделать вывод о том, что для полноты правового регулирования необходимо четкое указание на обратную силу Постановления № 1073. Кроме того, Постановлением № 1073 не установлен порядок урегулирования правоотношений сторон договора о реализации туристского продукта, заключенного по 31 марта 2020 г. включительно туроператором, осуществляющим деятельность в сфере внутреннего туризма, и (или) въездного туризма, и (или) выездного туризма, либо турагентом, реализующим туристский продукт, сформированный таким туроператором, если на момент вступления указанного Постановления в силу (24.07.2020 г.) указанный договор уже был расторгнут.

Относительно соответствия международным нормам необходимо отметить следующее. Сиракузскими принципами о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в международном пакте о гражданских и политических правах, принятыми Экономическим и социальным советом ООН по правам человека 28 сентября 1984 г., определены требования к подобного рода ограничениям. В соответствии с подп. в п. 10 необходимым ограничением можно признать лишь то, которое в том числе отвечает насущной общественной или социальной необходимости [9, подп. в, п. 10].

Представители уполномоченных органов и организаций всего международного сообщества призывают потребителей взаимодействовать с исполнителями и продавцами, указывая на то, что такой подход соответствует интересам всех сторон. Хотя и здесь можно проследить определённую логику, ведь очевиден факт, что указанные рекомендации вызваны тем, что одновременное обращение в суд значительного числа потребителей приведет к невозможности защиты нарушенных прав вследствие банкротства предпринимателей и недостаточности их средств для выплат всем потребителям.

Безусловно, ограничения в сфере туризма, да и передвижений в целом, усугубили экономическую и социальную напряженность в обществе. В некоторых случаях изменение планов на отпуск обусловлено падением доходов, что лишает туристическую отрасль притока финансирования в ближайшем будущем. Так, согласно данным исследования Аналитического центра НАФИ «Российский бизнес и коронавирус. Спецпроект. Часть 1. Предприниматели о влиянии эпидемии на их бизнес и о потребности в господдержке», по мнению предпринимателей, сфера туризма пострадала от распространения коронавируса во вторую очередь после сферы общественного питания [10]. Соответственно, речь идёт об увеличении вероятности массовых банкротств в данном секторе экономики, что в свою очередь противоречит интересам потребителей туристических услуг.

Из вышесказанного следует, что ограничение прав потребителей, проявляющееся в уменьшении арсенала, предоставленного потребителям для защиты своих прав, соответствует подп. в п. 10 Сиракузских принципов о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в международном пакте о гражданских и политических правах.

При всей неоднозначности судебной практики, при наличии проблемных моментов в сфере защиты потребителем своих прав, нужно сказать, что государство всё же не обходит своим вниманием такого рода пробелы. Если отойти от вышерассмотренной сферы туризма и авиаперевозок и обратиться к другим уязвимым в условиях пандемии областям, можно проследить явную тенденцию к выработке со стороны государства новых механизмов противодействия возникшим рискам.

Например, не меньше остальных «пострадали» любители зрелищных мероприятий, поскольку в период пика распространения новой коронавирусной инфекции любые зрелищно-развлекательные мероприятия были отменены. В целях защиты прав потребителей Правительство РФ в своём Постановлении сформировало новые правила возврата средств за купленные билеты на несостоявшиеся культурные мероприятия. Правила предусматривали особый

порядок отмены, замены или переноса проводимого организацией исполнительских искусств или музеем зрелищного мероприятия в условиях чрезвычайных ситуаций, режима повышенной готовности.

В частности, организации обязали размещать на своем сайте информацию об отмене зрелищных мероприятий в связи с введением ограничительного режима, а в случае их переноса – указывать дату и время проведения мероприятия после отмены введенного режима, а также информацию о возможности его посещения по ранее приобретенному посетителем билету [11, п. 3.1].

На определённого рода уступки пошло государство и в сфере предоставления жилищно-коммунальных услуг. Так, учитывая возможное снижение доходов граждан в период действия ограничительных мер и признавая особую социальную значимость услуг ЖКХ для потребителей, Правительство РФ ввело мораторий сроком до 1 января 2021 года на начисление и взыскание неустойки по долгам за ЖКУ. Взыскание неустойки (штрафа, пени) было приостановлено при несвоевременном внесении платы за жилое помещение, коммунальные услуги и взносов на капремонт или внесении ее не в полном размере. Одновременно с этим был установлен запрет на ограничение предоставления коммунальных услуг в случае их несвоевременной оплаты гражданами.

Кроме того, гражданам, получающим субсидии на оплату жилого помещения и ЖКУ, было продлено право на получение указанных субсидий без дополнительного подтверждения, если срок предоставления субсидии истекал в период с 1 апреля по 1 октября 2020 года [12].

Таким образом, защита интересов потребителей является одним из основополагающих правовых институтов, лежащих в основе функционирования государства, ориентированного на активную социальную политику. В неблагоприятных санитарно-эпидемиологических условиях, негативно влияющих на развитие рынка товаров и услуг, вопросы эффективной защиты потребительских прав приобрели особую значимость, что, как можно заметить, учло государство. Важно заметить, что законодатель стремится оперативно реагировать на современные угрозы нарушения прав потребителей,

о чем свидетельствует не только постоянная модернизация положений Закона о защите прав потребителей (за время его действия было принято более 30 законов с поправками), но и принятие подзаконных актов, выпуск уполномоченными органами рекомендаций и разъяснений, направленных на урегулирование наиболее острых вопросов и разрешение спорных нюансов во взаимоотношениях потребителей с изготовителями, исполнителями и продавцами.

Но вместе с этим, необходимость определённого рода ограничений прав потребителей, что также предусмотрено правовыми нормами (например, Постановлением № 1073, речь о котором шла выше), вызвана высокой вероятностью кризиса различных отраслей экономики, запросом общества на оперативное правовое урегулирование вопросов, возникающих из заключенных договоров в условиях распространения коронавирусной инфекции. Да, это вызывает спорные моменты в судебной практике, это порождает определённые конфликтные ситуации, но всё же речь в любом случае идёт о стремлении государства, и, прежде всего, нормотворческим путём, минимизировать возможные негативные последствия условий пандемии в области защиты прав потребителей.

Библиографический список

1. Памятка Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 13 апреля 2020 г. «Коронавирус COVID-19: какие права есть у потребителя и как их защитить? (ответы на типовые вопросы)» // <https://docs.cntd.ru/document/564647721> / (дата обращения: 15.03.2022).
2. Постановление Правительства РФ "Об утверждении Положения об особенностях на 2020 и 2021 годы исполнения и расторжения договора о реализации туристского продукта, заключенного по 31 марта 2020 года включительно, туроператором, осуществляющим деятельность в сфере внутреннего туризма, и (или) въездного туризма, и (или) выездного туризма, либо турагентом, реализующим туристский продукт, сформированный таким

туроператором, включая основания, порядок, сроки и условия возврата туристам и (или) иным заказчикам туристского продукта уплаченных ими за туристский продукт денежных сумм или предоставления в иные сроки равнозначного туристского продукта, в том числе при наличии обстоятельств, указанных в части третьей статьи 14 Федерального закона "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации" от 20.07.2020 № 1073 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020 г. - № 31. - Ст. 5167.

3. Закон Российской Федерации "О защите прав потребителей" от 07.02.1992 № 2300-1 // Российская газета. - 1992 г. - с изм. и допол. в ред. от 11.06.2021.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996 г. - № 5. - Ст. 410.

5. Федеральный закон "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации" от 24.11.1996 № 132-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996 г. - № 49. - Ст. 5491.

6. Решение Ленинского районного суда г.Ульяновска от 04.08.2020 по делу № 2-2624/2020 // https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/38e/Obzor_-Obzor-sudebnoy-praktiki-v-svyazi-s-koronavirusom-_Ko-_1_.pdf / (дата обращения: 15.03.2022).

7. Решение Савеловского районного суда г. Москвы от 29.07.2020 по делу № 2-4135/20 // https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/38e/Obzor_-Obzor-sudebnoy-praktiki-v-svyazi-s-koronavirusom-_Ko-_1_.pdf / (дата обращения: 15.03.2022).

8. Решение Пушкинского районного суда Московской области от 04.08.2020 по делу № 2-2532/2020 // https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/38e/Obzor_-Obzor-sudebnoy-praktiki-v-svyazi-s-koronavirusom-_Ko-_1_.pdf / (дата обращения: 15.03.2022).

9. Сиракузские Принципы Толкования Ограничений и Отступлений от Положений Международного Пакта о Гражданских и Политических Правах

(1985). URL: [https:// www.legislationline.org/ru/documents/id/14623](https://www.legislationline.org/ru/documents/id/14623) (дата обращения: 15.03.2022).

10. Исследование Аналитического центра НАФИ «Российский бизнес и коронавирус. Спецпроект. Часть 1. Предприниматели о влиянии эпидемии на их бизнес и о потребности в господдержке» // https://nafi.ru/upload/iblock/4a0/4a0d7_e3527898d85864debd89db2dd73.pdf / (дата обращения: 15.03.2022).

11. Постановление правительства РФ "Об утверждении Положения об особенностях отмены, замены либо переноса проводимого организацией исполнительских искусств или музеем зрелищного мероприятия, в том числе в части порядка и сроков возмещения стоимости билетов, абонементов и экскурсионных путевок на такие мероприятия, при угрозе возникновения и (или) возникновении отдельных чрезвычайных ситуаций, введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на всей территории Российской Федерации либо на ее части" от 03.04.2020 № 442 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020 г. - № 15. - Ст. 2296 с изм. и допол. в ред. от 10.08.2020.

12. Памятка Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 15 мая 2020 г. "О моратории на оплату услуг ЖКХ в период пандемии коронавируса" // <https://base.garant.ru/74026184/> (дата обращения: 15.03.2022).

Сведения об авторах: **Савина Анастасия Андреевна**, студент Юридического института Алтайского государственного университета, anastasiya.savina.02@list.ru, 89609373050;

Холоденко Юрий Витальевич, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета, holodenko@de-kons.ru, 89039101333

Черкашин Никита Олегович, магистрант кафедры гражданского права
Юридического института Алтайского государственного университета

Блинова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
гражданского права Юридического института Алтайского государственного
университета

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Целью настоящей статьи является осмысление способов определения размера компенсации морального вреда, определенных на основе существующей российской правовой доктрины и зарубежного права. В статье раскрывается действующий порядок определения размеров компенсации морального вреда в России, оценивается востребованность этого института права, проводится сравнение российского и зарубежного законодательства в области возмещения морального вреда.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация морального вреда, определение размера компенсации морального вреда, неимущественный вред.

Согласно действующему гражданскому законодательству при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства [1]. Здесь стоит отметить, что в российской правовой действительности, в отличие от ряда зарубежных стран, при определении размера компенсации морального вреда господствует принцип свободы усмотрения суда, что приводит к формированию непоследовательной судебной практики и, следовательно, к пробелам в защите нарушенных прав.

Размер компенсации морального вреда определяется судом индивидуально в каждом отдельном случае в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины

причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда; при этом должны учитываться требования разумности и справедливости. Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права (например, жизнь, здоровье, достоинство личности, свободу, личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, неприкосновенность жилища, свободу передвижения, свободу выбора места пребывания и жительства, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, право на уважение родственных и семейных связей, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на использование своего имени, право на защиту от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения, право авторства, право автора на имя, другие личные неимущественные права автора результата интеллектуальной деятельности и др.) либо нарушающими имущественные права гражданина [2]. Таким образом, общее понятие «моральный вред» представлено двумя видами страданий – физическим и нравственным.

Физическое страдание определяется как страдание тела, а нравственное – как страдание разума или сознания, например, когда оказывается раскрыта тайна завещания. Страдание предполагает, что действия причинителя вреда должны найти отражение в сознании потерпевшего в форме ощущений и переживаний. Содержанием переживаний может являться страх, стыд, унижение или иное неблагоприятное состояние [3, с. 160].

В российской правовой практике компенсация морального вреда представляет собой один из самых неустойчивых на практике институтов права. При этом данный правовой механизм активно используется гражданами для защиты

своих прав. Непоследовательность судов при назначении компенсации морального вреда влечет за собой фактическое умаление нравственных и физических страданий граждан государством.

Л.Р. Шаяхметова и А.М. Никифорова отмечают случай, когда за схожий состав преступления – нанесение побоев женщине, приведшее к перелому носа, требующему хирургического вмешательства, размер присужденной компенсации различается в шесть раз, 5 000 рублей и 30 000 соответственно. При этом, в первом случае размер компенсации был снижен судом с 50 000 рублей до 5 000, а во втором, сумма компенсации изначально была оставлена судом без изменений [4, с. 198-199].

В целом в практике рассмотрения дел о возмещении морального вреда за причинение вреда жизни и здоровью сложились определенные традиции в отношении определения размера компенсации. По приблизительным оценкам сумма, близкая к 100 000 руб., считается весьма значительной и присуждается, как правило, в связи с причинением смерти близкому родственнику истца [5, с. 93].

Размер компенсации морального вреда различается порой весьма существенно для различных судов Российской Федерации. При этом стоит признать, что необычайно высокая степень неопределенности правового результата для исковых производств и, со стороны юриста-практика, запросов клиента в части определения размера компенсации морального вреда сегодня является одним из существенных вопросов актуальной юридической деятельности и оказывает негативное влияние на качество защиты прав граждан и экономическую деятельность страны в целом. До сих пор, практика присуждения компенсации морального вреда остается размытой, о чем есть свежие примеры: судебная коллегия сделала вывод, что поскольку судом выясняются обстоятельства дела (право на реабилитацию по ч. 1 ст. 133 УПК РФ), а также связанные с ними нравственные страдания личности, исследование и оценка таких обстоятельств не могут быть формальными, а в решении суда должны быть приведены

конкретные мотивы, суда, которыми он руководствовался при назначении размера компенсации морального вреда [6].

Существуют разные подходы к определению размера компенсации морального вреда. Так, Е.С. Климовичем предлагается использовать для оценки денежной компенсации морального вреда полное расчетное время, затраченное истцом на судебную защиту своих прав (Трасч), которое может быть определено по формуле: $Трасч = Тфакт \times Ксл$. Здесь Ксл – коэффициент сложности ситуации, учитывающий нервное и стрессовое состояние человека при реализации судебной защиты своих прав [7, с. 90].

Однако подход, согласно которому предлагается рассчитывать вред исходя из уровня испытанного стресса или нервного напряжения натывается на очевидные препятствия при реализации: суд не может взглянуть на мир глазами потерпевшего и точно измерить размер причиненных страданий, неизбежны и приблизительные расчеты, а приблизительность расчетов одного из показателей формулы (Ксл) ставит под сомнение ее всю. Далее, если компенсацию морального вреда ставить в зависимость от времени, затраченного лицом на защиту своих прав (Тфакт), то это может негативно повлиять на поведение сторон спора, которые будут стремиться ускорить или замедлить ход судебного разбирательства в ущерб его целям, предписанным в законе. Кроме того, для многих правоведов очевидно, что судье необходимы твердые границы размеров присуждаемой компенсации [8, с. 199].

Более подробная формула расчета была предложена А.М. Эрделевским: $D = d \times fv \times i \times c \times (1-fs) \times p$, где D – сумма компенсации действительного морального вреда; d – сумма компенсации презюмируемого морального вреда; v – характер вины причинителя вреда, при этом $0 < f < 1$; i – коэффициент индивидуальных особенностей потерпевшего, при этом $0 < i < 2$; c – коэффициент учета заслуживающих внимания фактических обстоятельств, при этом $0 < c < 2$; f – степень вины потерпевшего, при этом $0 < f < 1$ [9, с. 62-63]. Следует отметить, что формула расчета заявлена автором сравнительно давно и в некоторых

случаях, за неимением большей конкретики, представители потерпевшей стороны к ней время от времени обращаются.

Наконец, необходимо обратить внимание на вышедшие в 2023 году методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека, разработанные Комиссией по определению размеров компенсаций морального вреда, созданной Ассоциацией юристов России в 2019 году [10, с. 5]. Комиссией разработана с учетом зарубежного опыта т. н. методика мягкой стандартизации, которая предлагает определять критерии и методы расчета компенсации морального вреда в рамках четырех типов поэтапно: 1) компенсация за временные боль, страдания, нарушение привычного образа жизни и снижение качества жизни на период лечения (компенсация за временный дефицит здоровья); 2) компенсация за возникновение окончательного и не устраненного в результате лечения дефицита здоровья и связанные с этим боль, страдания, нарушение привычного образа жизни и снижение качества жизни (компенсация за постоянный дефицит здоровья); 3) компенсация за боль и страдания, возникшие в результате посягательства на физическую неприкосновенность человека, но не сопряженные с возникновением временного или постоянного дефицита здоровья (например, пытки, изнасилование); 4) компенсация за страдания, связанные с потерей близкого человека [10, с. 35].

На первом этапе определяется базовый уровень вменяемой компенсации (далее – БВК), который отражает объективизированные представления о справедливости ее размера в рамках модельного типизированного сценария (например, при отсутствии уникальных индивидуальных особенностей потерпевшего, при простой неосторожности причинителя и отсутствии вины потерпевшего). На втором этапе для целей учета конкретных обстоятельств дела методика предлагает судам данный базовый размер абстрактно вменяемой компенсации смещать в сторону увеличения или уменьшения с использованием определенных рекомендуемых коэффициентов пропорционально тому,

насколько обстоятельства конкретного дела отличаются от типизированного БВК-сценария (например, принимая во внимание форму вины причинителя, степень вины потерпевшего, индивидуальные особенности потерпевшего и т.п.). Полученная в результате применения таких коэффициентов к базовой вменяемой компенсации сумма может быть взята судом за основу как рекомендуемая итоговая величина компенсации [10, с. 36].

Таким образом, стоит отметить, что институт компенсации морального вреда в российской правовой действительности развивается. Российской правовой системе еще предстоит выработать действенный подход к защите личных неимущественных прав граждан, но со стороны доктрины первый шаг уже сделан.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.10.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 14.04.2023) // РГ. – 1994. – 8 дек.
2. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 // URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/31761/> (дата обращения: 15.07.2023).
3. Донцов С.Е., Глянцев В.В. Возмещение вреда по советскому законодательству. – М.: Юрид. лит., 1980.
4. Шаяхметова Л.Р., Никифорова А.М. Некоторые проблемы определения размера компенсаций морального вреда // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 2-2.
5. Ерофеев С.В., Ерофеев А.С. Медицинские и юридические аспекты проблемы возмещения морального вреда в связи с повреждением здоровья и причинением смерти // Перспективы развития и совершенствования судебно-медицинской науки и практики: материалы шестого всероссийского съезда судебных медиков (посвященные 30-летию Всероссийского общества судебных медиков). – М., Тюмень: Издат. центр «Академия», 2005.

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 апреля 2022 года № 5-КГ22-17-К2 // СПС Гарант.
7. Климович Е.С. Размер денежной компенсации морального вреда в случае нарушения прав гражданина // Закон. – 2007. – № 8.
8. Пустовалова И.Н., Валеева И.А. Современные подходы к методике определения размера компенсации морального вреда // Век качества. – 2021. – № 3.
9. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. – М.: Издательская группа ФОРУМ–ИНФРА-М., 1996. – С. 62-63.
10. Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека. – М.: М-Логос, 2023.

Сведения об авторах: **Черкашин Никита Олегович**, магистрант кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета. E-mail: nikitacherkashi4@gmail.com, телефон: 8-983-170-2358

Блинова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета. E-mail: jblinova@yandex.ru, телефон: 8-909-503-5917

Шувалов Артём Максимович, студент Юридического института Алтайского государственного университета

Научный руководитель – Платунова Татьяна Леонидовна, старший преподаватель кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета

САЛЬДИРОВАНИЕ, КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЗАЧЁТУ, В ПРОЦЕССЕ
НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

В статье характеризуется правовая природа сальдирования. Рассматриваются истоки, сравнение и соотношение с зачётом. Ввиду отсутствия законодательного регулирования исследована судебная практика, закрепляющая требования к формулировкам, при наличии которых условие считается согласованным сторонами. Тема данной статьи представляет интерес как с научно-теоретической, так и с практической точки зрения, поскольку сальдирование не является зачётом и, следовательно, не подлежит оспариванию в рамках банкротных дел.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), сальдирование встречных требований, зачет.

Одной из сложных проблем, с которой сталкиваются в случае банкротства, является вопрос допустимости зачета. Часто возникает ситуация, когда вы должны кому-то и в то же время должны вам. В таких случаях возможно договориться о зачете встречных требований, чтобы никто никому не был должен. Однако, когда ваш контрагент является банкротом, ситуация усложняется. Фактически, зачет запрещен, если он противоречит правилам очередности удовлетворения кредиторов. Если же попытаться произвести зачет требований еще до банкротства, существует риск, что сделка будет оспариваться в будущем. Однако, в последнее время судебная практика начала разрабатывать механизмы, чтобы кредиторы могли выйти из этой ситуации. Один из таких механизмов - сальдирование встречных требований, которое суды рассматривают более благосклонно. По своей сути, этот механизм похож на зачет, но его проведение в рамках банкротства разрешено.

В банкротстве, зачет дает преимущество одной стороне перед другими контрагентами, поэтому российское законодательство почти полностью запрещает его использование. Зачет позволяет прекратить требование, которое в противном случае могло бы быть учтено в конкурсной массе. Однако, запрет распространяется только на случаи, где предпочтение отдается одной стороне в

ущерб другим. Если соблюдается очередность и пропорциональность удовлетворения требований, то зачет может быть использован.

Что такое сальдирование? «Сальдирование» — это зачёт, происходящий без особого волеизъявления, а в силу ранее заключённого договора сторон либо нормы права. Попросту говоря, это зачёт встречных требований, который — вопреки, казалось бы, букве закона! — допускается в банкротстве [1].

Сальдирование отличается от традиционного зачёта тем, что оно происходит автоматически, без необходимости заявления со стороны. Это происходит в силу предварительно заключенного договора между сторонами или в соответствии с нормами права.

Важно отметить, что понятия «сальдирование» нет в законодательстве. Эта концепция полностью вытекает из судебной практики. Судебная практика определяет условия, при которых зачет встречных требований может быть признан допустимым в банкротстве как «сальдирование». Кратко говоря, для этого встречные требования должны быть достаточно связаны между собой.

Первые ростки теории сальдирования отношений появились еще в 2014 году. По договору выкупного лизинга лизингополучатель после внесения всех лизинговых платежей лизингодателю получает предмет лизинга в собственность. То есть взаимные обязательства сторон в этом договоре тесно связаны между собой, и попытка их разъединения может привести к несправедливым результатам [2].

Допустим, у человека был выкупной лизинг на автомобиль у лизинговой компании, общая стоимость которого составляла миллион. Он выплатил 900 тысяч лизинговых платежей компании, но затем обанкротился, и компания расторгла договор лизинга.

Можно сказать, что человек уже владеет автомобилем на 90% «по справедливости," но с точки зрения закона, собственником остается лизинговая компания. Если рассматривать ситуацию с точки зрения того, что компания не должна человеку ничего, это будет несправедливо по отношению к нему и его

кредиторам, которые могли бы воспользоваться полученными от компании средствами для удовлетворения своих требований.

В 2014 году Высший Арбитражный Суд РФ установил, что при расторжении договора выкупного лизинга необходимо определить "сальдо встречных обязательств", даже если это не предусмотрено самим договором. Это "сальдо" будет считаться завершающей обязанностью одной стороны перед другой, как указано в пункте 3.1 постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 [2].

Таким образом, в данном примере лизинговая компания должна будет добавить в конкурсную массу текущую стоимость автомобиля, за вычетом недоплаченных 100 тысяч, а также учесть возможные убытки и неустойки, связанные с расторжением договора. Если же "сальдо встречных обязательств" окажется в пользу компании, то требование на эту сумму будет включено в реестр требований кредиторов этого человека, как указано в пункте 13 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63 в редакции от 06.06.2014 [3].

Таким образом, договор выкупного лизинга стал первым типом договора, для которого суд высшей инстанции разработал теорию "сальдирования", которая позволяет автоматически учитывать встречные требования в случае банкротства.

Никаких норм, касающихся этой теории, нет в законе. Пленум ВАС ссылается только на общие нормы о добросовестности (пункты 3 и 4 статьи 1 Гражданского кодекса), чтобы обосновать свою теорию. Такое обоснование является типичным для российских судебных решений, отклоняющихся от буквы закона.

Следующий шаг в судебном правотворчестве на тему сальдирования был совершён уже после ликвидации ВАС (произведённой в 2014 году).

На этот раз в поле зрения высшего суда — теперь уже Верховного Суда РФ — попал договор подряда. В таком договоре, как и в договоре лизинга, у сторон может возникать множество встречных обязательств, которые тесно связаны между собой.

В 2018 году экономколлегия признала, что встречные обязательства, возникающие у сторон договора подряда, не могут быть учтены посредством зачета, а должны быть определены через установление "сальдо", как это было указано в определениях по делам № А46-6454/2015 [4] и № А40-67546/2016 [5]. Сначала Верховный суд разрешал использовать сальдирование только для договоров подряда и лизинга, но со временем его сфера применения расширилась. В 2019 году ВС вынес решение о законности использования сальдирования для обязательств по договорам подряда, договорам доверительного управления, договорам комиссии (дело № А40-159817/2019) [6] и договорам оказания услуг (дело № А19-12341/2018) [7].

В настоящее время Верховный суд продолжает расширять область применения сальдирования: если ранее в 2018 году применение этого института допускалось только в рамках одного договора, то теперь экономколлегия разрешила использовать сверку расчетов по нескольким договорам, объединенным "единой договорной связью" (дело № А19-12341/2018) [7]. Эта практика также используется нижестоящими судами. «Включение в сальдирование обязательств по различным, но взаимосвязанным договорам допускается, когда воля сторон, не заключивших единый договор с установлением условий, а определивших эти обязательства по разным договорам, фактически свидетельствует об их желании увязать все указанные обязательства в единое обязательственное отношение», – отмечал Арбитражный суд Уральского округа в постановлении по делу № А76-25957/2016 от октября прошлого года [8].

Из-за размытых границ между двумя понятиями, кредиторы, которые столкнулись с риском оспаривания в банкротстве, могут ссылаться на то, что произошло сальдирование, а не зачет. Для этого следует использовать доводы и обстоятельства, которые были использованы Верховным Судом, такие как порядок расчетов, вид договора, количество и взаимосвязанность. Суды сейчас часто механически применяют позиции высшей инстанции при совпадении обстоятельств конкретного дела с обстоятельствами дела, уже рассмотренного

ВС. Даже если стороны оформили вычитание взаимных обязательств документом, названным "акт о зачете", суд может признать это вычитание сальдированием, исходя из условий договора, так как границы между зачетом и сальдированием не всегда ясны и определяются на основе обстоятельств конкретного случая.

Сальдирование и зачет различаются по следующим признакам:

1. При сальдировании нет предпочтения одной из сторон перед другими кредиторами, в отличие от зачета;
2. Встречные предоставления должны быть реальными и иметь место на самом деле;
3. Сальдо взаимных предоставлений возникает автоматически и стороны могут только вычислить его в отличие от зачета;
4. Сальдирование возможно только для требований, срок исполнения по которым уже наступил, в то время как зачет возможен и для будущих требований;
5. Сальдирование может применяться только в рамках отдельного или нескольких взаимосвязанных договоров, в то время как для зачета достаточно критериев однородности и встречности требований, независимо от того, из каких договоров или обязательств они произошли.

Сальдирование, альтернативная зачёту конструкция, по своей сути охватывается российским институтом зачета и обособляются от него только для целей обхода правил о недопустимости зачета в банкротстве в очевидно несправедливых ситуациях.

Библиографический список

1. Сверка или сделка? Сальдирование и зачёт в банкротстве // zakonru URL: https://zakon.ru/blog/2021/9/27/sverka_ili_sdelka_saldirovanie_i_zachyot_v_bankrotstve (дата обращения: 14.07.2023).
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 17 "Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга" // СПС "Консультант"

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161313/ (дата обращения: 14.07.2023).

3. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 N 63 (ред. от 06.06.2014) "О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве" // СПС "Консультант" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90221/ (дата обращения: 14.07.2023).

4. Определение от 8 декабря 2017 г. по делу № А46-6454/2015 // Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/Ge7byXsa5JVK/> (дата обращения: 14.07.2023).

5. Определение от 13 июня 2018 г. по делу № А40-67546/2016 // Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/doJ02j0E3kHN/> (дата обращения: 14.07.2023).

6. Постановление от 3 февраля 2020 г. по делу № А40-159817/2019 // Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/BTsi5Dg1F0gP/> (дата обращения: 14.07.2023).

7. Решение от 17 сентября 2018 г. по делу № А19-12341/2018 // Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/JDoCIg5hbHYw/> (дата обращения: 14.07.2023).

8. Постановление от 18 сентября 2018 г. по делу № А76-25957/2016 // Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/uEh7odsuP91F/> (дата обращения: 14.07.2023).

Сведения об авторах: **Шувалов Артём Максимович**, студент юридического института Алтайского государственного университета, artem.shuvalov0@yandex.ru, тел. + 79130813098;

Платунова Татьяна Леонидовна, старший преподаватель, кафедры гражданского права Алтайского государственного университета, taplatunova@yandex.ru, тел. +79612407802.